

ГЛАВНЫЙ ШТАБ ВМФ

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Уважаемые читатели!

История отечественной военно-морской мысли уходит в глубину веков.

Всегда, ощущая кровное родство с европейской военно-морской школой, наше военно-морское искусство отличалось ярко-выраженной самобытностью.

Мы всегда шли своим путем, в том числе и в области управления, создавая систему органов боевого и повседневного руководства флотом применительно к особенностям своей политической системы и общественно-экономического уклада.

Не все решения были удачными, однако общий итог этого развития, безусловно, положительный.

Эта книга — лишь первый опыт, открывающий исследование большой и интересной проблемы, чрезвычайно актуальной в сложный период реформ, проводимых в новой России.

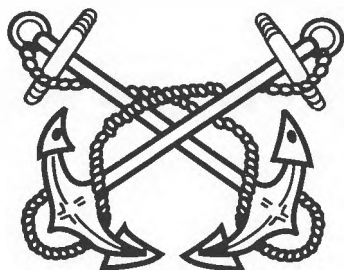
Надеемся, что наш труд поможет Вам по-новому увидеть некоторые аспекты реформирования Военно-Морского Флота, найти верное решение стоящих перед Вами задач.

Главнокомандующий
Военно-Морским Флотом
адмирал В. Куроедов

ВОЕННО-МОРСКОЙ ФЛОТ

Главный штаб ВМФ

ГЛАВНЫЙ ШТАБ ВМФ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ
1696-1997

Москва
Научная книга
1998

ББК 68.66
М 77

Подготовка и издание данной книги осуществлены
при финансовой поддержке
**Межрегионального Акционерного Коммерческого Банка
«ФОРТЕ БАНК» (г. Москва)**

Под общей редакцией главнокомандующего ВМФ РФ
адмирала **В.И. Куроедова**

Авторский коллектив: М.С. Монаков — научное руководство и редактирование, Б.И. Родионов (составление и гл. 5, 6, 7 и 8), А.А. Комаров (гл. 1 и 2), С.И. Филонов (гл. 2 и 3), О.Ю. Митронина (Предисловие и гл. 4), Ю.К. Луговой (гл. 5), В.Г. Сирица (гл. 8), А.Н. Гарнов (История органов управления ВМФ в лицах), А.Г. Усова, Ю.И. Галушкин и В.Н. Швецов. Фото — В.П. Алдакушкина, С.В. Карпухина, Ю.И. Пахомова. Использованы материалы Г.Г. Костева, В.Ф. Першина, А.Г. Назаренко, И.В. Касатонова, В.Е. Селиванова, Ю.А. Тумашкова, И.Н. Хмельнова.

Рецензенты: адмирал флота **Н.Д. Сергеев**, адмирал флота **В.Н. Чернавин**

Монаков М.С., Родионов Б.И. и др.

М77   Главный штаб ВМФ: история и современность. 1696—1997. М.:
Научная книга, 1998. — 186 с., с ил.

ISBN 5—7671—0053—5.

Книга знакомит читателей с историей органов управления отечественным Военно-Морским Флотом с 1696 по 1997 г. Рассчитана на адмиралов, генералов, офицеров, курсантов военно-морских учебных заведений и всех читателей, интересующихся историей Российского и советского военного флота.

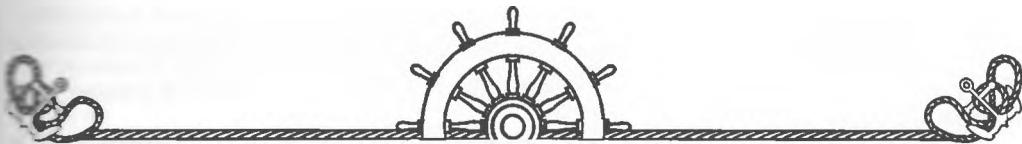
Издание предпринято впервые и подготовлено к 60-летию Главного штаба ВМФ СССР и России.

М77   1305040000   Без объявл.
05 П(03) — 98

ББК 68.66

ISBN 5—7671—0053—5

© Монаков М.С., Б.И. Родионов,
А.А. Комаров, О.Ю. Митронина и др.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В конце декабря 1997 г. исполнилось 60 лет со дня образования Народного комиссариата Военно-Морского Флота СССР. Решение об этом было принято политическим руководством страны в связи с началом работ по реализации десятилетней программы развития ВМФ, направленной на развертывание океанского флота, соответствующего статусу великой державы и целям глобальной политики Советского государства.

Положением о новом наркомате, утвержденным 15 января 1938 г., предусматривалось воссоздание ведущего органа боевого и повседневного руководства ВМФ — Главного морского штаба Военно-Морского Флота.

От этой даты ведет отсчет своей новейшей истории современный Главный штаб ВМФ, представляющий собой отлаженный, четко работающий управленческий организм, структура которого развивается с учетом специфики управления силами ВМФ в военное и мирное время.

Основными задачами ГШ ВМФ являются разработка планов применения Военно-Морского Флота в военное и мирное время, а также планов его строительства, контроль за поддержанием постоянной боевой и мобилизационной готовности флотов и флотилий, руководство их оперативной и боевой подготовкой, сбор, изучение и обработка данных обстановки, подготовка материалов для принятия решений главнокомандующим ВМФ, доведение поставленных им задач до исполнителей, контроль за всесторонним обеспечением их решения и организацией взаимодействия между флотами, а также с объединениями и соединениями других видов ВС, организация работы Центрального командного пункта ВМФ.

Наряду с этим в число основных функций ГШ ВМФ входят также организация информации об обстановке, своевременное представление донесений в Генеральный штаб, проведение мероприятий по скрытому управлению силами, изучение, обобщение и доведение до нижестоящих штабов и органов управления боевого опыта, результатов боевой службы, оперативной и боевой подготовки, организация военно-научной работы, планирование развития сил и средств флотов с учетом выделяемых на это денежных ресурсов.

В своей сложной и многогранной деятельности Главный штаб ВМФ опирается на славные традиции российских военных моряков, на их трехвековой опыт.

Предлагаемая читателю книга является первым систематизированным опытом изложения истории развития органов управления отечественным Военно-Морским Флотом. Труд освещает основные этапы становления Главного штаба ВМФ — с момента создания Петром Великим первых органов управления на заре существования регулярного Российского военного флота до наших дней.

Первым единым центральным органом управления Российского флота стала Адмиралтейств-коллегия, образованная в начале XVIII в. Она в отличие от ранее существовавших Адмиралтейского приказа и сформированной позднее Адмиралтейской канцелярии ведала не только строительством и материально-техническим обеспечением флота. В число ее функций входили руководство его боевым применением и организация подготовки личного состава.

Неизгладимый след в ранней истории органов управления Российского флота оставлен деяниями Петра I, направлявшего их деятельность. Одним из самых значительных его достижений была разработка первого российского Морского устава, изданного в 1720 г.

С развитием материальных основ вооруженной борьбы на море, форм и способов применения Российского военного флота менялись функции и структура органов управления.

В ходе преобразований, начало которым было положено реорганизацией центральных органов управления флотом в сентябре 1802 г., было образовано Министерство морских сил. В 1828 г. в составе Министерства был сформирован Главный морской штаб, однако таковым он был лишь по названию, так как не был наделен функциями оперативного управления флотом. К тому же долгое время параллельно с ГМШ существовали другие органы управления, его дублирующие. Поэтому

одной из главных задач реформы морского ведомства, проведенной после Крымской войны 1853—1856 гг., стала реорганизация его центральных управленческих структур по признаку разграничения строевых, технических и хозяйственных функций. В целом эта реформа дала положительный результат. Однако в ходе ее были допущены некоторые серьезные просчеты, одним из которых была ликвидация в 1867 г. Главного морского штаба.

Опыт руководства деятельностью флота в мирное и военное время доказал его несостоятельность. Вносить коррективы пришлось с началом реализации первой двадцатилетней программы строительства Российского флота. Восстановленный в 1885 г. Главный морской штаб в отличие от органа с аналогичным названием, существовавшего ранее, стал решать некоторые задачи боевого управления, хотя в то время эти его функции были развиты слабо. И не случайно среди важнейших причин поражения Российского флота в русско-японской войне 1904—1905 гг. явилось отсутствие стратегического и оперативных планов ее ведения.

Образование в июне 1906 г. Морского генерального штаба позволило значительно улучшить оперативное руководство флотом и организацию подготовки его к войне. Прделанная штабами работа до исхода первой мировой войны в значительной степени обусловила то, что флот выполнил поставленные перед ним задачи в 1914—1917 гг.

В книге значительное место уделено рассмотрению сложного и драматического этапа развития системы управления ВМФ в межвоенный период, когда многочисленные ее реорганизации крайне отрицательно влияли на состояние флота в целом.

В освещении деятельности ГМШ в годы Великой Отечественной войны и второй мировой в целом акцент сделан на организации взаимодействия высших органов управления армией и флотом, обобщении боевого опыта и развитии военно-морского искусства. За первые 20 послевоенных лет Главный штаб ВМФ обрел устойчивую организационную структуру. Во многом благодаря слаженной его работе советский Военно-Морской Флот вышел на качественно новый этап своего развития.

Особое внимание в книге уделено освещению организации управления силами флота в период глобального противостояния в Мировом океане в 1966—1985 гг.

Впервые в открытой отечественной историографии показана роль Главного штаба ВМФ в создании ракетно-ядерного флота, адекватного по своим оперативно-стратегическим возможностям ВМС крупнейшей морской державы мира — США.

Подробно рассмотрены этапы развития такой принципиально новой формы применения сил флота, как боевая служба. Много внимания уделено деятельности ГШ ВМФ при управлении силами во время учений, маневров, в ходе повседневной деятельности. Эти материалы представляют особую ценность. Так, опыт, накопленный Главным штабом ВМФ в эти годы, позволяет Военно-Морскому Флоту успешно решать задачи на современном этапе развития и в обозримой перспективе.

Заключительная глава книги посвящена анализу проблем, вставших перед Главным штабом и другими органами центрального аппарата ВМФ в период распада СССР, экономического кризиса 1986—1997 гг., и поиску путей решения этих проблем.

Значительное место в книге уделено характеристике руководителей центральных органов морского ведомства России, Главного штаба ВМФ СССР и Российской Федерации.

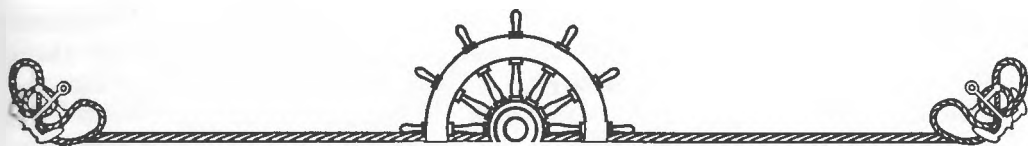
Авторы благодарят руководство Оперативного, Организационно-мобилизационного, Разведывательного управлений ГШ ВМФ и главного инженера ЦНИИ «Комета» доктора технических наук, профессора В.П. Мисника за оказанную ими помощь в работе над книгой и содействие в ее публикации; а также руководство Межрегионального Акционерного Коммерческого Банка «ФОРТЕ БАНК» за финансовую поддержку подготовки и выпуска тиража издания.

Они рассчитывают, что книга будет с интересом принята офицерским составом центрального аппарата ВМФ, флотов, военно-морских учебных заведений, а также ветеранами ВМФ и гражданскими лицами, интересующимися историей российского и советского Военно-Морского Флота.

Авторский коллектив

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

**РАЗВИТИЕ ЦЕНТРАЛЬНЫХ ОРГАНОВ
УПРАВЛЕНИЯ ФЛОТОМ
В 1696—1937 гг.**

ОРГАНЫ УПРАВЛЕНИЯ РОССИЙСКИМ ФЛОТОМ в 1696 — 1802 гг.

Превращение России в морскую державу было одним из важнейших условий успешного завершения реформ, проводимых в конце XVII — первой четверти XVIII в. по инициативе Петра I. Первая попытка прорыва к морю на юге, предпринятая в 1695 г., закончилась неудачей: сильную турецкую крепость Азов, запиравшую устье Дона, взять не удалось. Зима 1695/96 г. прошла в деятельной подготовке второго похода. Основные усилия были направлены на постройку кораблей и судов, с помощью которых предполагалось быстро перебросить войско к Азову и заблокировать крепость со стороны моря.

Решение о строительстве флота было принято на консилие (совещание) генералов, состоявшееся в начале декабря 1695 г. в Москве. Постройка кораблей и судов была организована в Воронеже и Москве. Номинально командующим флотом был назначен любимец царя Ф.Я. Лефорт, который получил звание адмирала, однако, поскольку в морском деле он не разбирался и к тому же в то время болел, работами по созданию флота Петр I руководил лично. В силу специфики организации государственного управления того времени он решал не только общие, но и многие частные вопросы. Одним из ближайших его помощников в деле строительства флота был глава Разрядного приказа боярин Т.Н. Стрешнев, который ведал заготовкой леса, рабочей силой и комплектованием экипажей. Бывший учитель царя — голландец Франц Тиммерман отвечал за хозяйственную и техническую части. Его помощниками были переводчик Посольского приказа А.Ю. Кревет, проживавший в Москве купец Гарتمان и думный дьяк А.А. Виниус.

В первой половине марта 1696 г. Петр I прибыл в Воронеж и разместился в доме подьячего воронежской приказной избы Маторина. Этот дом в переписке стал именоваться «Государевым шатром на Воронеже»¹. Некоторые исследователи называют «Государев шатер» прообразом центральных учреждений флота, однако это представляется неправомерным, так как вполне очевидно, что определенной структуры и постоянного места дислокации этот рабочий орган Петра I не имел.

После «приговора» Боярской думы от 20 (30) октября 1696 г. о создании регулярного военного флота закономерно встал вопрос о порядке управления новым государственным институтом.

Первоначально финансирование строительства и содержания флота предполагалось осуществлять главным образом за счет введения особой повинности

на владельцев 100 и более крестьянских дворов, объединявшихся в так называемые кумпанства, и отчасти за счет казны, на средства, получаемые от сбора специального налога, которым облагались менее состоятельные владельцы.

Указом Петра I от 4(14) ноября 1696 г. контроль за деятельностью кумпанств был возложен на главу Поместного приказа боярина П.В. Шереметева, а ответственность за сбор денег на строительство кораблей казной в соответствии с указом от 21 ноября (1 декабря) — на окольничьего А.П. Протасьева, возглавлявшего Владимирский судный приказ. Однако уже 17 (27) декабря руководство кумпанствами было изъято из Поместного приказа и также перешло в ведение А.П. Протасьева, который стал именоваться адмиралтейцем².

11 (21 декабря) 1698 г. был учрежден Приказ воинского морского флота (Воинский морской приказ) во главе с боярином Ф.А. Головиным, который вскоре получил чин адмирала³. Последний обладал выдающимися административными способностями и был одним из доверенных лиц Петра I. Будучи вторым послом Великого посольства 1697 — 1698 гг., он курировал русских волонтеров, отправленных на учебу на иностранные флоты, и занимался самым иностранным моряком на русскую службу.

В соответствии с распространенной в те годы практикой кроме Приказа воинского морского флота Ф.А. Головин одновременно возглавлял Посольский и Ямской приказ, Оружейную, Золотую и Серебряную палаты. Возможно поэтому основанная 14 (25) января 1701 г. Школа математических и навигацких наук была отнесена к ведению Оружейной палаты, то есть к ведомству Ф.А. Головина, который к этому времени имел под своим началом наиболее важные учреждения по управлению флотом.

Однако и он не стал главным среди доверенных лиц Петра I, приставленных к флотским делам. Почти в то же время на морскую службу был определен другой блестящий администратор эпохи Петра Великого. После того как указом от 18 (29) февраля 1700 г. А.П. Протасьев за упущения и взяточничество был отстранен от должности, его обязанности по части строительства и снабжения флота были возложены на родственника царя — стольника Ф.М. Апраксина. Он получил чин адмиралтейца и возглавил вновь созданный Приказ адмиралтейских дел (Адмиралтейский приказ)⁴. В 1708 г., после смерти Ф. А. Головина, Ф. М. Апраксин, пожалованный высшим морским чином — званием генерал-адмирала, стал распоряжаться всеми делами, которые относились к управлению флотом.

Первоначально центральные флотские учреждения, как и другие государственные органы, размещались в Москве. С началом строительства Санкт-Петербурга и флота на Балтике они стали переводиться в новую столицу.

До того как этот процесс был завершен, некоторые функции по наблюдению за строительством и снабжением флота на Балтике делегировались должностным лицам на местах и создаваемым для этих целей новым управленческим структурам. Так, в 1705 г. строительством и снабжением военных кораблей по совместительству ведал олонекский комендант И. Яковлев, а в 1707 г. решение этих задач было возложено на Адмиралтейскую канцелярию в Санкт-Петербурге во главе с А.В. Кикиным, получившим чин адмиралтейского советника⁵.

Между тем число управленческих функций росло, а вместе с ними — число центральных учреждений. С 1712 г. управление делами по личному составу флота (за исключением адмиралтейских служащих) перешло в ведение Воинской морского флота канцелярии, начальником которой был назначен

комиссар И. Тормасов⁶. Адмиралтейский приказ был переименован в Московскую адмиралтейскую канцелярию, в компетенции которой оставались хозяйственная и финансовая части морского ведомства. 12 (23) января 1715 г. генерал-майор Г.П. Чернышев именованным повелением Петра I был назначен обер-секретер-кригс-комиссаром флота и возглавил Морской комиссариат. В кругу его ведения находились доходы адмиралтейства, раздача жалованья и провианта флотским чинам, отпуск денег на нужды кораблестроения и закупки корабельных припасов. Кроме того, он ведал производством суда над морскими чинами (кроме адмиралтейских служащих)⁷. Почти одновременно были учреждены конторы и канцелярии: Экипажеская, Провиантская, Мундирная, Обер-сарваерская, Лесных дел, Счетных дел. Учреждения множились, но не было устоявшейся структуры каждого из них и единого связующего центра.

В 1717 — 1719 гг. в России была проведена реформа государственного управления — приказы заменили коллегии, подчиненные созданному в 1711 г. Сенату. В числе прочих именованным указом от 11 (22) декабря 1717 г. была учреждена Адмиралтейств-коллегия. 15(26) декабря 1717 г. президентом Адмиралтейств-коллегии был назначен генерал-адмирал Ф.М. Апраксин, а вице-президентом — опытный моряк и способный администратор голландец на русской службе вице-адмирал К.И. Крюйс⁸.

1718 г. был отведен президентам коллегий на их формирование, в 1719 г. еще разрешалось вести дела «старым манером», и лишь с 1720 г. коллегии надлежало функционировать «новым порядком».

Однако деятельность Адмиралтейств-коллегии началась ранее этого срока — 4 (15) апреля 1718 г.⁹ Размещалась она в центральной части только что отстроенного комплекса зданий Петербургского адмиралтейства, рядом с мастерскими, складами и стапелями. Первоначально кроме Ф.М. Апраксина и К.И. Крюйса в состав коллегии входили генерал-майор Г.П. Чернышев и полковник Г.В. Норов. В 1721 г. состав членов коллегии увеличился еще на пять человек. Делопроизводством коллегии заведовал обер-секретарь. В 1720 г. были введены должности двух фискалов для негласного выявления служебных упущений и преступлений, а в начале 1722 г. в коллегию был назначен прокурор для контроля за правильностью ведения дел.

В числе первых неотложных дел коллегии была разработка военно-морского законодательства. В этой работе активное участие принял Петр I, посвящая ей иногда до 14 часов в сутки. 13 (24) января 1720 г. им была утверждена «Книга устав Морской, о всем, что касается доброму управлению в бытность флота в море»¹⁰. Через два года, 5 (16) апреля 1722 г., был издан Регламент об управлении Адмиралтейства и часть вторая Регламента морского¹¹. Эти нормативные акты использовались как образец при разработке аналогичных документов в других коллегиях.

Коллегию, которая осуществляла «верхнюю дирекцию» над флотом, возглавлял президент, а в его отсутствие — вице-президент. В состав присутствия (общего собрания) коллегии входило пять—семь флагманов, преимущественно из тех, кто по возрасту и состоянию здоровья был неспособен к строевой службе. На заседаниях коллегии присутствовали также прокурор и обер-секретарь. Последний готовил и докладывал поступавшие на рассмотрение дела. Ему подчинялся рабочий орган коллегии — Канцелярия. В ней по штату полагалось иметь 24 служащих, включая сторожей, которые использовались и в качестве курьеров. В состав коллегии для ведения судебных дел

входил также обер-аудитор с подчиненными ему аудитором и канцелярскими служащими.

Президент Адмиралтейств-коллегии должен был еженедельно бывать на верфях в Петербурге, раз в месяц — в Кронштадте, раз в две недели — в морских учебных заведениях и госпиталях. При вооружении флота в Кронштадте и его возвращении из плавания присутствовали президент, вице-президент или два члена коллегии¹².

Точное время образования подведомственных Адмиралтейств-коллегии учреждений и первоначальные их штаты установить трудно. К январю 1722 г., то есть перед изданием «Регламента», существовали: Военная морская канцелярия, Экипажеская, Обер-сарваерская, Подрядная, Провиантская, Счетная, Мундирная, Лесная конторы, а также: Цейхмейстерское, Аудиторское, Казначейское, Цалмейстерское правления дел¹³.

Судя по перечню должностных лиц, подчиненных Адмиралтейств-коллегии, к весне 1722 г. состав этих органов несколько изменился. В «Регламенте» упомянуты должности генерал-кригскомиссара, контролера, обер-комиссара от покупки и подряда, казначея, цалмейстера, обер-провиантмейстера, цейхмейстера. Кроме того, в нем были предусмотрены должности начальников контор обер-сарваера и Адмиралтейской. В общей сложности в центральных органах управления флота служило 120 человек, а с представителями их в портах — 151 (не считая начальников учреждений)¹⁴.

С 13 (24) июня 1723 г. все структурные подразделения Адмиралтейств-коллегии стали именоваться конторами. В 1725 г. функционировали следующие конторы (рис. 1): Генерал-кригскомиссариатская, или Комиссариатская (общие вопросы обеспечения личного состава флота, ведение списков личного состава, руководство морскими госпиталями), Подрядная (проведение торгов, организация закупок), Провиантская (прием, хранение и выдача продовольствия), Казначейская (прием и расходование денег), Цалмейстерская (выдача жалованья личному составу), Цейхмейстерская (артиллерийская), Адмиралтейская (заведование верфями, складами, снабжением и оснащением кораблей), Обер-сарваерская (расходование лесных припасов, постройка кораблей), Контролерская (контроль за приходом и расходом материальных и денежных средств) и Мундирная (заготовление и выдача обмундирования). В 1726 г. была учреждена Вальдмейстерская контора (заведование заповедными лесами). Наряду с ними, осуществляя сбор денег и заготовку провианта для флота, действовала Московская адмиралтейская контора.

Начальники контор членами коллегии не являлись и присутствовали на ее заседаниях лишь при обсуждении дел, относившихся к их ведению.

Основным рабочим органом Адмиралтейств-коллегии оставалась Канцелярия, которая оформляла протоколы заседаний и решения коллегии по делам, поступавшим от флагманов, из контор, портов, Морской академии и школ, а также по секретным делам и делам о производстве в чины, вела работу по составлению регламентов и тарифов.

Регламент своей работы Адмиралтейств-коллегии определила 20 (31) января 1719 г. Было решено, что заседания коллегии будут происходить три раза в неделю. По вторникам должны были рассматриваться дела комиссариатские и экипажеские, по четвергам — дела, связанные с подрядами, строительством и провиантом, по субботам рассматривались челобитные, доношения и счета. Важнейшие дела рассматривались в начале заседаний. Члены коллегии

Рис. 1. Органы управления флотом в 1725 г.

должны были собираться с восьми до половины девятого утра, заседания продолжались до полудня¹⁵.

Порядок принятия решений Адмиралтейств-коллегией был крайне осложнен бюрократическими правилами и обычаями. Все входящие бумаги адресовались коллегии. Поступившие бумаги докладывались присутствию обер-секретарем в подлиннике. Если при этом требовались справки из дел и законов, то они предварительно разрабатывались в тех конторах, которых это касалось непосредственно. Принятые с общего согласия членов коллегии решения именовались приговорами, или резолюциями. В первые годы существования коллегии каждая резолюция на особом листе за подписью всех членов коллегии вместе с документами, раскрывавшими порядок рассмотрения дела, передавалась на исполнение в соответствующую контору. В случае если к исполнению решения привлекались и другие конторы, туда отсылались копии резолюций за подписью одного из членов коллегии, скрепленные обер-секретарем. Все приговоры и резолюции перед отправкой в конторы вписывались в журнал коллегии, где каждый пункт скреплялся подписью обер-секретаря или секретаря, а под последним за день пунктом подписывались все члены коллегии. Если приговоры Адмиралтейств-коллегии требовалось сообщить кому-либо из подведомственных лиц, то это делалось указами, которые готовились в соответствующих конторах и рассылались от имени коллегии. Конторы между собой сносились ведениями. Очевидно, что на это требовалось много времени и канцелярского труда. В 1724 г. делопроизводство было упрощено. Особые резолюции по каждому вопросу были отменены. Их стали вносить в журнал или протокол, скрепляя подписью дежурных членов коллегии. Протоколы заверялись подписью секретаря. Исполнение решений производилось на основании протоколов¹⁶.

К концу первой четверти XVIII в. из разрозненных учреждений, отвечавших за отдельные направления деятельности по строительству и содержанию флота, сложилась относительно стройная система органов центрального управления. Ее формирование не было одномоментным актом, а представляло собой длительный, сложный и порою противоречивый процесс.

Названия, которые присваивались в те годы центральным учреждениям флота, говорят сами за себя. К решению задач боевого управления флотом они не привлекались, поскольку объективные условия для этого еще не сложились. Стратегическое руководство войной, включая ведение вооруженной борьбы на море, было прерогативой монарха, который, говоря современным языком, осуществлял функции верховного главнокомандующего (или фактически — как Петр I, или формально — как его преемники). На тактическом уровне боевой деятельностью руководили соответствующие командиры, привлекая военные советы (советы капитанов) и опираясь на небольшой аппарат помощников, выполнявших в основном техническую работу.

Время от времени члены Адмиралтейств-коллегии принимали участие в составлении планов кампаний и общих указаний командирам эскадр, в связи с чем можно утверждать, что коллегия (в качестве рабочего органа при царе) отчасти привлекалась к осуществлению стратегического руководства действиями на море. Разрабатываемые при этом документы можно считать прообразом современных оперативных планов, приказов и директив, поскольку в инструкциях флагманам, как правило, приводились сведения относительно обстановки на театре, называлась цель действий, ставились общая и частные

задачи, определялся порядок взаимодействия со своими и союзными силами, способ получения директив верховного командования и передачи донесений о результатах своих действий. По обыкновению эти указания оформлялись рескриптом или указом государя, однако в отдельных случаях они вручались флагманам от имени президента Адмиралтейств-коллегии. Донесения командиров эскадр и отрядов о ходе кампании в большинстве случаев адресовались монарху, реже — президенту коллегии. Поступали они с большим опозданием. К примеру, рапорт князя М.М. Голицына о победе при Гренгаме 31 июля (11 августа) 1720 г. был доставлен адресату через неделю.

Обстановка на морских театрах войны велась на основе донесений командиров соединений и кораблей, состоявших в отдельном плавании, и информации, поступавшей от русских дипломатических служб, и в первую очередь — консулов в иностранных портах. Другим источником были сведения, добываемые путем опроса капитанов торговых судов, приходивших в русские порты. Данные об обстановке с посыльными судами периодически направлялись флагманам, однако к этому времени они чаще всего устаревали настолько, что практического значения не имели.

По возвращении эскадр их командиры представляли в Адмиралтейств-коллегию подробные отчеты.

В конце 20-х гг. XVIII в. Российский флот вступил в полосу глубокого упадка. Последний был вызван двумя причинами — тяжелым экономическим положением страны и борьбой за власть между различными ветвями царствующего дома. Любимое детище Петра I погибало на глазах. Корабли почти не выходили в море. По полгода и более морякам не выплачивалось жалованье. Матросы голодали. Массовыми стали побегі рядовых и прошения об отставке от офицеров. Дошло до того, что стали убегать и записываться в солдаты ученики Морской академии.

Органы управления флотом также пришли в упадок. Между членами коллегии постоянно возникали конфликты. Один за другим в 1727 г. и в 1728 г. скончались вице-президент Адмиралтейств-коллегии адмирал К.И. Крюйс и президент генерал-адмирал Ф.М. Апраксин. На должность вице-президента был назначен адмирал П.И. Сиверс, который до 1732 г. фактически возглавлял коллегию, тогда как должность президента оставалась вакантной.

22 января (2 февраля) 1732 г. именным указом императрицы Анны Иоанновны для разработки системы мер по возрождению флота была учреждена Воинская морская комиссия под председательством вице-канцлера А.И. Остермана¹⁷. Видный государственный деятель, выдающийся дипломат и не менее выдающийся интриган, А.И. Остерман почти не имел понятия о деятельности флота и его задачах, хотя и был пожалован чином генерал-адмирала. Тем не менее, руководя работой комиссии, он умело опирался на опытных моряков, назначенных ее членами, — вице-адмирала Н.А. Сенявина, контр-адмиралов П.П. Бредалья, Н.Ф. Головина, В.А. Дмитриева-Мамонова. В результате был разработан ряд мер, которые позволили существенно улучшить состояние флота. Одной из них была оптимизация структуры и уточнение функций центральных органов управления.

21 августа (1 сентября) 1732 г. императрица Анна Иоанновна утвердила подготовленный Воинской морской комиссией доклад Сената о новой структуре Адмиралтейств-коллегии, а 3 (14) декабря 1732 г. был утвержден ее новый штат¹⁸. По новому положению вместо одиннадцати контор создавались

четыре экспедиции (рис. 2). Комиссариатская экспедиция объединила функции Генерал-кригскомиссариатской, Казначейской, Цалмейстерской, Подрядной, Провиантской, Контролерской контор и занималась покупками и подрядами (кроме лесных), раздачей жалованья и мундиров, приходом и расходом денег и провианта. Экипажеская экспедиция заменила Адмиралтейскую контору. Она ведала магазинами (складами), приходом и расходом кораблестроительных материалов, кроме лесных. Сарваерская экспедиция (или Экспедиция над верфями и строением) ведала верфями, строительством кораблей, заготовками леса, то есть объединила функции Обер-сарваерской и Вальдмейстерской контор. Артиллерийская экспедиция заменила собой Артиллерийскую контору. Московская адмиралтейская контора была упразднена.

В соответствии с новым положением членами присутствия Адмиралтейств-коллегии стали президент, начальники экспедиций (генерал-кригскомиссар в чине вице-адмирала, генерал-экипажмейстер, генерал-интендант и обер-цейхмейстер — в контр-адмиральских чинах) и два советника, один из которых заведовал Морской академией, а другой — фабриками и заводами морского ведомства (оба — контр-адмиралы).

В 1733 г. президентом Адмиралтейств-коллегии был назначен адмирал Н.Ф. Головин, который исполнял эту должность до своей кончины в 1745 г. Должность вице-президента была упразднена.

Кроме перечисленных выше должностных лиц в коллегии должны были присутствовать экзекутор в чине лейтенанта, наблюдавший за исполнением решенных дел, и обер-фискал (также в чине лейтенанта), который контролировал соблюдение законов. Канцелярия коллегии, оставшаяся под началом обер-секретаря, по штату имела 25 служащих, а вместе с шестью канцелярскими служащими, состоявшими при советниках коллегии, — 31. Начальники экспедиций имели помощников в бригадирском чине, которые именовались соответственно обер-штер-кригскомиссаром, обер-экипажмейстером, обер-интендантом и цейхмейстером. Штатами экспедиций предусматривались также должности советников и комиссаров (от двух до пяти), чиновников и канцелярских служащих (от 10 до 60 человек). Во всех экспедициях вместе должно было состоять на штате 136 человек. В это число не включались начальники, входившие в присутствие коллегии.

Несмотря на сокращение числа центральных учреждений, делопроизводство усложнилось в связи с тем, что в 1733 г. был восстановлен порядок, существовавший до 1724 г., с добавлением новых требований и ограничений. Теперь в особых протоколах не только записывалось принятое решение, но и указывались обстоятельства дела. Эти протоколы подписывались всеми присутствовавшими на заседании коллегии, после чего в экспедиции посылались копии протоколов. В экспедиции также составлялся протокол с указанием принятого решения и лишь затем исполнителям посылались указы за подписью начальников экспедиций, скрепленные секретарем. Объем делопроизводства увеличился в три-четыре раза.

Надо признать, что после этого властями предпринимались неоднократные попытки оптимизировать и ускорить управленческий процесс. В частности, документы с мест стали адресоваться непосредственно в экспедиции, где по вопросам, которые могли быть решены на основании действующих нормативных документов, принимались самостоятельные решения. Если же на основании существовавших законов и установлений дело не решалось, оно

Рис. 2. Органы управления флотом в 1732 г.

с обстоятельным докладом передавалось на решение присутствия Адмиралтейств-коллегии¹⁹.

При восшествии на престол императрицы Елизаветы Петровны как основная цель ее царствования было провозглашено возвращение государства в то состояние, в котором оно было оставлено Петром Великим. Была предпринята попытка реставрировать институты и учреждения, при нем основанные. В этот процесс было вовлечено и морское ведомство.

2 (13) апреля 1743 г. был издан высочайший указ о возвращении к системе управления флотом, сложившейся при Петре I²⁰. Однако преобразования затянулись, и только 5 (16) мая 1757 г. был высочайше утвержден совместный доклад Сената и Адмиралтейств-коллегии об устройстве флота, в соответствии с которым был восстановлен прежний состав присутствия Адмиралтейств-коллегии, а вместо экспедиций вновь сформированы десять контор (Вальдмейстерская контора не восстанавливалась, ее функции перешли к Оберсарваерской). Была заново учреждена и Московская адмиралтейская контора²¹.

Однако возвращение к петровской системе управления пользы не принесло, она явно устарела. Морское ведомство оставалось в тяжелом положении, а правительство императрицы внимания ему уделяло мало. Об этом красноречиво свидетельствовало уже то, что с момента издания указа о восстановлении прежней структуры органов управления до его реализации прошло более четырнадцати лет. Другой пример — после смерти в 1745 г. адмирала Н.Ф. Головина Адмиралтейств-коллегия около пяти лет оставалась без полномочного президента, на заседаниях председательствовал старший из членов ее присутствия, и только в 1750 г. президентом коллегии был назначен адмирал М.М. Голицын.

Попытки в недавнем прошлом объяснить причины отсутствия интереса к флоту порочностью самодержавной власти и скудоумием временщиков, подвизавшихся при дворе, представляются исторически неправомерными. Правительство не ощущало потребности в сильном флоте до той поры, пока Россия не перешла к активной европейской политике и не вступила в новый этап борьбы за выход к южным морям.

К этому времени возврат к порядку управления морским ведомством, сложившемуся при Петре I, был признан ошибочным. 17 (28) ноября 1763 г. именным указом императрицы Екатерины II была учреждена Морская российская флотов и адмиралтейского правления комиссия, которой вменялось в обязанность разработать мероприятия по преобразованию флота²². Членами этой комиссии были назначены вице-адмиралы С.И. Мордвинов и Ф.С. Милославский, генерал-поручик И.Г. Чернышев и контр-адмирал Г.А. Спиридов. Первый пункт инструкции, данной комиссией императрицей, требовал рассмотреть порядок управления флотом. Этот вопрос комиссия решила чрезвычайно быстро. Через две недели, 31 (14) декабря 1763 г., Екатерина II утвердила представленный ей доклад о преобразовании правления Адмиралтейств-коллегии и ее контор²³. 4 (15) марта 1764 г. были утверждены новые штаты коллегии и подчиненных ей учреждений²⁴.

Аргументация членов комиссии в пользу реорганизации состояла в том, что временно назначавшиеся в коллегию флагманы плохо вникали в существо дел, к тому же в продолжение кампании многие из них находились в море, и работа коллегии приостанавливалась. Найти среди девяти адмиралов и трех капитан-командоров, предусмотренных штатами флота, пять—семь человек,

не способных к строевой службе, на практике не представлялось возможным. Комиссия предложила вернуться к формированию присутствия коллегии из числа руководителей ее основных структурных подразделений. Одновременно члены комиссии высказались за ликвидацию учреждений, дублирующих функции других органов.

По новому положению вместо десяти контор было образовано пять экспедиций: Комиссариатская, Интендантская, Казначейская, Артиллерийская и Счетная (для рассмотрения всех расходов). Начальники экспедиций генерал-кригскомиссар, генерал-интендант, генерал-казначей, генерал-цейхмейстер и генерал-контролер — все в чинах не ниже контр-адмирала — вошли в состав присутствия Адмиралтейств-коллегии. Вновь была введена должность вице-президента. Кроме названных выше должностных лиц в состав коллегии были введены прокурор, обер-секретарь и экзекутор. При коллегии для ведения судебных дел состояли генерал-аудитор-лейтенант, аудитор и три канцелярских служащих. Штат Канцелярии коллегии (включая обер-секретаря) насчитывал 35 человек. В экспедициях полагалось от двух до семи старших чиновников (помощников начальников экспедиций и советников) и от 8 до 35 чиновников и канцелярских служащих. Всего штатами экспедиций предусматривалась 121 должность, не считая начальников, входивших в состав присутствия коллегии. Московская адмиралтейская контора была сохранена.

Номинально президентом коллегии в декабре 1762 г. стал восьмилетний наследник престола великий князь Павел Петрович, произведенный в чин генерал-адмирала. Повзрослев, он иногда интересовался флотскими делами, но фактически с 1769 по 1797 г. руководство морским ведомством находилось в руках вице-президента И.Г. Чернышева. В соответствии с положением, утвержденным 5 (16) сентября 1764 г., в штате генерал-адмирала должны были состоять два генерал-адъютанта (в чине подполковника), четыре флигель-адъютанта (в капитанском чине), обер-аудитор, писарь и доктор, а в его походной канцелярии — два секретаря (в чине капитан-поручика), нотариус (подпоручик) и регистратор (прапорщик), генеральный лекарь и два писаря. При вице-президенте и членах коллегии должно было состоять по одному офицеру в чине не выше поручика. Генерал-цейхместеру по положению, утвержденному 14 (25) декабря 1764 г., полагалось (как и контр-адмиралам на флоте) иметь походную канцелярию и штаб из двух человек (адъютанта в чине поручика и генерального писаря)²⁵.

По «Регламенту о управлении адмиралтейств и флотов» от 24 августа (4 сентября) 1765 г.²⁶ коллегия имела «верхнюю дирекцию и власть над флотами». При этом, как следует из журналов заседаний Адмиралтейств-коллегии, последняя выражалась в том, что, как и ранее, она периодически привлекалась к решению задач стратегического руководства вооруженной борьбой на море, решая вопросы о создании временных группировок для действий в удаленных районах моря и на других морских театрах, принимая участие в разработке инструкций флагманам, рассматривая их донесения и отчеты, собирая и анализируя данные об обстановке в европейских морях.

И все же основная часть служебного времени членов коллегии и служащих ее учреждений по-прежнему поглощалась рутинной. Комиссариатская экспедиция занималась снабжением личного состава флота и госпиталями. Начальнику Интендантской экспедиции, состоявшей из Интендантского (во главе с обер-интендантом) и Экипажского (во главе с обер-экипажмейсте-

ром) департаментов, вменялись в обязанности заготовка леса, постройка и оснащение кораблей, попечение береговых сооружений, контроль за состоянием и работой флотских магазинов (складов), за исключением провиантских и артиллерийских. Казначейская экспедиция ведала распределением отпусков на содержание флота денежных сумм. В компетенции Артиллерийской экспедиции находились морская артиллерия (материальная часть и личный состав), артиллерийские склады и морские крепости. Она же отвечала за снабжение личного состава флота амуницией. Счетная экспедиция производила ревизии прихода и расхода во всех экспедициях. Свои отчеты от имени Адмиралтейств-коллегии она представляла в Ревизион-коллегию.

Как и раньше, дела всех экспедиций коллегия рассматривала в отведенные для этого дни, иной порядок был предусмотрен только для решения срочных дел. Один из членов коллегии должен был находиться в ней в течение всего дня. Он подписывал указы по исполненным документам (за исключением дел о приходе и расходе денежной казны — их должны были подписывать все члены коллегии). В экстренных случаях он вызывал председательствующего в коллегии или собирал всех ее членов.

По «Регламенту» все бумаги должны были адресоваться в коллегию, однако, если не требовалось особого решения, они передавались непосредственно в экспедиции. В иных случаях на входящие документы в присутствии членов Адмиралтейств-коллегии сразу накладывалась резолюция или их рассмотрение откладывалось до получения справок из соответствующих инстанций. Резолюции коллегии подписывались всеми ее членами и вносились в журнал, который также заверялся их подписями. В экспедиции на исполнение передавались копии резолюций, заверенные обер-секретарем. В случае отсутствия правовой нормы, которой надлежало руководствоваться при наложении резолюции, коллегия составляла всеподданейший доклад на имя императрицы, подписываемый всеми членами коллегии. По решенным делам в подчиненные инстанции рассылались указы, подписанные начальниками экспедиций, но от имени коллегии и с указанием, по какой экспедиции указ рассылается. Между собой экспедиции переписывались промемориями, от подчиненных им инстанций и лиц получали челобитные, доношения и рапорта.

Делопроизводство, несмотря на периодические попытки упростить его, по-прежнему оставалось сложным и было одним из главных препятствий для повышения отдачи от управленческой деятельности. Исполнение любого документа сопровождалось его регистрацией в многочисленных реестрах и журналах. До решения вопроса дела проходили через двенадцать рук и более²⁷. Проблему пытались решать и путем увеличения штатов центральных органов управления. Так, решением от 2(13) ноября 1777 г. число служащих в Канцелярии Адмиралтейств-коллегии было доведено до 48 человек. При этом, хотя и незначительно, увеличилась штатная численность большинства экспедиций (до 129 служащих).

В то же время рост численности аппарата отражал и объективные потребности, обусловленные дифференциацией и усложнением функций органов управления. К примеру, в ходе организационно-штатных мероприятий 1777 г. при Адмиралтейств-коллегии было создано чертежное подразделение, где изготовлялись карты. Его штатом предусматривались должности для 18 человек (шести штурманов, четырех подштурманов и восьми штурманских учеников).

В штате Московской адмиралтейской конторы числилось 13 чиновников и канцелярских служащих²⁸.

С началом строительства Черноморского флота именным указом от 13 (24) августа 1785 г. были утверждены штаты Черноморского адмиралтейского правления²⁹, структура которого была аналогична структуре Адмиралтейств-коллегии. Правление, где председательствовал вице-адмирал Н.С. Мордвинов, подчинялось Екатеринославскому и Таврическому генерал-губернатору фельдмаршалу Г.А. Потемкину, который в отношении управления Черноморским флотом получил полную независимость от Адмиралтейств-коллегии и о своих действиях доносил только генерал-адмиралу великому князю Павлу Петровичу. Штат Канцелярии правления насчитывал 24 человека, еще 5 человек состояли при правлении для ведения судебных дел. В пяти экспедициях, аналогичных коллежским, по штату полагалось иметь 55 чиновников и канцелярских служащих.

В 1791 г. в связи с кончиной Г.А. Потемкина Черноморское адмиралтейское правление на тех же основаниях было подчинено сначала видному полководцу екатерининской эпохи генерал-аншефу М.В. Каховскому, а в 1794 г. — последнему из фаворитов Екатерины II П.А. Зубову. Не обладая талантом своих предшественников, он за два года, по выражению А.В. Суворова, флот «изгноил и людей выморил». Лишь в 1796 г. с восшествием на престол императора Павла I Черноморский флот стал непосредственно подчиняться Адмиралтейств-коллегии.

При Павле I пост президента Адмиралтейств-коллегии около двух лет оставался вакантным. Вице-президент коллегии И.Г. Чернышев был произведен в генерал-фельдмаршалы от флота, но генерал-адмиралом не стал и на должность президента назначен не был. После его смерти в 1797 г. на пост вице-президента был назначен талантливый администратор адмирал И.Л. Голенищев-Кутузов, который в 1798 г. и стал последним в истории Российского флота президентом Адмиралтейств-коллегии. Вице-президентом при нем был назначен вице-адмирал Г.Г. Кушелев, автор «Устава военного флота», введенного в действие в 1797 г. взамен петровского. В 1801 г. Г.Г. Кушелева сменил адмирал Н.С. Мордвинов.

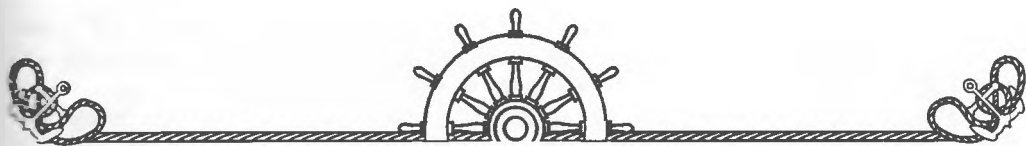
1 (12) января 1798 г. были высочайше утверждены новые штаты флота и центральных органов управления³⁰. В соответствии с ними в состав присутствия Адмиралтейств-коллегии наряду с начальниками экспедиций были введены два вице-адмирала. Из Канцелярии коллегии в качестве самостоятельных подразделений были выделены Архив (шесть человек) и Чертежная (23 человека). Штат самой канцелярии увеличился до 107 человек. Состав аппарата Аудиториата вырос до 15 служащих, однако сфера компетенции Адмиралтейств-коллегии по судебной части существенно сузилась. До этого коллегия утверждала своей властью приговоры судов о всех чинах флота до капитана 1 ранга и полковника включительно и могла их разжаловать в матросы. С 1798 г. эти дела были отданы в ведение учрежденного Павлом I Генерал-аудиториата, решения которого в отношении офицеров и всех дворян передавались на утверждение императора. За Адмиралтейств-коллегией осталась судебная власть над матросами не из дворян. Характерно, что по новому положению значительно выросла численность экспедиций коллегии — до 215 офицеров, чиновников и канцелярских служащих. Именным указом от 26 мая (6 июня) 1798 г. в составе Интендантской экспедиции, состоявшей из Интендантского и Эки-

пажского департаментов, был образован третий департамент, ведавший корабельными лесами³¹.

Такова была структура органов управления флотом к началу 1802 г. Итог их деятельности за первые сто с небольшим лет со времени введения их Петром I был внушителен. Созданный в тяжелых условиях войны и переживший четыре десятилетия упадка Российский флот вступал во второй век своего существования, господствуя на Балтике и Черном море, доказав способность действовать вдали от своих берегов.

К концу Северной войны на Балтийском море по штату полагалось иметь в строю 27 линейных кораблей, шесть фрегатов и 130 галер. Реальный состав флота в это время был даже несколько большим. По штатам 1782 г. Балтийский флот в военное время должен был состоять из 48 линейных кораблей, 18 фрегатов и соответствующего числа гребных и мелких судов. В 1798 г. число кораблей было сокращено до 45 при увеличении их суммарного боевого потенциала. По штатам 1798 г. на Черном море Россия должна была иметь 15 линейных кораблей и 10 фрегатов, шесть из которых по своей огневой мощи приближались к линейным кораблям. Параллельно шел процесс совершенствования отдельных боевых единиц, замена основных типов боевых кораблей новыми, с лучшими тактическими свойствами. Так, в 60-х гг. XVIII в. были выведены из состава флота 54-пушечные линейные корабли, после этого почти три десятилетия основу боевых соединений флота составляли 66-пушечные. К концу века их стали заменять 74-пушечными. Боевым ядром русских эскадр на Балтике были самые мощные, 100-пушечные корабли. Калибр их наиболее крупных орудий первоначально составлял 30, а с 1767 г. — 36 фунтов. Корабельная артиллерия к концу века стала более эффективной благодаря принятию на вооружение единого калибра (в 1761 г.), карронад (в 1787 г.), замене чугунных орудий более легкими и менее подверженными опасности разрыва — бронзовыми (начиная с 1783 г.). Развивалось не только артиллерийское вооружение кораблей. Более прочными стали корпуса, улучшались их обводы, стали более совершенными рангоут, бегучий и стоячий такелаж, парусное вооружение.

Бюрократизм, рутинность и медлительность, о которых упоминалось выше, в конкретно-исторических условиях того времени были неизбежны. Поэтому, отдавая должное таланту российских флотоводцев, выучке и храбрости офицеров и матросов, нельзя забывать о роли центральных органов управления, которые при всех своих недостатках обеспечили строительство и применение одного из сильнейших военных флотов мира.

ЭВОЛЮЦИЯ ОРГАНОВ УПРАВЛЕНИЯ ФЛОТОМ в 1802 — 1905 гг.

Начало царствования императора Александра I было отмечено радикальной реформой органов управления. 8 (20) сентября 1802 г. он подписал манифест об учреждении министерств, которым передавались функции коллегий. Этим актом система государственных учреждений переводилась в новое качество. Вместо коллегиальности, более 80 лет бывшей основным принципом руководства, утверждалось единоначалие с присущей ему персональной ответственностью должностных высших лиц за результаты деятельности своего ведомства. В числе первых восьми российских министерств было образовано Министерство морских сил (Министерство военных морских сил)¹.

Однако на первых порах существенных изменений в структуре и функциях центральных органов управления флотом это не повлекло. Более того, первоначально все ограничилось лишь тем, что вице-президенту Адмиралтейств-коллегии адмиралу Н.С. Мордвинову велено было впредь именоваться министром.

Широко образованный и прогрессивно мыслящий, опытный моряк и способный администратор, во главе министерства он продержался менее четырех месяцев. Среди не завершенных им дел была подготовка первой русской кругосветной экспедиции И.Ф. Крузенштерна и Ю.Ф. Лисянского.

Вскоре после образования министерства, 13(25) октября 1802 г., была учреждена Военная по флоту канцелярия, по замыслу — рабочий орган при императоре, при помощи которого монарх мог бы лично контролировать деятельность морского ведомства. В канцелярию, минуя министра и Адмиралтейств-коллегию, старшим флотским начальникам надлежало подавать донесения о состоянии дел на флотах. О чрезвычайных происшествиях следовало докладывать немедленно².

Первым правителем канцелярии стал контр-адмирал П.В. Чичагов, известный англоман, готовый безоглядно копировать в русском флоте английские порядки. Несомненно, это стало главной причиной особого расположения к нему императора Александра I: молодой царь сам питал слабость ко всему английскому.

Поэтому совершенно естественно докладывать проекты и предложения, разработанные членами «Комитета для приведения флота в лучшее состояние», учрежденного 24 августа (5 сентября) 1802 г., было поручено именно П.В. Чичагову. Вскоре он стал товарищем (заместителем) морского министра и в этой должности фактически возглавлял морское ведомство до 1807 г., когда наконец был издан указ о его назначении министром.

Реально реорганизация органов управления флотом началась с 5(17) мая 1803 г., с учреждения департамента (по другим источникам — канцелярии) министра военных морских сил³. Во главе его был поставлен директор.

12(24) апреля 1804 г. при Адмиралтейств-коллегии был создан Генеральный кригсрехт (военно-морской суд), однако не прошло и двух лет, как он был расформирован. В соответствии с указом от 8(20) октября 1805 г. два чрезвычайных представителя морского ведомства были включены в общий для армейских и флотских чинов Генерал-аудиториат⁴.

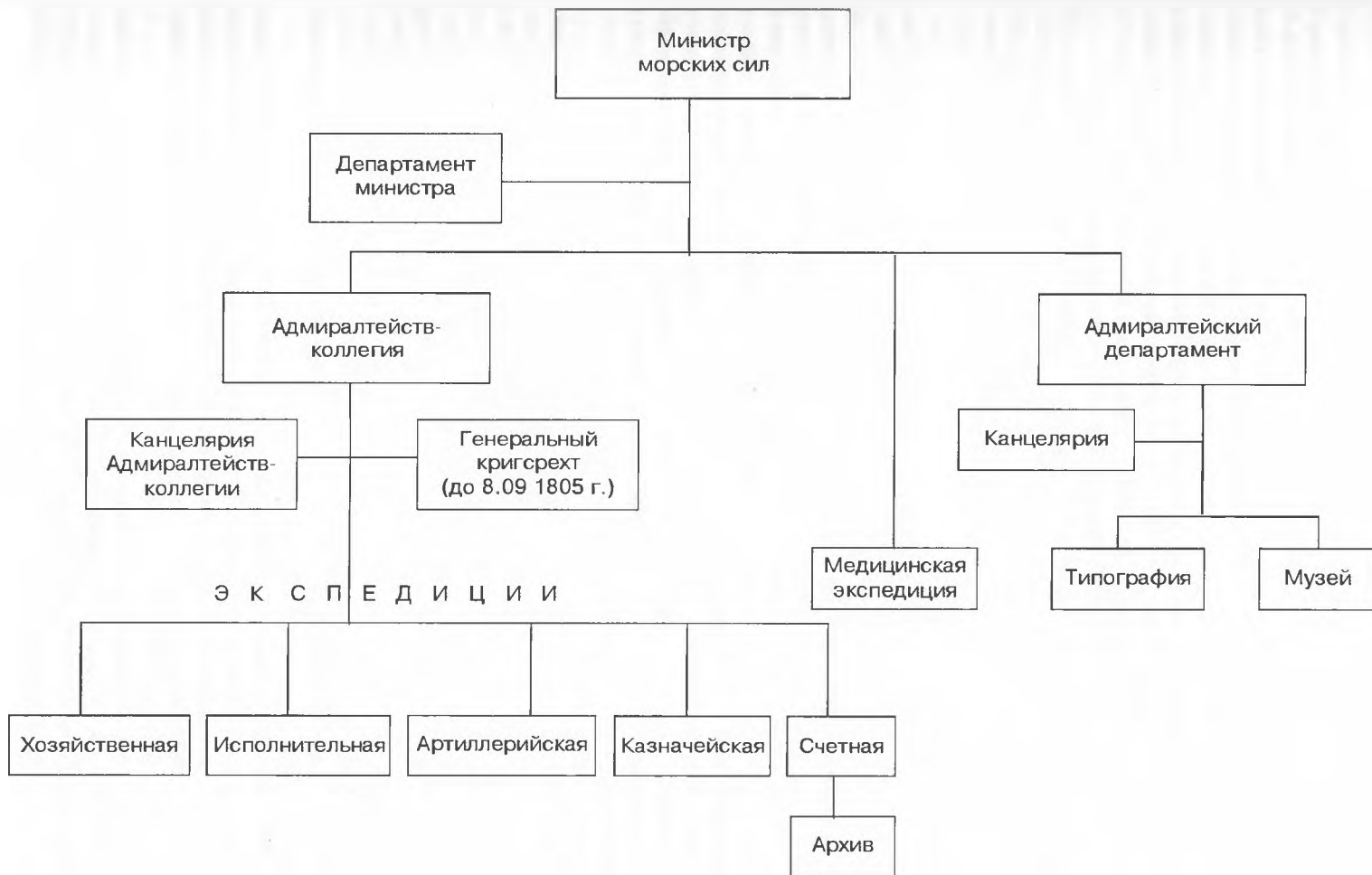
4(16) апреля 1805 г. по докладу «Комитета для приведения флота в лучшее состояние» была утверждена новая структура органов управления морским ведомством (рис. 3)⁵. В соответствии с ней в прямое подчинение морскому министру передавались Адмиралтейств-коллегия, вновь образованный Адмиралтейский департамент, главные командиры портов, управляющие экспедициями (по делам, порученным непосредственно министром), инспекторы морских полков. Делопроизводство велось через департамент министра.

Адмиралтейств-коллегия превратилась в совещательный орган при министре для решения вопросов, относящихся к боевому управлению и административно-хозяйственным делам. Присутствие ее формировалось из четырех — шести флагманов, двое из которых ежегодно менялись. Коллегии подчинялись экспедиции: Хозяйственная (заготовка припасов и материалов), Исполнительная (комплектование и учет личного состава, кораблестроение), Артиллерийская, Казначейская, Счетная (проверка финансовой и материальной отчетности). Во главе экспедиций стояли генерал-кригскомиссар, генерал-интендант, генерал-цейхмейстер, генерал-казначей и генерал-контролер.

Хозяйственная экспедиция состояла из комиссариатского (обмундирование личного состава), провиантского, интендантского (заготовка материалов для кораблестроения), экипажского (снабжение кораблей) отделений. В состав Исполнительной экспедиции входили инспекторское отделение (учет личного состава) и отделение директора по исполнительной части кораблестроения. Артиллерийская и Казначейская экспедиции на отделения не подразделялись, а в состав Счетной входили два отделения: по проверке дел Адмиралтейств-коллегии и Адмиралтейского департамента.

Делопроизводством коллегии ведала канцелярия во главе с правителем. В ее составе было два стола (отдела), один из которых вел дела о снабжении кораблей и судов, а другой — о довольствии личного состава. Кроме того, в штат был введен столоначальник, с помощью которого правитель канцелярии вел секретные дела по вопросам боевого управления.

Одновременно с преобразованием коллегии был создан Адмиралтейский департамент, в ведение которого было отдано строительство береговых объектов и научная часть, занимавшаяся, в частности, снаряжением научных экспедиций. Членами департамента были директор морских и гидравлических работ, специалист артиллерийского дела и ученые: физик, математик, историк. При департаменте числились также почетные члены, число которых не устанавливалось. Департаменту подчинялись директора Морского шляхетного кадетского корпуса, училищ и школ морского ведомства. Кроме того, департаменту были подведомственны мастерская мореходных инструментов, типография, музей, а также строительные учреждения в портах. Под началом директора департамента работал и главный архитектор. Правитель канцелярии Адмиралтейского департамента одновременно был его ученым секретарем, а канцелярия подразделялась на ученое и строительное отделение.

Рис. 3. Центральные учреждения Министерства морских сил в 1805 г.

Архив министерства, общий для Адмиралтейств-коллегии и Адмиралтейского департамента, находился в ведении Счетной экспедиции.

Общее число чинов Адмиралтейств-коллегии с канцелярией и подведомственными ей экспедициями (без писарей) составляло 104 человека, а чинов Адмиралтейского департамента с его канцелярией (без почетных членов)—14.

В дальнейшем преобразования в центральных органах управления флотом носили выборочный характер. К примеру, 4(16) августа 1805 г. медицинская часть армии и флота, бывшая в составе Министерства внутренних дел, была разделена на две части, отданные в ведение соответственно Министерства сухопутных сил и Министерства морских сил. В связи с этим в морском ведомстве была образована Медицинская экспедиция, подчиненная непосредственно министру. 5(17) марта 1806 г. указом Сената была упразднена Адмиралтейская контора в Москве⁶.

Новая система органов управления флотом стройностью не отличалась. В частности, не слишком логичной выглядела передача в ведение Адмиралтейского департамента, учреждения по преимуществу научного, руководства деятельностью заводов морского ведомства и береговым строительством. Не были четко разграничены функции между экспедициями, состоявшими в подчинении Адмиралтейств-коллегии.

Все это периодически побуждало государственную власть к новым мероприятиям по оптимизации структуры учреждений морского ведомства. Так, 25 мая (6 июня) 1810 г. в Хозяйственную экспедицию были отданы все дела по довольствию личного состава, а Исполнительная экспедиция стала единственной структурой, ответственной за руководство кораблестроением. В 1811 г. была упразднена Счетная экспедиция, а ее функции перешли к вновь учрежденному Главному управлению ревизии государственных счетов⁷. В соответствии с положением «Об общем учреждении министерств» от 25 июня (7 июля) 1811 г. в департаменте министра в качестве отдельного подразделения было образовано секретное делопроизводство⁸. 24 января (5 февраля) 1812 г. заводы и фабрики морского ведомства из подчинения Адмиралтейского департамента были переданы в ведение Адмиралтейств-коллегии⁹, а 1(13) июня 1812 г. в Министерстве морских сил был учрежден Аудиторский департамент¹⁰.

Несмотря на эти преобразования, стиль работы всех управленческих структур остался прежним, главной его чертой было огромное и запутанное делопроизводство, хотя бывшие в постоянном обороте бумаги именовались уже по-новому; Адмиралтейств-коллегия и Адмиралтейский департамент на имя министра направляли представления и записки, главные командиры портов и начальники экспедиций — рапорта; министр давал коллегии и департаменту предложения, а остальным — предписания; между собой коллегия и департамент сносились отношениями и сообщениями, а от подведомственных инстанций получали рапорта и посылали им указы.

Срочное решение вопросов при буквальном соблюдении всех правил переписки не представлялось возможным.

Назначенный в 1807 г. министром морских сил адмирал П.В. Чичагов недолго руководил морским ведомством. Сохраняя формально пост министра до 1811 г., он уже в 1809 г. по болезни отошел от дел. Исполняющим должность морского министра, а с 1811 г.— министром стал французский эмигрант маркиз адмирал И.И. де Траверсе.

В это время правительство Александра I фактически отказалось от применения флота для ведения наступательных действий — во-первых, чтобы понастоящему не ввязаться в войну с Англией, а во-вторых, в связи с отсутствием серьезной угрозы с моря, поскольку решающее столкновение между

Россией и наполеоновской Францией предполагалось на суше. Естественно, что это привело к значительному сокращению ассигнований, выделяемых на строительство и содержание флота, что самого И.И. де Траверсе вполне устраивало. Обеспечить готовность флота к решению свойственных задач он не мог. Зная это, министр направлял усилия подчиненного ему аппарата на создание картины видимого благополучия в ущерб существу дела. Корабли строились споро, но некачественно, а затем также быстро сгнивали в портах, иногда не совершив ни одного плавания. Рядовой и унтер-офицерский состав терял морские навыки. Бездеятельность разлагала офицеров. До небывалых размеров выросли служебные злоупотребления и хищения старших морских начальников.

Бывший от природы ловким царедворцем, маркиз добился своей главной цели. Он благополучно пережил войну 1812—1814 гг. и сохранял за собою пост министра до 1828 г. Правда, с 1821 г. из-за болезни И.И. де Траверсе морское ведомство фактически возглавил контр-адмирал А.В. фон Моллер, указом от 25 ноября (7 декабря) того же года назначенный на вновь учрежденную должность начальника Штаба его величества по морской части¹¹.

Несмотря на то что в этом названии присутствовало слово «штаб», образования такового на самом деле по замыслу не предполагалось. С введением этой должности император как бы возглавил морское ведомство лично, назначив А.В. фон Моллера своим докладчиком по флотским делам.

15 (27) февраля 1824 г. в составе Морского министерства (так с 1815 г. стало называться Министерство морских сил) по примеру военного ведомства был сформирован Инспекторский департамент¹² и введена должность дежурного генерала, который по совместительству стал его директором. В состав Инспекторского департамента были включены Военная по флоту канцелярия, преобразованная в Канцелярию дежурного генерала, и комиссариатское отделение Хозяйственной экспедиции. Департамент вел дела по прохождению службы личным составом, контролировал подготовку кораблей к плаваниям, надзирал за «ненарушимостью воинского порядка».

Новые масштабные организационные мероприятия последовали вслед за восшествием на престол императора Николая I. Первоначальная их концепция была результатом предварительной работы, проведенной членами «Комитета для образования флота», учрежденного 31 декабря 1825 г. (12 января 1826 г.) под председательством вице-адмирала А.В. фон Моллера¹³.

Реорганизация началась с Дежурства Морского министерства. В соответствии с новым положением дежурному генералу были подчинены канцелярия, Инспекторский и Аудиторский департаменты. Проверяя команды и учреждения морского ведомства, дежурный генерал был обязан на месте принимать меры по устранению выявленных упущений или (в случае отсутствия соответствующих полномочий) докладывать о них министру. Наряду с этим он наблюдал за снабжением кораблей и эскадр, заведовал расквартированием чинов флота в столице, вел надзор за госпиталями. Инспекторский департамент состоял из двух отделений, одним из которых разрабатывались и рассылались утвержденные указы императора, велись списки чинов флота, распределялись по кораблям экипажи. Во втором рассматривались дела об отставке нижних чинов, о пенсиях, о размещении инвалидов, вдов и сирот, о наградах за выслугу лет, а также велись дела по надзору за госпиталями и о заявленных на смотрах претензиях. На правах отделения департаменту подчинился архив, в котором хранились все дела, за исключением тех, что касались гидрографии и ученой части. В функции Аудиторского департамента входило предание чинов флота суду и ревизия поступавших в департамент военно-судных дел¹⁴.

7 (19) марта 1827 г. в составе морского ведомства был образован Строительный департамент по морской части, в ведение которого было отдано строительство береговых объектов флота¹⁵.

24 августа (5 сентября) 1827 г. было введено в действие «Предварительное образование Морского министерства», в соответствии с которым в его состав вошли: канцелярия министра, Адмиралтейств-совет, управления генерал-гидрографа, дежурного генерала, генерал-интенданта, генерал-штаб-доктора и Ученый комитет.

В состав Адмиралтейств-совета были введены генерал-гидрограф, генерал-интенданта, дежурный генерал, два «непременных» и два временных члена, сменявшихся ежегодно.

В канцелярии Управления генерал-гидрографа одно отделение инспектировало корпус флотских штурманов, образованный также в 1827 г., другое — вело дела по плаваниям кораблей, снаряжению научных экспедиций, организации телеграфирования и сигнализации. Оно же привлекалось к разработке планов боевых действий. В гидрографическое депо входили архив управления и отделения по изданию навигационных документов и хранению штурманских инструментов.

В Управлении генерал-интенданта кроме Кораблестроительного, Комиссариатского и Артиллерийского департаментов находилось общее присутствие интендантства, членами которого были генерал-интенданта и управляющие департаментами. Каждый департамент имел свою канцелярию и счетное отделение. Кораблестроительный департамент состоял из трех отделений, в ведении первого находились судостроение, судоремонт и содержание гаваней; второго — заготовка материалов для корпусных работ; третьего — заготовка материалов для такелажных работ. При департаменте функционировал учетный комитет, наблюдавший за ведением технической документации и качеством работ. В Комиссариатский департамент входили провиантское и комиссариатское отделения. В Артиллерийском департаменте имелось отделение, ведавшее поставками флоту оружия и боеприпасов.

Управление генерал-штаб-доктора включало канцелярию и два стола (отдела): медицинский и фармацевтический.

Ученый комитет состоял из председателя, четырех «непременных» членов, а также почетных членов и членов-корреспондентов. Комитет следил за новейшими научными достижениями, рекомендовал к публикации научные труды, издавал свои научные записки, рассматривал различные проекты, отчеты руководителей научных экспедиций, участвовал в надзоре за учебными заведениями и морским музеем, который при Николае I просуществовал недолго. В 1827 г., вскоре после того, как по делу декабристов один за другим были арестованы хранители морского музея капитан-лейтенант Н.А. Бестужев и лейтенант Д.И. Завалишин, царь приказал упразднить музей. Экспонаты были распределены по управлениям, часть из них попала в Кунсткамеру, а другая — безвозвратно утрачена.

В декабре 1826 г. генерал-майор князь А.С. Меншиков представил императору Николаю I свой проект переустройства управления морским ведомством по образцу Военного министерства. Проект царю понравился, и он назначил А.С. Меншикова в Комитет образования флота, поручив ему провести свои предложения в жизнь.

Отвечавшая концепции А.С. Меншикова система органов управления флотом была учреждена именованным указом Николая I от 24 марта (5 апреля) 1828 г. (рис. 4). В соответствии с ним был сформирован Морской штаб его императорского величества, 27 февраля (11 марта) 1831 г. переименованный в

Рис. 4. Организация управления морским ведомством на 1828 г.

Главный морской штаб (ГМШ). В его состав вошли канцелярия начальника штаба, Управление генерал-гидрографа, Управление дежурного генерала, Ученый комитет, а с 1831 г. — Строительный департамент. В непосредственном подчинении номинального руководителя Морского министерства остались канцелярия морского министра, Адмиралтейств-совет, Управление генерал-штаб-доктора¹⁶. 3 (15) декабря 1828 г. в ведение образованного в Морском министерстве департамента перешли корабельные леса, бывшие до этого «по Министерству финансов».

В результате этих мероприятий основная идея А.С. Меншикова, состоявшая в разделении органов управления на два направления (по признаку присущих им административных или хозяйственных функций), была реализована на практике. Министр распоряжался отпускаемыми на нужды ведомства средствами, руководил деятельностью учреждений, отвечавших за постройку кораблей, береговых объектов и снабжение флота, заседал в Кабинете министров, в Государственном совете и Сенате, но по отношению к начальнику Морского штаба он занимал фактически подчиненное положение, так как права доклада царю не имел. Именно начальник штаба являлся докладчиком императору по делам морского ведомства. Министр свои доклады на высочайшее имя подавал через него и через него же получал указания сверху. При этом следует отметить, что старшие флагманы на флотах права личного доклада императору не утратили, что по-своему было логично, поскольку только они несли всю полноту ответственности за применение флота в действиях на море.

Начальником Морского штаба был назначен автор проекта А.С. Меншиков, пожалованный чином контр-адмирала, а морским министром стал вице-адмирал А.В. фон Моллер.

8 (20) апреля 1836 г. центральные органы управления флотом вновь подверглись коренной реорганизации¹⁷. Главный морской штаб и Морское министерство были слиты в единое ведомство, которое возглавил А.С. Меншиков, получивший права министра. По положению 1836 г. в непосредственном подчинении начальника ГМШ оказались (рис. 5) вновь учрежденная Военно-походная его императорского величества канцелярия по морской части (рабочий аппарат, при помощи которого император управлял флотом, находясь вне своей постоянной резиденции), Гидрографическое управление, Инспекторский департамент, Управление генерал-штаб-доктора, в 1837 г. переименованное в Главное медицинское управление, а в 1854 г. — в Медицинский департамент, Ученый комитет, Строительный комитет по морской части, Комитет образования флота. Вместо канцелярий министра, начальника Главного штаба и Адмиралтейств-совета была образована единая Канцелярия Морского министерства, ведавшая делами распорядительного характера. В нее входили регистратура, архив и четыре отделения. В первом из них велись дела, решения по которым должен был принимать лично начальник ГМШ, во втором — дела по Адмиралтейств-совету, в третьем — финансовые, а в четвертом — по строительству. Один из секретарей канцелярии вел секретное делопроизводство.

Адмиралтейств-совет из совещательного органа при министре превратился в одну из многих инстанций, ведавших кораблестроением и хозяйственными делами. Ему через генерал-интенданта были подчинены Комиссариатский, Кораблестроительный, Артиллерийский департаменты и Департамент корабельных лесов. Совет состоял из членов, назначаемых лично императором. Общее число их не ограничивалось. Председательствовал в нем начальник

Рис. 5. Центральные учреждения Морского министерства в 1836 г.

Главного морского штаба, однако новые функции и место Адмиралтейств-совета не были обоснованы и оставались непонятными.

Высшим судебным учреждением флота стал Морской генерал-аудиториат. Членами его назначались адмиралы и генералы морского ведомства, а председателем — генерал-аудитор. Аудиторский департамент, разделенный на два отделения — по делам Балтийского и Черноморского флотов, был подчинен генерал-аудитору и фактически превратился в его канцелярию.

Преобразования, проведенные в морском ведомстве в 1836 г., очевидно, более всего соответствовали взглядам императора Николая I, тяготевшего к предельной централизации государственной власти. Он желал руководить флотом не только как суверен, но и как администратор, вникающий в подробности повседневной деятельности. Несомненно, что в рамках этой концепции аппарат управления должен был играть роль рабочего органа при монархе, и в этом смысле название — Морской штаб его императорского величества — точно выражало основную идею его создателей.

Император в вопросах строительства и применения флота был полным дилетантом. А.С. Меншиков обладал разносторонним образованием, большими природными способностями, опытом дипломатической и военной службы и, несомненно, личным мужеством. С вверенным ему делом он был знаком, мягко говоря, поверхностно — однажды самостоятельно изучил учебник морской практики. Некомпетентность А.С. Меншикова усугублялась тем, что он принципиально отвергал инициативы подчиненных. Самомнение князя намного превосходило его таланты. Свою незаурядную волю и энергию он, подобно большинству государственных деятелей николаевской эпохи, обратил на поддержание видимости благополучия, за что страна дорого заплатила во время Крымской войны 1853—1856 гг. В ней, как в капле воды, отразились все пороки авторитарной системы государственного управления, скроенной Николаем I, как мундирный сюртук «под себя».

Между тем после 1836 г. преобразования внутри морского ведомства принципиального характера уже не носили, хотя некоторые из них оказали впоследствии заметное влияние на боевую и повседневную деятельность флота.

Так, 14 (26) апреля 1837 г. подверглась реорганизации гидрографическая служба. Должность генерал-гидрографа, его канцелярия и гидрографическое депо были упразднены. Взамен был учрежден Гидрографический департамент во главе с директором. В его состав вошли канцелярия и два отделения, в одном из которых были сосредоточены дела по личному составу корпуса флотских штурманов, плаваниям кораблей и эскадр, организации научных экспедиций, телеграфированию и сигнализации, а в другом — дела по изданию карт, атласов и астрономических таблиц, а также ему были подведомственны инструментальный кабинет, гравировальная и фигурная палаты, литография и металлография, архив, библиотека, типография и чертежная¹⁸.

25 ноября (7 декабря) 1837 г. был введен новый штат Строительного департамента¹⁹. В его ведение перешло содержание всех зданий и сооружений в балтийских и черноморских портах.

В марте 1842 г. был учрежден Комитет о построении военных пароходов (Пароходный комитет). Достоверных сведений о деятельности этого органа сохранилось крайне мало. Очевидно, он был образован для изучения поступившего из Голландии предложения о продаже России судовых паровых двигателей. В штат центральных органов управления флотом он не входил. Но, как и многие временные учреждения той эпохи, комитет существовал достаточно

долго — более четырнадцати лет, занимаясь разработкой планов строительства паровых судов и технической экспертизой проектной документации²⁰.

25 ноября (7 декабря) 1847 г. было утверждено новое положение об Ученом комитете²¹. В соответствии с ним он вновь стал именоваться Морским ученым комитетом и приобрел статус министерского департамента. Одному из пяти его «непременных» членов надлежало быть артиллеристом, а другому — корабельным инженером. Как и ранее, разрешалось включать в его состав почетных членов, а также русских и иностранных членов-корреспондентов. При Морском ученом комитете была учреждена канцелярия, правитель которой состоял его ученым секретарем и редактором выпускавшихся комитетом книг и периодических изданий. Главным среди этих изданий стал научно-теоретический орган морского ведомства — журнал «Морской сборник». Инициатором его издания выступил председатель Морского ученого комитета известный мореплаватель вице-адмирал Ф.П. Литке²².

Поражение в Крымской войне обрушило прогнившие устои крепостнической России. Судьба страны была поставлена в прямую зависимость от успеха давно назревших реформ, охвативших все стороны жизни общества и все государственные институты. Преобразования в морском ведомстве в отечественной историографии, как правило, связываются с реформаторской деятельностью великого князя Константина Николаевича. Он с детства готовился к службе на флоте, чин генерал-адмирала, как и дед, Павел I получил, будучи ребенком семи лет от роду. Зато образование и воспитание ему были даны отменные под руководством адмирала Ф.П. Литке. Повзрослев, он уже порядочно знал морское дело и основы боевого применения флота. 25 июня (7 июля) 1852 г. Константин Николаевич был назначен товарищем начальника Главного морского штаба, а 21 января (2 февраля) 1853 г. он фактически вступил в управление Морским министерством, возглавив его сначала в связи с отъездом А.С. Меншикова на переговоры в Константинополь, а затем по причине назначения одного главнокомандующим войсками в Крыму.

С восшествием на престол его старшего брата Александра II Константин Николаевич стал полноправным главным начальником флота. Высочайшим приказом от 23 февраля (7 марта) 1855 г. ему «по званию генерал-адмирала» были даны соответствующие полномочия и права министра²³. Чуть позже именованным указом Сенату от 18 (30) мая 1855 г. была введена должность управляющего Морским министерством, на которую был назначен вице-адмирал Ф.П. фон Врангель для непосредственного руководства ведомством под высшим управлением генерал-адмирала²⁴.

Великий князь придерживался умеренно-либеральных взглядов и был горячим сторонником радикальных преобразований в морском ведомстве. Он активно способствовал техническому прогрессу на флоте, воспитанию нового поколения моряков, поддерживал инициативных и талантливых подчиненных. Реформируя систему управления флотом, Константин Николаевич стремился к отказу от крайностей централизма, к ликвидации условий для оправдания бюрократической волокиты и безответственности чиновников, пытался сократить центральный аппарат, расширить права портовых и других начальников на местах. В то же время генерал-адмирал был крайне самолюбив, с трудом терпел возражения, даже обоснованные. С бюрократией он боролся бюрократическими методами, не всегда был последователен и настойчив.

После 1863 г. Константин Николаевич, формально оставаясь главой морского ведомства, с головою ушел в деятельность по продвижению реформ на

других направлениях государственной деятельности, помогая царственному брату, в ближайшем окружении которого даже умеренных либералов было немного. Ответственность за состояние дел на флоте легла на плечи управляющих Морским министерством. До 1881 г. эту должность последовательно замещали вице-адмирал Ф.П. фон Врангель (1855—1857), адмирал Н.Ф. Метлин (1857—1860), адмирал Н.К. Краббе (1860—1876), вице-адмирал С.С. Лесовский (1876—1880) и контр-адмирал А.А. Пещуров (1880—1881).

Реформы 60-х гг. в центральном аппарате морского ведомства были проведены в два этапа. До этого изменения в структуре органов управления морским ведомством носили косметический характер. В частности, в 1855 г. была упразднена Военно-походная по флоту канцелярия, а вскоре после этого — должность генерал-интенданта, его управление и канцелярия. Были расформированы учетный комитет и 1-е отделение Кораблестроительного департамента. Входявшие в состав интендантства Кораблестроительный, Комиссариатский и Артиллерийский департаменты стали подчиняться управляющему Морским министерством через Адмиралтейств-совет. Затем из состава Кораблестроительного департамента было выведено техническое отделение, вскоре преобразованное в самостоятельный Кораблестроительный технический комитет на правах департамента, состоявший из председателя, четырех «постоянных» и неограниченного числа «совещательных» членов, канцелярии и чертежной.

В его ведении находились составление программ кораблестроения, разработка и экспертиза проектов кораблей, наблюдение за ходом их постройки, изучение и внедрение новых изобретений. Одновременно с созданием Кораблестроительного технического комитета был упразднен существовавший с 1842 г. Пароходный комитет²⁵. Отпуском средств на судостроение, наблюдением за исполнением заказов казенными и частными предприятиями ведал Кораблестроительный департамент.

Начало первого этапа радикальной реформы органов управления флотом было связано с утверждением 27 января (8 февраля) 1860 г. проекта «общего образования морского ведомства»²⁶. В соответствии с ним генерал-адмирал как главный начальник флота и Морского министерства с правами министра стал непосредственным руководителем начальников подчиненных ему центральных учреждений, ведавших личным составом, движением флота, строевой и распорядительной частью. В ходе этих преобразований Инспекторский департамент, подчиненный непосредственно генерал-адмиралу, приобрел некоторые функции, свойственные органу боевого управления.

Управляющему Морским министерством были даны права товарища министра. Ему непосредственно подчинялись органы, ответственные за строительство флота, специальное и материально-техническое обеспечение. При управляющем министерством состояли юрисконсульт и три чиновника особых поручений.

Адмиралтейств-совет, председателем которого был генерал-адмирал, а вице-председателем — управляющий министерством, превратился в совещательный орган при главе морского ведомства.

Высшим судебным учреждением стал Морской генерал-аудиториат.

23 мая (4 июня) 1860 г. была введена должность главного инженер-механика флота²⁷, однако первоначально она не включалась в штат центральных органов, а числилась в составе управления Балтийского флота.

В 1864 г. в связи с введением в империи единой системы расчетов по государственным подрядам и заказам было упразднено Казначейство министерства.

Первый этап реформы оказал глубокое положительное влияние на восстановление, боевую и повседневную деятельность флота. К 1860 г. в его составе было уже 242 паровых судна, закладывались основы для перевода отечественного кораблестроения на новые промышленные технологии.

Однако в это время Россия еще не могла бросить вызов крупнейшим морским державам, и потому основное внимание морского ведомства было сосредоточено на подготовке кадров. Генерал-адмирал выражал твердую уверенность, что «приготовив образованных, способных и любящих свое ремесло офицеров и кораблестроителей, министерство обеспечит будущность флота, что эти люди непременно построят хорошие суда и будут с честью управлять ими»²⁸. По инициативе Константина Николаевича была проведена перестройка всей прежней системы военно-морского образования. Дальние плаванья подняли морскую выучку экипажей. Ежегодно соединения и одиночные корабли выходили за пределы Балтики и многие месяцы бороздили просторы Мирового океана, изучая морские театры военных действий, отработывая формы и способы ведения действий флота в новых условиях. Заграничные плаванья в те годы совершили более 20% чинов флота.

Впервые стала просматриваться роль морского ведомства в развитии общего замысла применения флота. В его недрах сформировалась концепция так называемой крейсерской войны, принятой в качестве асимметричного ответа на многократное превосходство британского и французского флотов.

Эта концепция была блестяще реализована в 1863 г., когда было принято решение о скрытном развертывании в Атлантике и Тихом океане двух крейсерских эскадр для создания угрозы жизненно важным морским коммуникациям Англии и Франции.

Акция была предпринята с целью предотвратить образование новой англо-французской коалиции для вооруженного вмешательства в конфликт между царским правительством и восставшими в Царстве Польском. Подготовка эскадр была проведена под руководством вице-адмирала Н.К. Краббе. Инструкции их командирам, разработанные служащими Морского министерства, содержали точные указания о цели и задачах действий, маршрутах развертывания, организации взаимодействия, способах соблюдения мер скрытности и пополнения запасов. Корабли Атлантической эскадры под командованием контр-адмирала С.С. Лесовского в конце сентября 1863 г. прибыли в Нью-Йорк. В октябре в Сан-Франциско пришла эскадра контр-адмирала А.А. Попова. Наряду с основной целью отправка русских эскадр в порты Северо-Американских Соединенных Штатов служила выражением военно-дипломатической и моральной поддержки федерального правительства САСШ, ведущего войну против мятежного Юга.

Деятельность Морского министерства была направлена в это время и на развитие морской тактики. Огромную роль в становлении русской военно-морской мысли сыграл его научно-теоретический орган — журнал «Морской сборник».

На втором этапе реформы, начало которому было положено указом от 19 (31) декабря 1866 г., были упразднены Кораблестроительный и Комиссариатский департаменты, Строительное и Артиллерийское управления. Их функции были делегированы управлениям портов. Кораблестроительный технический и Морской ученый комитеты были слиты в Морской технический комитет²⁹.

18(30) июня 1867 г. было введено в действие новое «Положение об управлении морским ведомством»³⁰. В соответствии с ним генерал-адмирал вновь

был назван главным начальником флота и морского ведомства и председателем Адмиралтейств-совета, а управляющий Морским министерством, оставшись в его подчинении, наделялся правами министра.

В развитие Положения был составлен «Наказ по управлению морским ведомством», который был одобрен Адмиралтейств-советом и высочайше утвержден 26 мая (7 июня) 1869 г.³¹ В соответствии с Положением и Наказом к Морскому министерству относились (рис. 6): Морской технический комитет, канцелярия Морского министерства, Инспекторский и Гидрографический департаменты, Управление флота генерал-штаб-доктора, Экспедиция по ревизии материальной отчетности морского ведомства, архив Морского министерства, типография. При управляющем Морским министерством состояли юрисконсульт и чиновники особых поручений.

Морской технический комитет подразделялся на кораблестроительное, артиллерийское, строительное и ученое отделения. В ученом отделении председательствовал директор Гидрографического департамента. При артиллерийском отделении комитета состояла Комиссия артиллерийских опытов, а при ученом отделении — воссозданный в 1865 г. Морской музей, модельная мастерская, библиотека министерства, редакция журнала «Морской сборник» и Комитет морских учебных заведений.

С ликвидацией ряда управлений и департаментов непомерно повысилась роль канцелярии Морского министерства. В ее ведение было отдано предварительное планирование учебных кампаний, составление годовой денежной сметы министерства, планов хозяйственных операций и отчетов по морскому ведомству, сбор сведений о деятельности портов и переписка по подрядам. В составе канцелярии было семь отделений — Кораблестроительное, Артиллерийское, Строительное, Комиссариатское, Счетное, по делам Адмиралтейств-совета и Распорядительное. Распорядительное отделение вело «дела политические в отношении к морскому ведомству» и «дела по преобразованию учебных заведений». Оно в какой-то степени было причастно к руководству применением флота в военное и мирное время. Им же собирались сведения по иностранным флотам и обрабатывалась вся зарубежная корреспонденция.

Инспекторский департамент занимался формированием команд, вел дела по прохождению службы чинами флота, на основании предварительных планов разрабатывал уточненные планы кампаний и следил за местонахождением кораблей в море.

Из этого можно заключить, что функции боевого (оперативного) управления в это время все еще были размыты. Частично они были свойственны канцелярии Морского министерства (ее распорядительному отделению) и Инспекторскому департаменту. Вместе с тем технические средства, позволявшие в какой-то степени управлять соединениями и кораблями в море, быстро совершенствовались. Телеграфная связь, паровые посыльные суда значительно ускорили время прохождения распоряжений и донесений.

15 (27) мая 1867 г. был утвержден Военно-морской судебный устав. Вместо Морского генерал-аудиториата в качестве высшей кассационной инстанции на флоте был учрежден Главный военно-морской суд, дела которого велись Главным военно-морским судным управлением³².

Преобразования 1866—1867 гг., отвечавшие обстановке конца 50-х гг., фактически запоздали. В правительстве и морском ведомстве к этому времени уже наметился отход от либерального курса и вновь стала усиливаться тенденция к бюрократической централизации. Отсутствие в министерстве распоря-

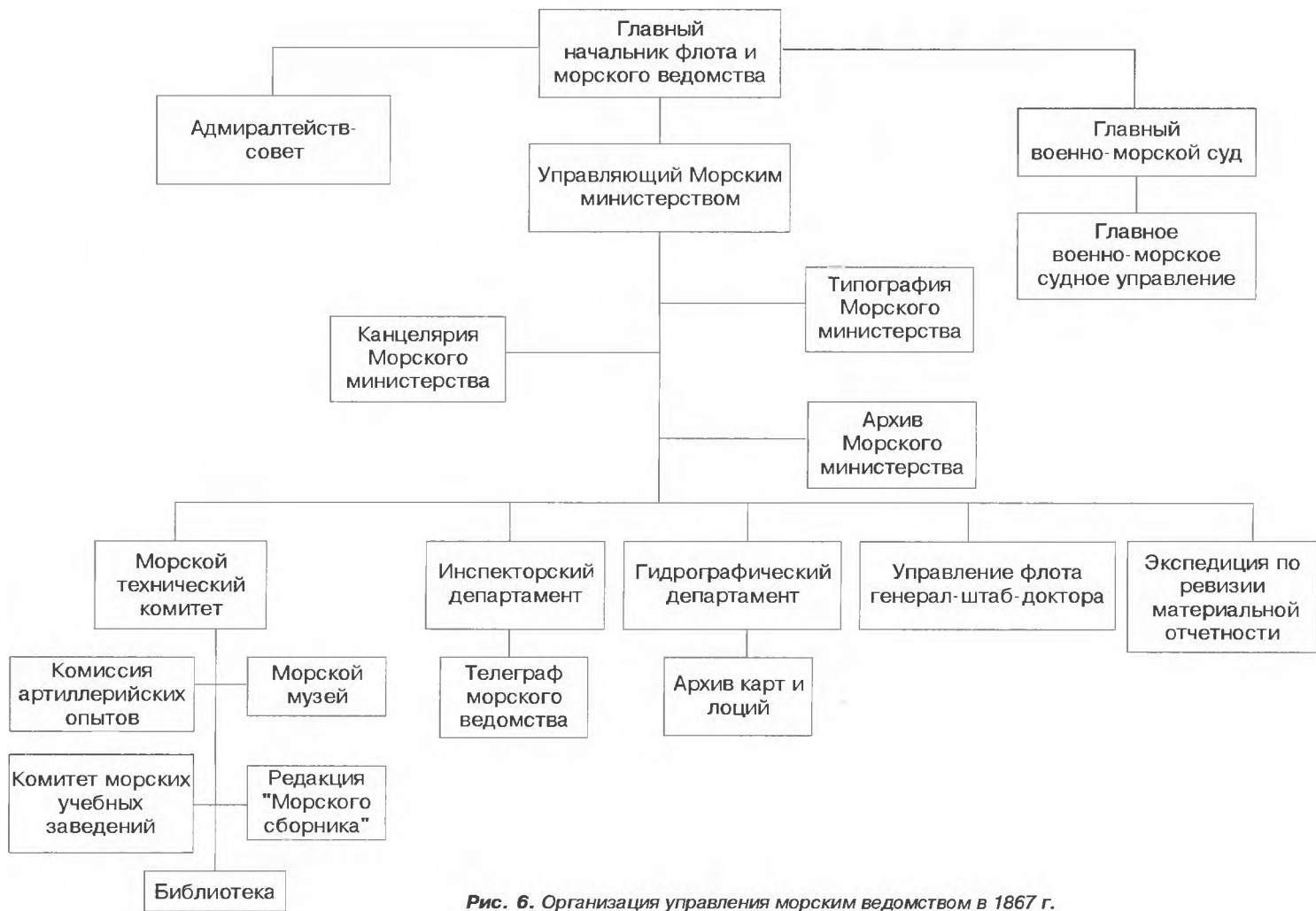

Рис. 6. Организация управления морским ведомством в 1867 г.

дительных органов привело к сосредоточению прав на принятие решений в руках генерал-адмирала и управляющего министерством, которые в соответствии с обычаем того времени нередко грешили субъективизмом. Стремясь предупредить или хотя бы ослабить вредные последствия этого, правительство стало практиковать созыв особых совещаний из высших чинов флота, по выбору генерал-адмирала или управляющего министерством. Реально, как это было отмечено выше, ведущим органом управления в системе центральных учреждений флота стала канцелярия Морского министерства, глава которой по положению властными полномочиями не наделялся.

В начале царствования Александра III произошла смена первых лиц министерства. На посту главного начальника флота и морского ведомства великого князя Константина Николаевича сменил младший брат нового царя, великий князь Алексей Александрович, ставший последним генерал-адмиралом Российского флота, не обладавший способностями своего дяди и вошедший в историю как инициатор ряда роковых для флота решений. Управляющим Морским министерством после краткого пребывания на этом посту контр-адмирала А.А. Пещурова (1880 — 1882) был назначен вице-адмирал И.А. Шестаков, которого, в свою очередь, в 1888 г. сменил вице-адмирал Н.М. Чихачев. И.А. Шестаков был человеком незаурядных способностей, но, исповедуя принцип «я сам», подавлял любую инициативу подчиненных. При этом взгляды свои он часто менял, что особенно болезненно сказывалось на строительстве флота.

Начало нового царствования в министерстве было отмечено не только кадровыми перестановками, но и радикальными преобразованиями, необходимость которых стала совершенно очевидной по результатам работы двух правительственных комиссий.

Особое совещание, созданное летом 1881 г. в составе руководителей обоих военных ведомств и Министерства иностранных дел, определило общие стратегические задачи флота на период до конца века и содержание двадцатилетней программы его строительства.

Одновременно Особая комиссия под председательством сенатора вице-адмирала А.П. Жандра рассмотрела пути дальнейшего совершенствования структуры центральных учреждений морского ведомства. Ее рекомендации свелись главным образом к усилению централизации в работе аппарата.

20 февраля (3 марта) 1884 г. Инспекторский департамент был ликвидирован. Его штаты и кадры были обращены на формирование вновь создаваемого Главного морского штаба³³. В ведение этого органа передавались «управление флотом в боевом отношении», планирование боевой подготовки, сбор и систематизация сведений по иностранным флотам, руководство строевой частью, ведение дел по личному составу. Начальник Главного морского штаба стал помощником управляющего Морским министерством по вопросам боевой готовности флота. Он же отвечал за состояние дисциплины личного состава. Штаб состоял из двух отделов — военно-морского и личного состава. Первым из них непосредственно руководил начальник штаба, вторым — его помощник. Начальником ГМШ был назначен вице-адмирал Н.М. Чихачев.

3 (15) июня 1885 г. было утверждено новое «Положение об управлении морским ведомством»³⁴. В соответствии с ним в состав Морского министерства вошли (рис. 7): Адмиралтейств-совет, Главный военно-морской суд и Глав-

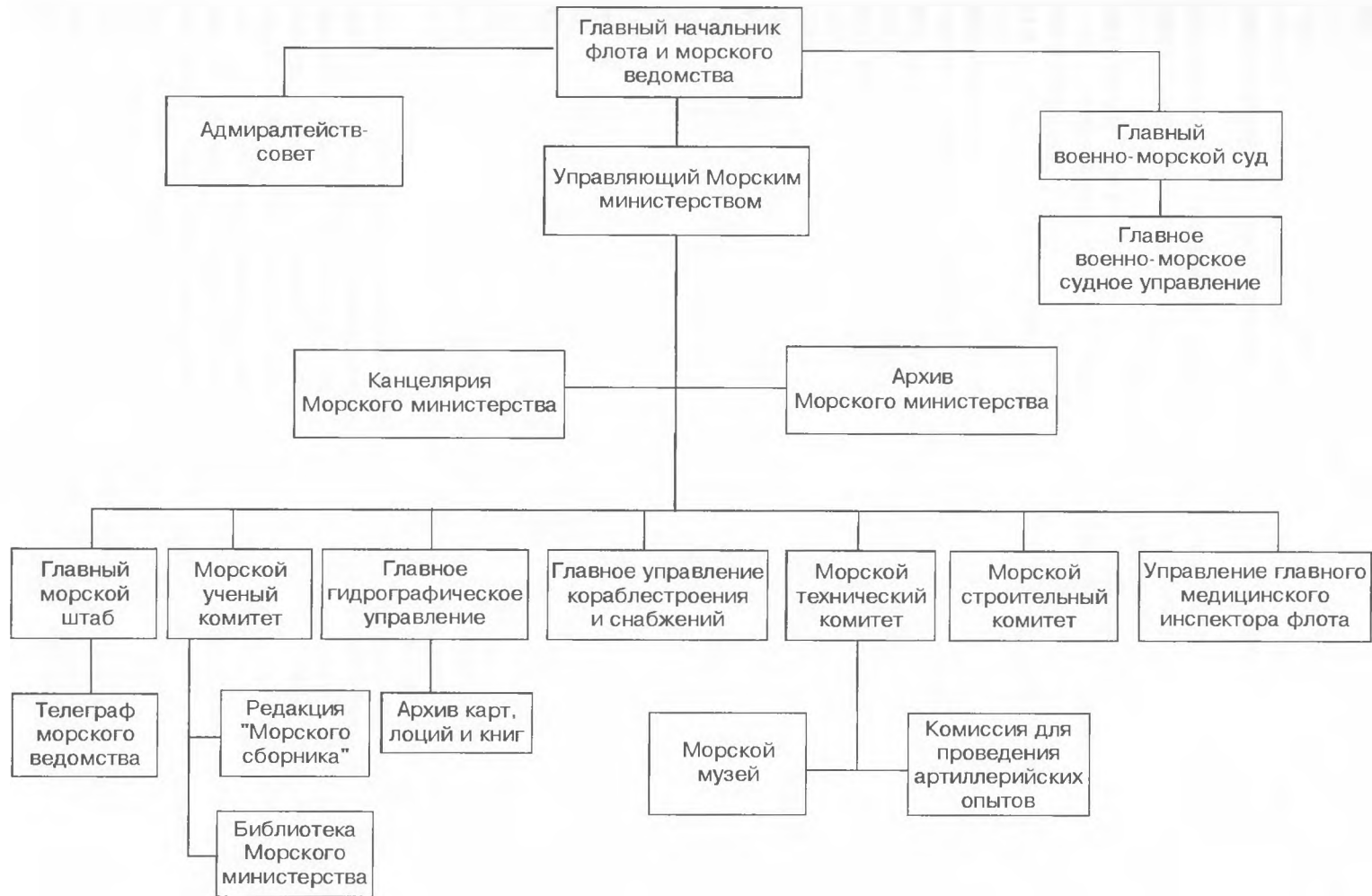

Рис. 7. Организация управления морским ведомством в 1885 г.

ное военно-морское судное управление, Главный морской штаб, выделенный из состава Морского технического комитета, Морской ученый комитет (МУК), Главное гидрографическое управление, Главное управление кораблестроения и снабжений (ГУКиС), Морской технический комитет (МТК), Морской строительный комитет, канцелярия Морского министерства, Управление главного медицинского инспектора флота, архив Морского министерства и типография.

Канцелярия Морского министерства утратила полномочия, явочным порядком присвоенные ее руководителями после 1867 г. Директор канцелярии стал одновременно юрисконсультom министерства.

Всего новый штат Морского министерства насчитывал 187 адмиралов, генералов, офицеров и чиновников, не считая писарей, чертежников, курьеров и других лиц обслуживающего персонала. Число этих работников не устанавливалось, оговаривались лишь суммы, выделявшиеся на их содержание³⁵.

Пережиток парусного флота представляло собой разделение функций между Главным управлением кораблестроения и снабжений и Морским техническим комитетом. Обе управленческие структуры отвечали, в сущности, за одно и то же — постройку кораблей в соответствии с утвержденными тактико-техническими требованиями и в установленные сроки. Однако на практике их руководители «тянули одеяло на себя». Главное управление кораблестроения и снабжений, стремясь облегчить себе жизнь, тормозило внедрение технических новшеств, порой под надуманными предлогами. Морской технический комитет систематически задерживал разработку, проверку и утверждение технической документации. Кроме того, руководство кораблестроительной частью постоянно страдало от некомпетентного вмешательства в этот процесс высших должностных лиц морского ведомства — генерал-адмирала и управляющего министерством. Следствием этого стали, в частности, характерные для российского кораблестроения того времени долгострой и дороговизна, большой разброс тактических характеристик кораблей одного и того же класса, многие конструктивные недостатки, присущие им. К выбору типов боевых кораблей и утверждению их тактико-технических характеристик привлекались также Главный морской штаб и Морской ученый комитет. В результате сроки согласования проектов нетерпимо затягивались, качество их ухудшалось, а ответственность за конечный результат окончательно размывалась. У семи няnek дитя оказывалось без глаза...

Реорганизация органов управления флотом была продолжена после утверждения 24 февраля (8 марта) 1886 г. временного «Положения о Добровольном флоте». Созданный в 1878 г., в мирное время он занимался коммерческими перевозками, получая государственные субсидии на свое развитие, а в военное время его суда предполагалось использовать в качестве вспомогательных крейсеров и быстроходных войсковых транспортов. Исходя из того, что строительство и подготовка Добровольного флота должны были вестись с учетом интересов военных ведомств, высочайшим повелением от 14 (26) марта 1883 г. он был отдан в ведение Морского министерства. Главной его задачей стала работа на линиях между Одессой и портами Тихого океана. По «Временному положению» деятельность Добровольного флота направлял комитет, подчиненный управляющему Морским министерством. Комитет состоял из председателя, двух членов от морского ведомства, одного члена

от Министерства финансов и представителя Государственного контроля. «Советательным членом» комитета числился инспектор флота³⁶.

11 (23) июня 1891 г. был внесен ряд новых изменений в структуру органов управления морским ведомством. Морской строительный комитет был переформирован в Строительную часть Морского технического комитета. Был упразднен Морской ученый комитет, функции которого были разделены между Морским техническим комитетом, Главным гидрографическим управлением и Главным морским штабом. В связи с этим военно-морской отдел ГМШ стал именоваться военно-морским научным отделом, а «Морской сборник» перешел в непосредственное подчинение начальника Главного морского штаба³⁷.

1 (13) января 1896 г. в составе Главного гидрографического управления была образована Метеорологическая часть.

В 1903 г. была предпринята первая попытка создания полноценного органа оперативного управления флотом: при военно-морском ученом отделе Главного морского штаба было создано оперативное отделение. Вскоре после начала русско-японской войны, а именно 2 (15) февраля 1904 г. военно-морской ученый отдел был разделен на распорядительно-учебную и стратегическую части. Однако на боевом управлении флотом во время войны это почти не отразилось. Одновременно была создана законодательная часть Главного морского штаба³⁸.

На рубеже XIX—XX вв. должность управляющего Морским министерством замещали адмиралы П.П. Тыртов (1896—1903) и Ф.К. Авелан (1903—1905). На посту начальника Главного морского штаба работали вице-адмирал О.К. Кремер (1888—1896), вице-адмирал Ф.К. Авелан (1896—1903) и исполнявший должность начальника штаба контр-адмирал З.П. Рожественский.

Объективный итог их деятельности — это ход и исход вооруженной борьбы на море в русско-японской войне 1904—1905 гг. Было бы, однако, несправедливо возлагать только на них всю полноту ответственности за Порт-Артур и Цусиму. Этот результат был предопределен состоянием русского общества и российской государственности в начале XX столетия.

Многочисленные и зачастую бессмысленные преобразования центрального аппарата морского ведомства в 1802—1905 гг. достаточно точно отражают неровный характер развития всего Российского флота в эти сто с небольшим лет.

Вместе с тем итоги этого развития, несомненно, были положительными.

В результате преобразований и реформ утвердилось единоначалие как основной принцип руководства. Произошло относительно четкое и целесообразное разделение функций органов управления по основным направлениям повседневной деятельности флота и руководству его строительством. Были подготовлены условия для создания в центральном аппарате морского ведомства органов боевого (оперативного) управления.

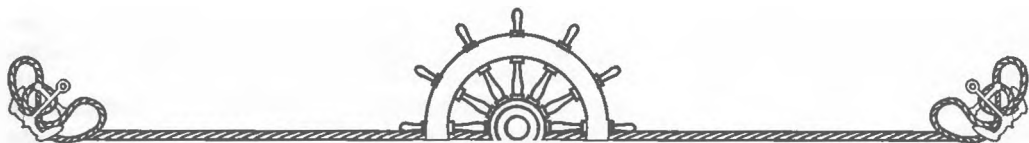
За это время выросли грамотные и опытные кадры, способные решать самые сложные управленческие задачи. Однако субъективизм как одна из главных черт стиля, присущего русской бюрократии, в полной мере отразился и на структуре, и на результатах деятельности органов управления флотом.

Его последствия усугублялись порочной системой назначения на высшую должность в морском ведомстве не по таланту и заслугам, а по праву рождения. Великий князь Константин был одним из немногих Романовых, кто вполне

соответствовал своему чину и должности. Российскому флоту повезло, что первые годы реформаторской деятельности он посвятил ему. Зато его высокородный племянник сделал все, чтобы свести к нулю положительный заряд, полученный морским ведомством в первое десятилетие реформ.

И все же надо отдать должное тем, кто к концу XIX в. обеспечил возвращение России в число трех сильнейших морских держав мира. Это была крупнейшая государственная задача, в решении которой центральные органы управления в целом выглядели достойно.

РАЗВИТИЕ ОРГАНОВ ОПЕРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ РОССИЙСКИМ ФЛОТОМ в 1906 — 1917 гг.

Русско-японская война 1904—1905 гг. стала той чертой, за которой навсегда осталась патриархальная Россия. Испытания войной она не выдержала, и давно назревший политический кризис перешел в открытую форму. Волны революционных выступлений из Санкт-Петербурга и Москвы кругами расходились по стране, захлестывая прохудившийся ковчег самодержавия. Восстания на броненосце «Потемкин» (1905 г.) и в крепости Свеаборг (1906 г.) свидетельствовали о том, что его прежде надежный оплот — вооруженные силы тоже поражены вирусом разложения. Все классы и сословия требовали перемен, разумеется вкладывая в это слово свое собственное содержание. Горячо желало их прогрессивно настроенное морское офицерство, тяжело пережившее позор Цусимы. К ним было готово даже правительство, вынужденное искать выход из исторического тупика.

Этот выход был найден в частичной модернизации политической системы Российской империи. Манифест от 17 октября 1905 г. лишь на первый взгляд не имел отношения к армии и флоту. На самом деле это было важнейшее событие в истории органов государственного управления страны, их переход на новый уровень, качественно более высокий.

Неотложные меры по улучшению руководства флотом правительство Николая II приняло незадолго до прекращения состояния войны с Японией. 2 (15) июня 1905 г. генерал-адмирал великий князь Алексей Александрович был освобожден от должности главного начальника флота и морского ведомства. 13 (26) июня управляющему Морским министерством временно были предоставлены права главного начальника морского ведомства. 29 июня (12 июля) 1905 г. была вновь учреждена должность морского министра с такими же правами, какими были наделены руководители других ведомств¹.

Однако дальше этого преобразования поначалу не пошли. Более того, в качестве уступки консерваторам морского ведомства на новую должность был назначен вице-адмирал А.А. Бирилев. Мало что изменилось и после того, как 9 (22) января 1906 г. именным указом была введена должность товарища морского министра, а начальник Главного морского штаба получил равные с ним права².

Все эти меры были уже недостаточны. Новые шаги по коренной реорганизации центральных органов управления флотом диктовались развитием политической ситуации внутри страны и за ее пределами. К этому побуждали объективные выводы из анализа трагического опыта войны 1904—1905 гг.

Появление в России предпарламента — Государственной думы, несмотря на предельное ограничение ее полномочий, все же сломало веками существовавший порядок принятия стратегических решений. Финансирование программ и планов развития видов вооруженных сил с этих нор должно было

вотироваться (одобряться) думой. Чтобы обеспечить принятие положительно-го решения, законопроекты следовало тщательно готовить, глубоко прорабатывая их политическое и оперативно-стратегическое обоснование.

Опыт войны говорил о том, что оперативно-стратегическое содержание вооруженной борьбы на море качественно меняется. Появление новых родов сил флота и новых форм их применения—систематических боевых действий и морских операций, занявших промежуточное положение между тактическими и стратегическими действиями, предъявляло новые требования к планам войны на море. Они уже не могли иметь общего характера, как во времена парусного флота.

Поэтому сразу после восстановления должности полноправного морского министра встал вопрос о создании специального органа управления для руководства строительством и подготовкой флота к войне. Одним из первых его поднял лейтенант А.Н. Щеглов в декабре 1905 г. в записке на имя морского министра, названной автором «Стратегическим обзором русско-японской войны», позднее в переработанном виде изданной в виде труда по названию «Значение и работа штаба на основании опыта русско-японской войны»³.

А.Н. Щеглов весьма доходчиво изложил свои взгляды на условия, «обеспечивающие правильность и планомерность подготовки государства к войне на море». Гарантии своевременности и полноты такой подготовки в будущем автор видел в создании Морского генерального штаба, предназначенного для разработки планов войны и ответственного за подготовку к ней флота и морских театров военных действий. Полагая, что этот штаб должен быть прежде всего рабочим органом при Верховном главнокомандующем, А.Н. Щеглов видел его независимым от Морского министерства и подчиненным непосредственно царю. Естественно, что морской министр адмирал А.А. Бирилев отверг это предложение. Однако записка окольным путем попала на рабочий стол Николая II и показалась царю весьма убедительной (имеются свидетельства, что главным проводником идеи создания Морского генерального штаба при дворе был начальник Морской походной канцелярии Его Императорского Величества контр-адмирал А.Ф. Гейден)⁴.

Высочайшим рескриптом от 24 апреля (7 мая) 1906 г. морскому министру было приказано выделить стратегическую и организационную части мобилизации флота из состава Главного морского штаба в «самостоятельное, ответственное в ряду других органов морского ведомства, учреждение с наименованием его «Управление Морского генерального штаба» с подчинением ему оперативных отделений в главных портах, а также морских агентов (военно-морские атташе) за границей.

В вопросах общего ведения Управлению Морского генерального штаба надлежало взаимодействовать с Генеральным штабом армии. Начальник Управления Морского генерального штаба являлся постоянным членом Совета государственной обороны. Он получил право делать личные доклады царю, но в присутствии морского министра⁵.

Рескрипт императора не означал образования Управления Морского генерального штаба фактически. Морскому министру было приказано предварительно разработать «наказ» и обосновать временный штат нового органа. Эта работа была завершена лишь к 5 (18) июня 1906 г., когда был издан именной указ Сенату, в соответствии с которым Управление Морского генерального штаба получило новое наименование — Морской генеральный штаб (МГС). Одновременно был утвержден «Наказ Морскому генеральному штабу» (Положение о нем)⁶.

Основной задачей этого органа управления было названо «составление плана войны на море и мероприятий по организации боевой готовности морских вооруженных сил империи». Конкретно на Морской генеральный штаб

возлагались ответственность за разработку кораблестроительных программ, формирование соединений флота, подготовка к войне морских театров военных действий, разработка мобилизационных планов, ведение оперативно-стратегической обстановки на морских театрах и изучение иностранных флотов, сбор и обработка статистических данных о русском флоте, подготовка предложений по «составлению международных деклараций», руководство морскими агентами (атташе) за границей, наблюдение за изданием журнала «Морской сборник» и преподаванием курса военно-морских наук в Николаевской морской академии.

Начальник Морского генерального штаба подчинялся морскому министру и имел властные полномочия, соответствующие правам начальников главных управлений Морского министерства. Права личного доклада императору он лишился.

Структурно Морской генеральный штаб состоял из оперативной части, отделений русской статистики, иностранной статистики, военно-исторического, а также «делопроизводства по мобилизации».

Первым начальником МГШ был назначен капитан 1 ранга Л.А. Брусилов — опытный морской офицер, с 1904 г. руководивший стратегической частью военно-морского учебного отдела Главного морского штаба. Возглавляя Морской генеральный штаб на этапе его становления, он внес значительный личный вклад в формирование концепции оперативного руководства флотом и в разработку программ восстановления морской мощи Российского государства. Однако в 1908 г. из-за разногласий с морским министром и Государственной думой он был отстранен от этой должности и назначен младшим флагманом на Балтийский флот, а через год уволен.

Л.А. Брусилова, произведенного в 1907 г. в контр-адмиралы, сменил контр-адмирал А.А. Эбергард, ранее служивший на Дальнем Востоке, на Балтийском и Черном морях, где он приобрел богатый опыт командования кораблями всех классов. До назначения начальником МГШ, с 1906 по 1908 г., А.А. Эбергард был помощником начальника Морского генерального штаба. Его деятельность высоко оценивается большинством отечественных исследователей.

В 1911 г. начальником Морского генерального штаба был назначен контр-адмирал А.А. Ливен, который с 1908 г. был прикомандирован к штабу в качестве председателя комиссии по описанию русско-японской войны. Его служба в должности начальника Морского генерального штаба была в высшей степени достойной. При нем была завершена разработка проекта «Закона об императорском Российском флоте», а пояснительная записка к проекту, написанная А.А. Ливеном лично, представляет собой один из выдающихся образцов отечественной военно-морской мысли. К несчастью, в 1914 г. он умер.

В 1914 г. начальником Морского генерального штаба стал вице-адмирал А.И. Русин — опытный адмирал с большим командным стажем и академической подготовкой, до этого назначения в течение полутора лет исполнявший должность начальника Главного морского штаба. С началом войны А.И. Русин возглавил деятельность всех органов, привлекавшихся к обеспечению оперативно-стратегического руководства действиями на море. С 1915 г. он стал одновременно помощником морского министра, а с 1916 г. — по совместительству — начальником Морского штаба Ставки Верховного главнокомандующего.

С образованием Морского генерального штаба Главный морской штаб утратил свое ведущее положение среди органов управления Морского министерства. Стратегическая часть его была ликвидирована. За ним остались функции управления флотом по строевой и распорядительной части. Адмиралы, назначавшиеся на должность начальника МГШ, как правило, оставались в ней не более одного-двух лет, и лишь Н.М. Яковлев исполнял ее с 1907 по 1911 г., а К.В. Стеценко — с 1914 по 1917 г.

Структура центрального органа управления морского ведомства приобрела законченную форму. Последующие организационные мероприятия касались отдельных элементов этой структуры и имели целью ее оптимизацию. В частности, 28 июля (10 августа) 1906 г. было высочайше утверждено Положение о Морской походной канцелярии Его Императорского Величества⁷. Подчиняясь командующему Императорской главной квартирой, начальник канцелярии должен был сопровождать императора в поездках и по его указаниям исполнять поручения, касающиеся флота.

В соответствии с указом от 11(24) октября 1907 г. было окончательно установлено, что именно морской министр является главным начальником флота и морского ведомства. Непосредственно ему подчинялись Морской генеральный штаб и Главный морской штаб. Остальными центральными органами управления флотом он руководил через товарища (заместителя) морского министра, который в соответствии с тем же указом получил права управляющего Морским министерством⁸.

11(24) октября 1911 г. было высочайше утверждено новое временное положение об управлении морским ведомством, которое, несмотря на ряд уточнений и изменений, действовало до 1917 г.⁹

Согласно этому положению к составу Морского министерства были отнесены (рис. 8): Адмиралтейств-совет, Главный военно-морской суд и Главное военно-морское судное управление, Морской генеральный штаб, Главный морской штаб, Морской учебный комитет, Главное управление кораблестроения, Главное морское хозяйственное управление, Управление санитарной частью флота, канцелярия и архив Морского министерства.

Морской генеральный штаб в 1911 г. также перешел на новый штат и с этого времени подразделялся на 1-ю оперативную часть (Балтика и северные моря), 2-ю оперативную часть (Черное и другие южные моря), 3-ю оперативную часть (Тихий океан и восточные моря), организационно-тактическую часть в составе организационного и тактического отделений, статистическую часть, включавшую иностранное и русское отделения, военно-морскую историческую часть и канцелярию. Под наблюдением Морского генерального штаба издавался журнал «Морской сборник».

Функции Морского генерального штаба были уточнены. По сравнению с теми, что были предусмотрены наказом 1906 г., прибавились составление заданий для маневров и наблюдение за их проведением (планирование и контроль оперативно-боевой подготовки), обработка военно-исторических материалов, переписка по военно-патриотическим вопросам. К ведению МГШ относилась вся распорядительная деятельность по управлению флотом (составление сводных таблиц комплектования, программ плаваний кораблей, распоряжения о маневрах и смотрах), руководство строевой частью (внутренняя и гарнизонная службы, формирование и размещение команд, разработка образцов обмундирования), личным составом (составление планов укомплектования, делопроизводство по призыву и приему на службу, назначения, перемещения, увольнения, награды, пенсии и пособия, составление мобилизационных расписаний, учет команд флота и кадров запаса). На ГМШ возлагалось также общее заведование учебным делом на флоте (переписка по делам Морского учебного комитета).

В связи с этим в состав Главного морского штаба вошли отдел личного состава, учебный отдел, распорядительная, строевая и мобилизационная части.

Морской учебный комитет был совещательным органом при министре по делам обучения и воспитания. Он работал под председательством начальника Главного морского штаба, а членами его были начальники морских учебных заведений и учебных отрядов.

18 апреля (1 мая) 1911 г. было утверждено «Положение о порядке составления и утверждения проектов кораблей и о выполнении этих проектов». В

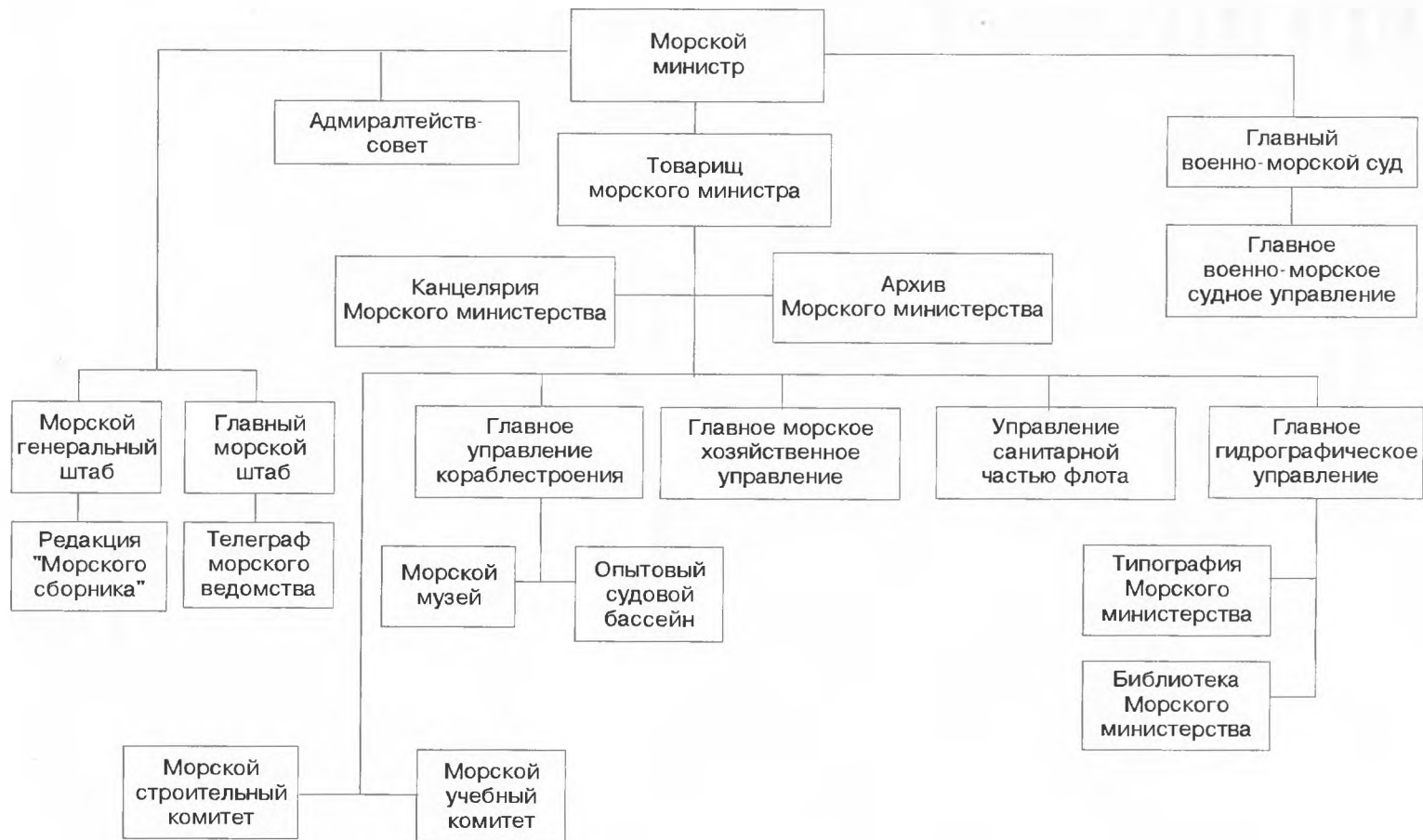

Рис. 8. Организация управления Морским министерством в 1911 г.

соответствии с ним Морской генеральный штаб разрабатывал задания на проектирование, а Главное управление кораблестроения (вместе с техническими бюро заводов) — проекты, выдавало заказы, заключало контракты и вело наблюдение за строительством кораблей. Положением запрещалось вносить в проекты изменения после их высочайшего утверждения.

С июля 1913 г. при Морском генеральном штабе состоял Морской крепостной совет¹⁰.

Временное положение об управлении морским ведомством 1911 г. внесло простоту и ясность в систему управления флотом. В значительной мере были изжиты дублирование функций разными органами управления и окончательно — коллегияльность управления. В том же году наконец стабилизировалось руководство Морским министерством, поскольку во главе обновленного ведомства поначалу оказывались не самые подходящие для этой должности кандидаты. Поэтому А.А. Бирилев продержался в кресле министра всего около года. В 1907 г. его сменил адмирал И.М. Диков, а уже в 1909 г. министром стал вице-адмирал С.А. Воеводский. Будучи толковыми администраторами и обладая большим служебным опытом, они так и не смогли преодолеть инерции устоявшихся взглядов на управление морским ведомством, глубоко вникнуть в существо назревших перемен. По этой причине им не удалось наладить конструктивное сотрудничество с Государственной думой.

И только в 1911 г. было найдено удачное кадровое решение. Морским министром был назначен адмирал И.К. Григорович, активный участник русско-японской войны, имевший большой опыт командования кораблями и соединениями флота. Незаурядные организаторские и дипломатические способности, другие блестящие качества И.К. Григоровича помогли ему в кратчайшие сроки обрести высокий авторитет в думе и других органах государственной власти. В результате ему удалось наладить эффективное руководство деятельностью министерства и всего морского ведомства, обеспечивая неуклонный рост морской мощи государства не только в мирное время, но и в годы войны.

Деятельность Морского генерального штаба после его образования началась с подготовки большого доклада «О программе развития и реформ морских вооруженных сил России». Он был представлен Николаю II 2 (15) октября 1906 г.

В докладе был дан обзор состояния российских флотов и системы их базирования. Из него следовал вывод, что после Порт-Артура и Цусимы флот на Балтике уже не представляет собой реальной силы. Состояние системы базирования Балтийского флота также оценивалось критически. Она находилась в запущенном состоянии, устарела и не обеспечивала потребностей даже того корабельного состава, который уцелел в ходе русско-японской войны 1904—1905 гг. При оценке состояния Черноморского флота было отмечено, что он по своей численности составлял почти полную боевую эскадру, однако при этом указывалось на большое разнообразие типов, разброс тактико-технических характеристик и разный возраст кораблей основных классов, в результате чего их совместное применение было крайне затруднено. Большим недостатком флота на Черном море было признано отсутствие в его составе подводных лодок. Система базирования Черноморского флота, по оценке начальника МГШ, была в таком же запущенном состоянии, как и на Балтике.

Состояние системы базирования на Тихом океане признавалось удовлетворительным с учетом того, что Россия после войны имела там малочисленное по составу и обладающее незначительным боевым потенциалом корабельное соединение.

Основная часть документа была посвящена оценке перспектив развития военно-политической обстановки на морских театрах военных действий и обо-

снованию состава сил флотов, необходимого для решения общих стратегических задач в ближайшем и отдаленном будущем.

Был сделан вывод, что основным противником России на Дальнем Востоке остается Япония, а на Западе таковым становится Германия, чей флот к моменту разработки доклада уже обладал подавляющим превосходством в силах на Балтийском морском театре.

Исходя из анализа оперативно-стратегической обстановки и тенденций ее развития в будущем, начальник Морского генерального штаба выразил убеждение в целесообразности развертывания на каждом из морских театров группировки соответствующего состава и обеспечения баз «необходимыми средствами для их самостоятельного существования».

По его мнению, на первом этапе все усилия государства следовало направить на воссоздание Балтийского флота, поскольку основная угроза его безопасности складывалась на северо-западном стратегическом направлении. По расчетам офицеров МГШ, у России оставалось всего четыре-пять лет для того, чтобы развернуть на Балтике группировку, способную вести успешные действия против германского флота. Черноморский флот, по приведении его в порядок, представлялся им достаточной силой, в связи с чем было высказано мнение, что в ближайшем будущем его существенное усиление не требуется. Создавать мощный флот на Дальнем Востоке в обозримой перспективе не считалось возможным.

Что касается судостроительной программы, то в докладе Морского генерального штаба были высказаны лишь общие предложения, состоявшие в том, что, восстанавливая флот на Балтике, надо одновременно вводить в строй не отдельные корабли, а целый тактический организм — эскадру (4 броненосца, 2 броненосных крейсера, 6 легких крейсеров, 20 эскадренных миноносцев). Доклад был царем одобрен.

Соображение о необходимости иметь в составе флота не отряды случайной численности, а соединения, состав которых был бы тактически обоснован, было очень важным. Работа в этом направлении продолжилась, и 8 (21) октября 1907 г. было утверждено разработанное МГШ «Положение о составе и подразделении флота»¹¹. В соответствии с ним эскадра должна была состоять из дивизии линейных кораблей (восемь единиц, сведенных в две бригады), бригады броненосных (линейных) крейсеров (четыре единицы), дивизии крейсеров (восемь единиц), дивизии эскадренных миноносцев (36 эсминцев и один крейсер). Дивизия эсминцев должна была состоять из двух бригад (по два дивизиона из девяти кораблей в каждой). В основу тактических расчетов было положено удобство управления, совместного маневрирования и возможность массированного применения оружия.

9 (22) января 1907 г. начальником Морского генерального штаба Л.А. Брусиловым и начальником Генерального штаба армии генералом Ф.Ф. Палицыным был подготовлен и совместно представлен Николаю II доклад, получивший его одобрение. Этим докладом были определены задачи флота на всех морских ТВД. Стратегическая цель действий на Балтике состояла в том, чтобы задержать прорыв флота противника в глубину Финского залива на 12—14 дней, дать время для мобилизации и развертывания армии. Основную задачу флота предполагалось решить боем на Гогландской минно-артиллерийской позиции. С этого времени разработка идеи боя на минно-артиллерийской позиции стала одним из основных направлений деятельности Морского генерального штаба. Стратегической задачей Черноморского флота было названо обеспечение господства на Черном море, а в качестве основной цели действий — захват черноморской проливной зоны. На Дальнем Востоке главной задачей морских сил на ближайшие годы была определена оборона районов Владивостока и Николаевска-на-Амуре.

Следующей крупной работой Морского генерального штаба стала подготовка «стратегических оснований для плана войны на море», представленных Николаю II и одобренных им 19 марта (1 апреля) 1907 г.

В основу планирования действий на Балтийском ТВД было положено то, что в качестве главного противника выступает Германия, а в качестве ее союзника — Швеция. Предполагалось, что ввиду слабости русской обороны и отсутствия сильного флота противник попытается нанести удар по столице, с тем чтобы ускорить окончание войны. Отсюда следовал вывод, что действия на Балтийском море для России будут носить оборонительный характер, в связи с чем необходимо в кратчайший срок создать здесь прочную глубоко эшелонированную оборону, основным элементом которой должен стать флот.

Для успешного решения всех свойственных задач, по расчетам Морского генерального штаба, следовало к 1920 г. развернуть на Балтике группировку, имеющую в своем составе две эскадры, каждая из которых должна, в свою очередь, состоять из восьми броненосцев, четырех броненосных крейсеров, девяти крейсеров и 36 эсминцев. Для решения задач по обороне столичного района в ближайшие годы требовалось срочно создать в районе Ревель, Порккала-Удд укрепленный рубеж, опираясь на которой флот мог бы, упорно обороняясь, не допустить прорыва в Финский залив сильнейшего противника. По расчетам МГШ, для этого необходимо было иметь на Балтике эскадру в составе восьми броненосцев и необходимого количества других сил. 10 лет авторы доклада считали крайним сроком для проведения всех этих мероприятий.

Черноморскому флоту, по мнению Морского генерального штаба, в будущей войне предстояло решать две задачи: оборонительную и наступательную. Первая состояла в обеспечении внутреннего политического положения на окраинах, тяготеющих к побережью Черного моря, в предотвращении прорыва в него флота противника, а также в недопущении вмешательства Румынии и Турции в войну на стороне враждебной России коалиции. Вторая предполагала овладение Черноморскими проливами для обеспечения безопасности своих границ и свободного выхода в Средиземное море.

Для решения наступательной задачи на Черном море считалось необходимым дополнительно построить 8 броненосцев, 4 броненосных крейсера, 9 крейсеров, 36 миноносцев и 20 подводных лодок, а также соответствующее количество вспомогательных средств, т. е. развернуть здесь одну полноценную эскадру. Возлагая на Черноморский флот только главную часть оборонительной задачи, а именно преграждение доступа флоту противника в Черное море, Морской генеральный штаб считал, что можно на ближайшее десятилетие ограничиться заменой устаревшего минного флота новыми кораблями, ремонтом и модернизацией старых броненосцев, а также созданием большого запаса мин заграждения.

Что касается Тихого океана, то Морской генеральный штаб полагал целесообразным и возможным в перспективе развернуть там группировку, состоящую из двух полноценных эскадр для борьбы с японским флотом. Эти эскадры предлагалось первоначально развернуть и подготовить на Балтике, а затем организованно перевести на Дальний Восток. Предусматривались мероприятия по обеспечению такого перехода, в том числе ряд гидрографических экспедиций для изучения возможности использования в этих целях Северного морского пути.

В итоге Морской генеральный штаб предложил на выбор царю четыре варианта судостроительной программы: первый — создание четырех полноценных эскадр (32 броненосца) по одной для Балтийского и Черного морей и двух для Дальнего Востока; второй — трех эскадр — двух для Балтийского и одной для Черного морей; третий — двух эскадр — по одной для Балтийского и

Черного морей; четвертый — одной эскадры для Балтийского моря. Одобрив доклад, Николай II приказал внести на рассмотрение Государственного совета обороны только четвертый вариант, рассчитанный на создание обороны Финского залива.

При разработке планов строительства флота в 1907 г., как и в последующем, проявилась тенденция к отрыву оперативно-стратегических разработок Морского генерального штаба от реальной экономической и политической ситуации в стране. Расчет на то, что до 1920 г., т. е. в течение двенадцати лет, экономика России может выдержать напряжение, связанное со строительством 32 линкоров, 16 линейных крейсеров, 36 крейсеров и более 140 эсминцев, был слишком оптимистичным. Тем не менее и в последующем Морской генеральный штаб настаивал на максимальных цифрах.

В борьбе за ассигнования морское ведомство находилось в сложном положении. Министерство иностранных дел, как правило, поддерживало его требования, но отказывалось дать долгосрочный прогноз развития внешнеполитической ситуации. Военное министерство требовало основную часть ассигнований направить на усиление армии, а флот рассматривать лишь как вспомогательную силу, предназначенную для содействия приморским группировкам сухопутных сил. Очевидно, что согласовать планы развития флота с армейским командованием, на чем настаивало высшее государственное руководство, в этих условиях не представлялось возможным.

Важным направлением работы Морского генерального штаба являлось совершенствование системы боевого управления силами. Так, в соответствии с «Положением о начальнике морских сил» от 18 июня (1 июля) 1907 г. была утверждена новая организация штаба флота, в составе которого с этого времени появилось оперативное отделение.

Большая и трудоемкая работа была проделана МГШ при разработке, согласовании и утверждении программ военного судостроения.

В 1906 — 1907 гг. в соответствии с одобренными Николаем II докладами была подготовлена так называемая «малая программа судостроения», рассчитанная на 10 лет. После согласований с заинтересованными ведомствами 9 (22) июня 1907 г. царь утвердил «малую программу», согласно которой в названные сроки следовало построить 2 броненосца, 2 крейсера, 18 эсминцев, 72 миноносца, 36 подводных лодок и 3 транспорта. Однако уже через три дня в нее были внесены утвержденные императором коррективы, после чего в те же сроки надлежало построить 4 броненосца, 3 подводные лодки и плавучую базу для Балтики, 14 эсминцев и 3 подводные лодки для Черного моря.

В феврале 1909 г. Морское министерство вновь вернулось к судостроительной программе на ближайшее десятилетие, представив об этом доклад Николаю II. Царь одобрил доклад и повелел обсудить судостроительную программу на Особом совещании под председательством П.А. Столыпина.

9 (22) мая начальник МГШ представил в Совет министров «Программу развития морских вооруженных сил на 1909—1919 гг.», которой предусматривалось построить на Балтийском море 8 линейных кораблей (согласно новой классификации), 4 броненосных крейсера, 9 крейсеров, 36 эсминцев и 20 подводных лодок. На Черном море предусматривалось строительство 3 крейсеров, 18 эсминцев, 6 подводных лодок и такого же числа минных заградителей. Для Тихого океана предусматривалась закладка 3 крейсеров, 4 канонерских лодок, 27 эсминцев и 12 подводных лодок.

Согласованию этой программы были посвящены четыре заседания Особого совещания, в ходе которых число крупных кораблей, предполагаемых к постройке, было сокращено в два раза и почти на треть — сумма испрашиваемых на эти цели ассигнований. 10 (23) февраля 1910 г. Николай II утвердил десятилетнюю программу, подчеркнув, что строгое соблюдение сроков ее реализации является категорическим требованием.

Однако всего полгода спустя согласованную с таким трудом 10-летнюю программу пришлось еще раз пересмотреть. В 1909—1910 гг. стало известно о планах турецкого правительства значительно усилить свой флот за счет покупки и постройки за рубежом современных линкоров-дредноутов, эскадренных миноносцев и легких надводных кораблей других классов. Первоначально Морское министерство и МГШ на эти сведения не отреагировали. Лишь по настоянию председателя Совета министров П.А. Столыпина Морской генеральный штаб разработал, а морской министр С.А. Воеводский представил Николаю II специальный доклад и уточненный план строительства кораблей на Черном море, куда были включены 3 линейных корабля-дредноута, 9 эсминцев и 6 подводных лодок. Программу одобрил Совет министров, а Государственная дума проголосовала за ассигнования на нее. После этого в мае 1911 г. ее окончательно утвердил Николай II.

К апрелю 1911 г. Морской генеральный штаб разработал проект «Закона об Императорском российском флоте» и «Программу усиленного судостроения Балтийского флота на 1911 — 1915 гг.», которые были представлены Николаю II новым морским министром И.К. Григоровичем. В проекте закона о флоте определялись на ряд лет вперед состав каждого из трех российских флотов, сроки службы кораблей основных классов, ассигнования на строительство и содержание военных портов. В соответствии с этими проектами через 22 года Балтийский флот должен был состоять из двух боевых и одной резервной эскадры, Черноморский флот — из одной боевой эскадры, по своей силе в 1,5 раза превосходящей соединенные флоты Турции, Болгарии и Румынии, и одной резервной эскадры, Сибирская флотилия (на Тихом океане) — из 35 легких боевых кораблей.

В первые пять лет из 22, отводимых на реализацию Закона о флоте, предполагалось выполнение специальной «Программы судостроения Балтийского флота на 1911 — 1915 гг.». Ею предусматривалось, начиная с 1911 г., приступить к строительству на Балтике 4 броненосных крейсеров, 4 легких крейсера, 36 эсминцев и 12 подводных лодок. В результате с учетом наличия 4 еще сравнительно новых линкоров додредноутного типа и 4 дредноутов, заложенных по программе 1907 г., Балтийский флот должен был сформировать полную боевую эскадру. Кроме того, предполагалось 2 крейсера заложить на Черном море и 6 подводных лодок — на Тихом океане. После согласования программы на межведомственном совещании и решения Государственной думы о выделении ассигнований на ее реализацию она была окончательно утверждена Николаем II 23 июня (5 июля) 1912 г. Протащить через Государственную думу «Закон о флоте» Морскому министерству не удалось, несмотря на расположение царя и огромные усилия, приложенные И.К. Григоровичем.

Как уже было отмечено выше, важнейшей задачей Морского генерального штаба была разработка планов войны на море, а общая идея применения флота на Балтийском море предполагала решение основной задачи путем боя на минно-артиллерийской позиции. По оперативному плану 1912 г. эту позицию было решено создать западнее Гогланда, в районе между островом Нарген и мысом Порккала-Удд, то есть в наиболее узкой части залива. Позиция должна была состоять из нескольких линий минных заграждений, перекрывающих Финский залив, и батарей береговой артиллерии, установленных на флангах. В районе Порккала-Удд, Гангэ предусматривалось также оборудование фланговой шхерной позиции для прикрытия Финского побережья. В тылу минно-артиллерийской позиции нарезались районы боевого маневрирования крупных артиллерийских кораблей; атаки противника группами эскадренных миноносцев планировалось вести из финских шхер. Предусматривалось также заградить минами Ирбенский пролив и Моонзунд.

При благоприятной обстановке, а также в случае успешного отражения попытки противника прорваться в Финский залив предполагалось перейти к активным действиям флота в Балтийском море.

Главной задачей Черноморского флота Морской генеральный штаб считал удержание господства на море. Однако к началу первой мировой войны утвержденного оперативного плана Черноморский флот так и не получил.

Еще одним важным направлением в работе Морского генерального штаба была разработка тактико-технических заданий на проектирование новых кораблей. В начале 1907 г. он сформулировал требования к первым отечественным линкорам — дредноутам, технические условия на проектирование которых были утверждены в декабре того же года. В последующие полтора года представители Морского генерального штаба принимали активное участие в экспертизе проектов, представленных на конкурс. Надо сказать, что не все требования Морского генерального штаба, предъявленные к этим кораблям, оказались обоснованными. Среди них — отказ от полубака и надстроек в средней части линкора, стремление к возможно большей площади бронирования и равномерному распределению башен главного калибра по всей длине корабля. В результате этого были снижены мореходные качества, отказ от линейно-возвышенного расположения башен ослабил огонь на кормовых и носовых курсовых углах, ухудшилась обитаемость, а толщина брони, как показали опыты, не обеспечивала защиты не только от бронебойных, но даже от крупнокалиберных фугасных снарядов.

Разработка заданий на проектирование легких крейсеров продолжалась с 1907 г. по 1912 г. Она явно затянулась, и предусмотренные программой крейсеры так и не вошли в строй до конца первой мировой войны.

В 1910 г. Морской генеральный штаб разработал задания на проектирование линейных крейсеров типа «Измаил», а в 1911 г. — черноморских линкоров типа «Императрица Мария». Так же активно Морской генеральный штаб участвовал в выработке заданий на проектирование и в экспертизе проектов подводных лодок и эсминцев.

В 1914 г., незадолго до начала войны, Морским генеральным штабом был издан «Проект Наставления для боевой деятельности высших соединений флота», который стал прообразом боевого устава флота.

20 октября (2 ноября) 1914 г. был утвержден новый временный штат Морского генерального штаба. Все части штаба стали называться отделениями. Среди вновь образованных подразделений было и воздухоплавательное отделение¹².

Созданный для обеспечения подготовки флота к войне, в ходе первой мировой войны Морской генеральный штаб так и не стал полноправным органом оперативного управления. С началом войны Балтийский флот был оперативно подчинен командующему 6-й армией, на которую была возложена оборона Петрограда и побережью Балтийского моря, а Черноморский флот — Верховному главнокомандующему великому князю Николаю Николаевичу. При штабах Верховного главнокомандующего и 6-й армии были созданы небольшие по численности морские управления. Через полтора года после начала войны по инициативе морского министра И.К. Григоровича в Ставке ВГК был создан Морской штаб, положение о котором было объявлено 25 января (7 февраля) 1916 г. Как уже было упомянуто выше, Морской штаб Ставки ВГК по совместительству возглавил начальник Морского генерального штаба адмирал А.И. Русин. С этого времени Балтийский и Черноморский флоты напрямую подчинялись Ставке ВГК.

В течение всей первой мировой войны МГШ обеспечивал оперативное управление силами Каспийской, Сибирской и Амурской флотилий. В его ведении оставались вопросы оборудования морских ТВД, прежде всего — развитие системы базирования действующих флотов. Большую работу проделал Мор-

ской генеральный штаб по организации обороны стратегических морских коммуникаций в Баренцевом и Белом морях, обеспечивавших связь России с союзниками. Его силами было подготовлено развертывание в 1916 г. флотилии Северного Ледовитого океана.

Ряд изменений в структуре органов управления флотом произошел после Февральской революции. После того как адмирал И.К. Григорович был уволен с поста морского министра, эту должность по очереди замещали А.И. Гучков, А.Ф. Керенский и контр-адмирал Д.Н. Вердеревский. Из них первые два во флотских делах не разбирались, к тому же были обременены другими государственными обязанностями. Д.Н. Вердеревский, вступивший на пост министра 31 августа (13 сентября), уже не мог эффективно влиять на состояние дел, поскольку Временное правительство стремительно утрачивало реальную власть в стране. На посту начальника Морского генерального штаба между февралем и октябрём 1917 г. работали контр-адмирал М.А. Кедров и контр-адмирал А.П. Капнист. Опытные и способные офицеры, они из-за краткосрочного пребывания в должности ничем себя не проявили.

7 (20) марта 1917 г. все центральные учреждения морского ведомства были подчинены помощнику морского министра, за исключением Морского генерального штаба, который остался в непосредственном подчинении министру¹³.

8 (21) мая в качестве рабочего органа оперативного управления был сформирован Походный штаб морского министра. 13 (26) июня Походному штабу была подчинена редакция журнала «Морской сборник»¹⁴. 1 (14) июня последовал приказ по Походному штабу морского министра, в соответствии с которым помощник морского министра — начальник Морского генерального штаба М.А. Кедров стал именоваться первым помощником министра с освобождением от должности начальника Морского генерального штаба. Помощник морского министра стал вторым помощником министра. Первому помощнику министра были подчинены Морской генеральный штаб, Главный морской штаб, Главное военно-морское судное управление, Управление санитарной частью флота, канцелярия и архив Морского министерства. Второму помощнику — Главное управление кораблестроения, Главное морское хозяйственное управление, Управление морской строительной части, Главное гидрографическое управление, Постоянная комиссия для испытаний судов военного флота, Управление по делам рабочих и вольнонаемных служащих.

6 (19) июня 1917 г. Главный морской штаб был реформирован в Главное управление по делам личного состава. Существовавшие к тому времени в составе штаба мобилизационное, организационное, пенсионное отделения и отделение общих дел были упразднены и вместо них созданы офицерский, матросский и распорядительный отделы. В составе последнего находились адъютантская часть, канцелярия и казначейская часть.

Вслед за этим приказом от 14 (27) июля 1917 г. было объявлено постановление Адмиралтейств-совета, принятое еще 13 (26) апреля, в соответствии с которым учреждалось Управление военно-морских учебных заведений с подчинением его Главному морскому штабу.

Приказом по флоту и морскому ведомству от 29 июля (11 августа) 1917 г. на базе отдела воздушного плавания Главного управления кораблестроения было сформировано самостоятельное Управление морской авиации и воздухоплавания.

Аналогичное решение было принято и в отношении другого рода сил флота: 14 (27) августа 1917 г. приказом по канцелярии Морского министерства отдел подводного плавания Главного управления кораблестроения был преобразован в Управление подводного плавания¹⁵.

В таком виде (рис. 9) центральные органы управления морским ведомством вместе с флотом пришли к октябрю 1917 г.

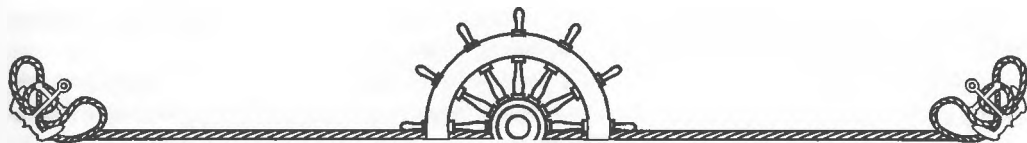

Рис. 9. Организация управления Морским министерством к осени 1917 г.

Подводя итоги сказанному, необходимо отметить, что, несмотря на жесткий лимит исторического времени, отпущенного Российскому флоту на подготовку к новой войне, в 1914 г. флот начал действовать в значительно лучшем состоянии, чем в 1904 г., хотя планы его строительства и подготовки были еще далеки от завершения. Но это лишь отчасти можно поставить в упрек морскому ведомству. Реальная готовность сил, имевшихся в наличии в начале войны, оказалась высокой. В целом реальными оказались и оперативные планы Балтийского флота, хотя в полной мере реализовать их не удалось, так как обстановка на театре складывалась иным образом, нежели это предусматривалось прогнозом МГШ.

До того как государство стало разваливаться, флот воевал достойно и даже наращивал свой совокупный боевой потенциал.

Все это в активе адмиралов и офицеров центральных органов управления, служивших в Морском министерстве в 1906—1917 гг.

ОРГАНЫ ОПЕРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ФЛОТОМ В 1917 — 1938 гг.

Слом остатков старой государственной машины был одной из главных задач, стоявших перед руководством Российской социал-демократической рабочей партии после взятия власти 25 октября (7 ноября) 1917 г. К ее решению Советское правительство приступило уже в первые часы после октябрьского переворота. Этого настоятельно требовали массы, революционное творчество которых на первых порах направлялось главным образом на уничтожение институтов, олицетворявших собой самодержавие и режим Керенского. Одновременно стала актуальной задача строительства новой системы управления государством, в том числе и органов управления морским ведомством.

Создание новых органов управления флотом шло под лозунгом утверждения власти Советов. Ведущей тенденцией этого процесса была отмена единоначалия и насаждение коллегиальности.

26 октября (8 ноября) 1917 г. II Всероссийский съезд Советов образовал Комитет по делам военным и морским. В состав его вошли В.А. Антонов-Овсеенко, Н.В. Крыленко и П.Е. Дыбенко (в качестве наркома по морским делам). Одновременно из числа делегатов съезда был сформирован Военно-морской революционный комитет (ВМРК), подчиненный Петроградскому Военно-революционному комитету. Председателем его был избран балтийский моряк И.И. Вахрамеев. В числе основных задач ВМРК были названы демократизация флота и его мобилизация для защиты завоеваний революции.

7(20) ноября 1917 г. была учреждена Верховная морская коллегия по управлению Морским министерством. В состав ее вошли П.Е. Дыбенко, капитан 1 ранга М.В. Иванов и черноморский матрос В.В. Ковальский.

Руководство деятельностью ВМРК осуществлялось Верховной морской коллегией, в составе которой было десять членов комитета с правом решающего голоса. Рядовые члены ВМРК работали в секциях (военной, контрольно-технической, хозяйственной, личного состава флота, редакционной и следственной), каждой из которых руководил член Верховной морской коллегии¹.

Пока действовал ВМРК, именно он был основной управленческой структурой, на которую опирался П.Е. Дыбенко в вопросах политического руководства морским ведомством. К примеру, 13 (26) ноября пленарное заседание комитета, обсудив доклад наркома по морским делам, приняло решение об общих принципах и структуре управления флотом в новых условиях. Для обеспечения демократизации и контроля за работой центральных органов, сохра-

нившихся от прежнего режима, в центральные учреждения морского ведомства были назначены политические комиссары.

В Морской генеральный штаб был направлен мичман Ф.Ф. Раскольников, а в Главное управление по делам личного состава флота (бывший Главный морской штаб) — В.П. Евдокимов.

Одним из важнейших мероприятий, проведенных ВМРК за время его существования, стал I Всероссийский съезд военного флота.

Член Верховной морской коллегии капитан 1 ранга М.В. Иванов одновременно исполнял обязанности ее председателя и управляющего Морским министерством. Он был одним из замечательных офицеров российского флота. В 1900 г., окончив Николаевскую морскую академию, М.В. Иванов продолжил службу на Балтике и на Дальнем Востоке. В 1904—1905 гг. воевал в составе 1-й эскадры Тихого океана, командуя противоминной обороной Порт-Артура. Первую мировую войну он встретил на Балтике в должности командира крейсера «Диана», а после февральской революции был избран матросами начальником 2-й бригады крейсеров. В знак признания особых заслуг капитана 1 ранга М.В. Иванова перед революцией I Всероссийский съезд военного флота 21 ноября (4 декабря) 1917 г. постановил считать его контр-адмиралом.

14 (27) ноября 1917 г. при Верховной морской коллегии был образован Военно-политический отдел из пяти человек², а 15 (28) января 1918 г. ей были присвоены права главного командования флота с непосредственным подчинением действующих оперативных объединений — флотов Балтийского и Черного морей. Боевое (оперативное) руководство их деятельностью было возложено на Морской генеральный штаб³.

До 15 (28) ноября 1917 г. обязанности начальника МГШ исполнял контр-адмирал А.П. Капнист. После его отстранения начальником штаба стал капитан 1 ранга Е.А. Беренс, один из наиболее авторитетных офицеров старого флота, связавших свою дальнейшую судьбу с революционной властью.

В 1904 г. на крейсере «Варяг» он участвовал в бою с японской эскадрой при Чемульпо, после русско-японской войны некоторое время преподавал в Морском корпусе и в Академии Генерального штаба, а в 1908 г., будучи старшим офицером на броненосце «Цесаревич», принял участие в спасении жителей итальянского г. Мессина, пострадавших от катастрофического землетрясения. Затем он служил в Морском генеральном штабе и военно-морским агентом (атташе) в Германии и в Италии. После февральской революции 1917 г. Е.А. Беренс был назначен начальником отдела, а затем помощником начальника МГШ⁴.

I Всероссийский съезд военного флота, проходивший в Петрограде 18—25 ноября (1—8 декабря) 1917 г., одобрил «Схему организации управления морского ведомства» и учредил Морскую секцию Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (ВЦИК), названную первоначально «Советом двадцати», а с 30 ноября (13 декабря) 1917 г. ставшую Законодательным советом морского ведомства под председательством А.В. Баранова.

К этому органу перешли полномочия Адмиралтейств-совета, упраздненного декретом Совнаркома от 23 ноября (6 декабря) 1917 г. Он должен был рассматривать проекты нормативных актов по военно-морским вопросам, административные распоряжения, штаты и таблицы, кораблестроительные программы, вопросы подготовки кадров, планы морских кампаний и финансирования флота. Все его постановления объявлялись приказами Верховной мор-

ской коллегии, члены которой входили в состав совета и обладали правом решающего голоса⁵. Скоро, однако, выяснилось, что наличие двух высших органов управления флотом — Законодательного совета и Верховной морской коллегии, по существу работающих параллельно, — не способствует целесообразному разделению функций между центральными органами и затрудняет своевременное принятие решений в области оперативного управления силами флота.

В целях дальнейшей демократизации 23 ноября (6 декабря) 1917 г. на флотах и флотилиях также было введено коллегиальное управление, которое осуществлялось военными отделами центральных комитетов. Были упразднены должности командующих, а функции штабов приняли на себя выборные организации. 27 декабря 1917 г. (9 января 1918 г.) было объявлено «Положение о демократизации флота», которым упразднялись чины и звания⁶.

29 января (11 февраля) 1918 г. Совет Народных Комиссаров (СНК) РСФСР, заслушав доклад наркома П.Е. Дыбенко, принял декрет об организации Рабоче-Крестьянского Красного Флота (РККФ). Коллегиальное руководство флотом было сохранено. На следующий день был назначен новый состав Верховной морской коллегии, а Законодательный совет принял решение о самоликвидации. В состав коллегии кроме П.Е. Дыбенко и его заместителей (Ф.Ф. Раскольников и И.И. Вахрамеева) был включен С.Е. Сакс, бывший член Законодательного совета⁷.

Первый этап реорганизации органов управления флотом завершился 9 (22) февраля 1918 г. изданием приказа по флоту и морскому ведомству № 165.

Морское министерство было переименовано в Народный комиссариат по морским делам, а Верховная морская коллегия — в коллегия наркомата. В соответствии с новым положением наркомат стал высшим органом управления, ответственным за государственную политику в области строительства и боевого применения Красного Флота. 12 апреля 1918 г. в состав его коллегии был введен бывший контр-адмирал, помощник начальника МГШ — начальник оперативного отдела Морского генерального штаба В.М. Альтфатер⁸.

При коллегии Наркомата по морским делам состояли заведующий оперативной и боевой частями (начальник МГШ), заведующий хозяйственной частью наркомата и секретариат. В число центральных органов наркомата входили Морской генштаб, главные управления — кораблестроения, гидрографическое, морское хозяйственное, по делам личного состава, управления — морской авиации и воздухоплавания, санитарной частью флота, морской строительной частью, морских учебных заведений, по делам рабочих и вольнонаемных служащих морского ведомства, научно-техническая лаборатория, Опытный судостроительный бассейн, Центральный морской музей. Среди вновь созданных структурных подразделений были военный отдел, ведавший набором добровольцев и формированиями моряков, действующими на суше, и культурно-просветительный отдел⁹.

Дальнейшие преобразования в структуре органов управления флотом были обусловлены адаптацией системы стратегического руководства войной, сложившейся в 1914—1917 гг., к новой политической реальности — диктатуре пролетариата в лице Политбюро и Центрального Комитета (ЦК) Российской Коммунистической партии большевиков РКП (б). С началом гражданской войны и иностранной интервенции в России 1918—1920 гг. работа в этом направлении значительно ускорила. В частности, 4 марта 1918 г. Совнарком принял реше-

ние об образовании Высшего военного совета (ВВС), Председателем которого стал нарком по военным делам Л.Д. Троцкий. От командования флота в состав ВВС был введен В.М. Альтфатер¹⁰.

6 апреля 1918 г. Л.Д. Троцкий принял на себя непосредственное руководство морским ведомством, а его должность стала именоваться «Народный комиссар по военным и морским делам»¹¹.

30 апреля 1918 г. СНК РСФСР утвердил «Временное положение о коллегии Народного комиссариата по морским делам». В соответствии с ним управление флотом было возложено на коллегия. В ее состав (по должности) включался нарком, два политических работника и два морских специалиста.

Первоначально в коллегия были назначены И.И. Вахрамеев и Ф.Ф. Раскольников, из военно-морских специалистов — В.М. Альтфатер, который отвечал за работу МГШ, учебных заведений и за кадровые вопросы. Затем в ее состав был введен С.Е. Сакс, в ведение которого поступили кораблестроение и вооружение флота, руководство материально-техническим обеспечением и решение хозяйственных вопросов. Коллегия пользовалась правами командующего и отвечала за боевую готовность сил РККФ. Обеспечение руководства боевой деятельностью действующих объединений и соединений возлагалось на Морской генеральный штаб¹².

В 1918 г. Морской генштаб состоял из оперативного (В.М. Альтфатер), организационно-тактического (Л.Г. Гончаров), мобилизационно-экономического (В.С. Вечеслов) и иностранного (М.И. Дунин-Борковский) отделов, морской регистрационной службы (А.И. Левицкий), ведавшей разведкой, и военно-морского исторического отделения (Н.В. Новиков)¹³. На МГШ кроме обеспечения руководства боевой деятельностью флота возлагались разработка нормативных актов по вопросам военно-морской службы и военно-морской деятельности, подготовка и проведение организационно-штатных мероприятий, комплектование флота личным составом. Кроме того, начальник Морского генштаба осуществлял общее руководство «Комиссией по исследованию и использованию опыта войны 1914 — 1918 гг. на море» (МОРИСКОМ). За время своей работы МОРИСКОМ собрала богатейший архив из документов первой мировой и гражданской войн, издала ряд трудов и широко привлекалась к подготовке материалов для других ведомств и правительственных учреждений.

2 сентября 1918 г. вместо Высшего военного совета был образован Революционный военный совет Республики (РВСР, Реввоенсовет), в состав которого от флота вошли В.М. Альтфатер и Ф.Ф. Раскольников. Одновременно была учреждена должность главнокомандующего всеми Вооруженными Силами, а 15 октября 1918 г. — должность непосредственно подчиненного главному командующего всеми Морскими и Речными Вооруженными Силами Республики (коморси), на которую был назначен В.М. Альтфатер.

Во время русско-японской войны 1904—1905 гг. В.М. Альтфатер участвовал в боевых действиях 1-й эскадры Тихого океана в районе Порт-Артура. В 1908 г. он блестяще окончил Морскую академию, после чего продолжил службу на Балтике. В 1908—1912 гг. ему пришлось заниматься обустройством так называемого стратегического фарватера в финских шхерах, доступного для линейных кораблей. По завершении этих работ В.М. Альтфатер был назначен в Морской генеральный штаб, а в годы первой мировой войны стал начальником военно-морского управления штаба 6-й армии, в оперативном подчинении которой находился Балтийский флот¹⁴.

Одной из специфических особенностей применения Красного Флота в 1918—1920 гг. было создание многочисленных временных формирований для содействия сухопутным войскам Красной Армии, действовавших главным образом на внутренних операционных направлениях.

В целях обеспечения тесного взаимодействия между армией и флотом 1 ноября 1918 г. в составе Оперативного управления Полевого штаба РВСР было сформировано морское отделение, которое возглавил Г.С. Пилсудский. Его основными функциями предусматривались подготовка решений главкома по вопросам применения РККФ, контроль за формированием и снабжением озерных и речных флотилий, практическая организация взаимодействия между ними и объединениями Красной Армии¹⁵.

18 декабря 1918 г. приказом Реввоенсовета была упразднена коллегия наркомата, функции которой были делегированы вновь созданному Морскому отделу Реввоенсовета Республики. В состав последнего вошли В.М. Альтфатер и Ф.Ф. Раскольников.

Морской генеральный штаб стал рабочим органом Морского отдела РВСР.

Одновременно были расформированы Главное управление по делам личного состава флота, Управление морской авиации и воздухоплавания, Управление по делам рабочих и вольнонаемных служащих морского ведомства, Канцелярия наркомата. Их функции передавались отделу личного состава и учета флота, учебному отделу Морского генштаба, строительно-крепостному и авиационному отделам, включенным в состав Главного управления кораблестроения, а также коллегии по управлению заводами и портами морского ведомства и управлению делами Морского отдела РВСР.

Для координации деятельности органов материально-технического и тылового обеспечения была введена должность уполномоченного РВСР в Петрограде и управляющего техническо-хозяйственной частью морского ведомства, на которую был назначен И.И. Вахрамеев. Ему подчинялись Главное управление кораблестроения, Главное гидрографическое и Главное морское, хозяйственное управления, а также коллегия по управлению заводами и портами¹⁶. В марте 1919 г. при Морском отделе РВСР была учреждена Высшая военно-морская инспекция, в задачу которой входил контроль за деятельностью сил флота и военно-морских учреждений¹⁷.

Однако опыт применения флота в ходе войны вскоре показал, что при образовании Морского отдела были допущены ошибки в части разграничения функций боевого (оперативного) управления силами флота и руководства его повседневной деятельностью. Поэтому приказом РВСР от 3 июня 1919 г. были упразднены Морской отдел, а с ним — должности управляющего техническо-хозяйственной частью морского ведомства и уполномоченного РВСР в Петрограде.

Объединения и соединения флота, включая морские крепости, а также Высшая военно-морская инспекция были непосредственно подчинены командующему всеми Морскими и Речными Вооруженными Силами Республики, получившему права помощника главнокомандующего по морским вопросам. На него была возложена ответственность за строительство и подготовку морских и речных сил, планирование и руководство их применением.

Оперативные органы были исключены из состава Морского генерального штаба. На их основе был сформирован Штаб командующего всеми Морскими и Речными Вооруженными Силами Республики (Штаб коморси Республики),

состоявший (рис. 10) из Оперативного управления, флагманских специалистов, службы связи наркомата и канцелярии. Начальником штаба был назначен Б.С. Радзиевский.

К этому времени В.М. Альтфатера уже не было в живых. Должность коморси замещал А.В. Немитц, который в 1907—1914 гг. в числе первых офицеров Морского генерального штаба служил под началом Л.А. Брусилова, А.А. Эбергарда и А.А. Ливена, а в годы первой мировой войны сделал блестящую карьеру, пройдя путь от офицера в Штабе Ставки Верховного главнокомандующего до командующего Черноморским флотом (в 1917 г.). Кроме больших организаторских способностей А.В. Немитц был наделен талантом незаурядного теоретика, однако ему не доставало принципиальности и воли.

Оперативное управление Штаба коморси подразделялось на четыре оперативные части (1-я — Балтийское море с бассейнами Ладожского и Онежского озер, 2-я — Каспийское море с бассейном р. Волга, 3-я — р. Северная Двина и бассейны сибирских рек, 4-я первоначально — бассейн р. Днепр, а впоследствии — речные бассейны юга, Черное и Азовское моря)¹⁸.

Образование Штаба коморси, очевидно, имело целью совершенствование системы боевого управления силами флота, однако в первое время из-за отсутствия разработанных планов применения сил и устойчивой связи со штабами группировок на театрах военных действий он не смог выполнять свои задачи в полном объеме. К тому же возникла неясность в разграничении сфер ответственности между ним и МГШ, который перешел под начало управляющего делами Наркомата по морским делам (упморкома) Н.И. Игнатьева¹⁹.

Положение осложнялось тем, что по новому положению коморси Республики и упморкома были свойственны задачи, властные полномочия и круг ответственности такие же, как у бывшего Морского отдела РВСР. И только 14 февраля 1920 г. согласно решению РВСР исполнение обязанностей коморси Республики и упморкома было возложено на одно лицо — А.В. Немитца²⁰, этой неопределенности был положен конец.

После образования Штаба коморси Республики и учреждения должности упморкома деятельность МГШ замкнулась в основном на планировании и руководстве научной работой, разработке мобилизационных планов и положений об органах управления флотом²¹. В связи с этим можно сделать вывод что, начиная со второй половины 1919 г., Морской генштаб утратил значение высшего оперативного органа РККФ.

В 1920 г. была проведена реорганизация управления морской авиации. Приказом РВСР от 25 марта ее вывели из состава РККФ и подчинили Главному управлению Рабоче-Крестьянского Красного Воздушного Флота (ГУ РККВФ). Одновременно была учреждена должность помощника начальника ГУ РККВФ по гидроавиации, на которую был назначен М.Ф. Погодин. Приказом РВСР от 10 ноября того же года морская авиация в оперативном отношении была подчинена коморси Республики. В приказе оговаривалось, что в военное время она должна применяться по планам и указаниям морского командования, однако реально одним родом сил флота стало меньше.

В марте 1920 г. был утвержден новый временный штат Морского генерального штаба, в соответствии с которым в нем осталось только два отдела: оперативно-мобилизационный и организационный и канцелярия. Из состава Морского генштаба были выведены Управление военно-морских учебных заведений, тактико-технический, а затем и оперативно-мобилизационный отделы.

Рис. 10. Структура центральных органов управления флотом в 1919 г.

3 июля 1920 г. приказом РВСР была введена новая организация — Командование всеми морскими силами РСФСР и его штаба, Штаб коморси был преобразован в Штаб всех Морских Сил Республики (рис. 11). На него возлагалась ответственность за руководство строительством, подготовкой и применением сил флота, сбор и анализ данных об обстановке на морских театрах и в озерно-речных бассейнах²². Все оперативные и организационные части, изъятые из Морского генштаба, были включены в состав Штаба всех Морских Сил Республики. За МГШ остались только разработка теоретических и уставно-правовых вопросов, а также руководство Морской академией.

Ведущий орган Штаба всех Морских Сил Республики — Оперативное управление — состоял из трех отделов: центрального (в него входили части, каждая из которых ведала определенным направлением — (театром), общего оперативного и иностранного. Возглавил управление выдающийся военноморской теоретик, бывший капитан 1 ранга М.А. Петров, в годы первой мировой войны служивший в оперативных органах штаба Балтийского флота. Начальнику Оперативного управления подчинялся исторический отдел, образованный в июле 1920 г. вместо военноморского исторического отделения, до реорганизации входившего в Морской генеральный штаб.

Реорганизация центральных органов управления, проведенная летом 1920 г., дала возможность расформировать морское отделение в Оперативном управлении Полевого штаба РВСР.

Для решения задач по обеспечению стратегического взаимодействия между сухопутными и морскими силами была введена должность «военноморского специалиста для связи»²³.

К концу гражданской войны закономерно встал вопрос о путях дальнейшего строительства флота. В конце 1920 г. В.И. Ленину был представлен проект плана восстановления Балтийского флота, однако он его не утвердил, выразив сомнение в том, что в качественно новой международной и военно-политической обстановке флот когда-нибудь понадобится Советской России.

В октябре 1920 г., обращаясь к Председателю ВСНХ А.И. Рыкову, В.И. Ленин писал: «Не поставить ли вопрос о большем обращении материалов и технических средств Морского ведомства на нужды производства средств производства? К чему нам новые броненосцы и пр...? Ко двору ли теперь?»²⁴

Этот вывод, бесспорно, основывался на том, что Германия и Турция потерпели сокрушительное поражение и в обозримой перспективе не могли превратиться в фактор, угрожающий интересам и безопасности РСФСР на ее основных морских театрах. Бывшие союзники России по Антанте располагали реальной силой на море, но политически и экономически не были готовы к новой, полномасштабной войне. К тому же между ними уже разгоралось ожесточенное соперничество в связи с дележом колоний, отобранных у Германии и ее союзников. Но главное, на чем базировались предположения В.И. Ленина относительно будущего Красного Флота, лежало в иной плоскости, а именно — в представлениях о политическом содержании будущей войны, которая перед мысленным взором руководителя Советского государства рисовалась в виде общеευропейского и даже глобального классового конфликта, имеющего качественно иное оперативно-стратегическое содержание.

В ходе классовой войны при широкой поддержке трудящихся капиталистических стран, которые, как ожидалось, ударят по своим угнетателям с тыла, роль флота выглядела крайне неопределенной. В условиях, когда народное хозяйство было полностью разорено, а государство оказалось в роли банкрота, это был сильный довод в пользу его ликвидации.

В январе—феврале 1921 г. Штаб коморси, Главное морское техническое управление и Морская академия подготовили проект Декрета Совета Народных Комиссаров о воссоздании морской силы РСФСР. Последний прошел

Рис. 11. Структура Штаба всех Морских Сил Республики с 3 июля 1920 г.

технико-экономическую экспертизу и в основном был признан реальным. Его разработка была приурочена к открытию X съезда РКП (б), на котором намечалось обсудить направления послевоенного развития Красной Армии и РККФ. Однако открытие съезда совпало с началом Кронштадтского восстания (28 февраля — 18 марта 1921 г.).

Восстание стало еще одним, политическим доводом в пользу ликвидации морского ведомства, о которой В.И. Ленин впервые заговорил вслух осенью 1920 г. Проект Декрета на обсуждение X съезда даже не выносился.

24 марта 1921 г. начала работу комиссия под председательством С.С. Каменева, которой было поручено рассмотреть программу восстановления флота, представленную морским ведомством. На основании выводов комиссии были приняты меры, в первую очередь направленные на усиление политического контроля над личным составом РККФ. В мае была учреждена должность помощника начальника Политуправления РВСР по морской части, а при коморси Республики — должность комиссара, на которую был назначен И.В. Фрунтов. На Балтике, Черном и Каспийском морях были восстановлены реввоенсоветы (РВС).

30 мая 1921 г. СНК РСФСР и ВЦИК приняли «Положение о Народном комиссариате по морским делам». На штаб — исполнительный орган наркомата — возлагались обеспечение управления силами флота, разработка планов его строительства, «организация морской обороны страны» и руководство боевой подготовкой. В его структуру вошли Оперативное, Тактическое и Строевое управления, Управление военно-морских учебных отрядов и учебных заведений, канцелярия и Московский отдел штаба. Начальнику штаба были непосредственно подчинены Морская академия с состоявшими при ней библиотекой наркомата и Военно-морской комиссией по исследованию и использованию опыта войны 1914—1918 гг. на море, Главная военно-морская научная редакция и Служба связи. Помощник коморси Республики по технико-хозяйственной части руководил работой Главного морского технического и Главного морского хозяйственного управлений, а в специальных вопросах — и деятельностью военных портов и морских баз. Коморси Республики был подчинен РВСР, а в оперативно-строевом отношении — главному С.С. Каменеву²⁵.

Однако в июле 1921 г. была образована еще одна — межведомственная комиссия по реорганизации флота. Ее работу возглавил начальник Политуправления РВСР С.И. Гусев. По прямому указанию В.И. Ленина решения, принятые комиссией, были направлены на ликвидацию оперативно-стратегической самостоятельности флота.

Об этом свидетельствуют факты. К примеру, в записке, датированной 30 июля 1921 г. и адресованной Председателю РВСР Л. Д. Троцкому, В.И. Ленин напоминал: «Ликвидация Морского ведомства необходима. Комиссия при РВСР по ликвидации Морского ведомства этот вопрос предрешила. Компетентные органы считают необходимым это дело ускорить». И требовал: «Прошу сделать соответствующее распоряжение и указать, какой срок Вами назначен и кто является ответственным за проведение ликвидации»²⁶.

27 августа 1921 г. приказом РВСР была упразднена должность коморси Республики, ликвидированы Штаб всех Морских Сил Республики, Морской генеральный штаб, все главные управления, должность помощника коморси Республики по технико-хозяйственной части.

Для обеспечения боевого и повседневного руководства флотом были учреждены должность помощника главнокомандующего по морским делам (помглавкомор) и Морской штаб Республики²⁷, состоявший из управлений Оперативного и Строевого, Учебного комитета, научно-технического отдела и канцелярии. В него были включены также Главное управление мореплавания, образованное вместо упраздненного Главного гидрографического управления, и Технико-хозяйственное управление, созданное вместо расформированных Главного морского технического и Главного морского хозяйственного управлений (рис. 12). Местом дислокации Морского штаба Республики был

Рис. 12. Структура центральных органов управления флотом с 27 августа 1921 г.

определен Петроград. Начальником его был назначен бывший капитан 1 ранга А.В. Домбровский, выпускник Морской академии 1913 г., участник русско-японской и первой мировой войн, в 1916 г. служивший в МГШ, а в 1918—1920 гг. — на высших руководящих должностях Морских сил Балтийского, Черного и Азовского морей.

В результате этой реорганизации РККФ, по существу, утратил статус самостоятельного вида Вооруженных Сил. Из его состава была выведена береговая оборона, началась беспорядочная передача в народное хозяйство и другим ведомствам учреждений и имущества военных портов, составлявших основу системы базирования и флотского тыла. Обсуждалось предложение о переформировании аппарата помглавкомора и Морского штаба Республики в Главное управление береговой обороны (ГУБО) с передачей остатков морских сил морей в непосредственное подчинение реввоенсоветам приморских военных округов и других объединений сухопутных войск Красной Армии.

Опыт первых недель существования новой структуры органов управления флотом сразу же выявил ее нежизнеспособность. Особенно тяжелый удар был нанесен по организации боевого управления, руководству строительством и подготовкой РККФ.

Обеспокоенный развитием ситуации, начальник Морских сил Черного и Азовского морей Э.С. Панцержанский подготовил Л.Д. Троцкому «Записку о флоте», в которой концепция реорганизации и органов управления им, принятая на основании предложений комиссии С.И. Гусева, была подвергнута резкой, но обоснованной критике.

Правота автора записки была настолько очевидной, что в развитие ее был срочно составлен доклад «О морском ведомстве», который подписали комиссар при помглавкоморе В. И. Зоф, член РВС Морских сил Черного моря А. В. Баранов и главный командир военных портов Черного и Азовского морей Н. Ф. Измайлов. 20 ноября 1921 г. этот документ был представлен В. И. Ленину, а 21 ноября 1921 г. политработники, подписавшие доклад, были приняты В. И. Лениным лично²⁸.

24 ноября 1921 г. вопрос обсудило Политбюро ЦК РКП (б), принявшее решение «проверить на опыте работы принятую структуру морского ведомства, а вопрос о ее пересмотре рассмотреть лишь при выявлении несовершенства»²⁹.

Тем не менее с начала 1922 г. вновь началась коренная реорганизация центральных органов управления РККФ. В мае того же года началось возвращение подразделений Морского штаба Республики из Петрограда в Москву.

Были сделаны определенные выводы и по кадровому вопросу. А.В. Немитца в должности помглавкомора сменил Э.С. Панцержанский, бывший старший лейтенант, который, командуя Онежской флотилией, отличился во время Видлицкой операции (1919 г.), а затем замещал ряд высших руководящих должностей на Севере, Каспии, Азовском и Черном морях.

В течение 1922 г. штат Морского штаба менялся дважды. В соответствии с приказом РВСР от 26 января численность его должна была составлять 718 человек, но к сентябрю 1922 г. она уже была сокращена вдвое — до 334 человек. Непрерывающиеся организационно-штатные мероприятия и связанные с ними кадровые перестановки, переезды из Москвы в Петроград и обратно

на долгие месяцы фактически парализовали работу управленческого аппарата как в центре, так и на местах.

30 января 1923 г. приказом РВСР было введено новое «Положение о Морском штабе Республики», в соответствии с которым на штаб возлагались разработка планов применения сил флота, организация боевой подготовки, комплектование и учет личного состава, разработка предложений по военному законодательству и планов строительства флота. 23 декабря того же года он был переименован в Штаб Рабоче-Крестьянского Красного Флота. В его состав вошли оперативный, строевой, административно-хозяйственный и центральный шифровальный отделы. При штабе состояли Главный морской архив, морской представитель при штабе РККА, а также морской представитель при коменданте г. Москвы. Ведущий — оперативный отдел штаба — состоял из частей стратегической, мобилизационной, организационной, военно-морской статистики, распорядительной, тактико-технической, иностранной и исторической.

В соответствии со своими функциями Морской штаб Республики руководил работой Морской уставной комиссии, организационно в его состав не входившей.

Однако и эта структура органов управления оказалась недолговечной.

В начале 1924 г. ЦК РКП (б) была образована военная комиссия во главе с С.И. Гусевым, в состав которой вошли А.А. Андреев, Г.К. Орджоникидзе, М.В. Фрунзе и др. По результатам ее работы Пленум ЦК РКП (б) 3 февраля 1924 г. принял решение о проведении военной реформы. Специальная комиссия РВС СССР под председательством М.В. Фрунзе разработала ее план. Последним предусматривалось преобразование «системы управления, принципов и методов работы... личного состава управляющих органов Красной Армии», установление «тесной связи ... военной работы с работой других гражданских органов»³⁰.

28 марта 1924 г. центральный аппарат наркомата подвергся коренной реорганизации. Был упразднен институт Главного командования, чем, в свою очередь, была обусловлена ликвидация должности помглавкомора.

Э.С. Панцержанский остался во главе морского ведомства, став начальником Морских Сил (наморси). В соответствии с новым положением ему было непосредственно подчинено Управление Военно-Морских Сил, на которое возлагалось руководство повседневной деятельностью, боевой, мобилизационной, технической подготовкой и комплектованием ВМС РККА, постройкой, содержанием и ремонтом кораблей и объектов береговой обороны. Наряду с этим УВМС несло ответственность за все виды тылового обеспечения сил флота и безопасность кораблевождения. Начальнику УВМС РККА непосредственно подчинялись морские силы морей и флотилий. Однако в военное время в оперативном отношении они должны были переходить в оперативное подчинение командованию приморских группировок РККА.

Повседневное руководство осуществлялось через секретариат и центральные органы управления: Штаб РККФ (А.В. Домбровский), управление помощника по техническо-хозяйственной части (П.И. Курков), Научно-технический комитет (председатель П.Н. Лесков), общеадминистративный (И.Я. Анкундинов) и редакционно-издательский (С.П. Лукашевич) отделы, Гидрографическое управление (С.П. Блинов). Штаб РККФ состоял из Оператив-

ного (Г.А. Степанов), Строевого (Я.И. Озолин) и Учебного (В.М. Орлов) управлений и центрального шифровального органа. Численность его составляла 158 человек³¹.

На основании собственного и зарубежного опыта лидеры РКП (б) и Советского государства и командование РККА в начале 20-х гг. пришли к выводу, что одним из решающих условий эффективного руководства ведением войны является единство военной доктрины и военной стратегии. Этот вывод лег в основу реформы органов управления Вооруженных Сил. Однако в высшем руководящем составе Красной Армии сложилась группа влиятельных командиров во главе с М.Н. Тухачевским, которая призывала пойти дальше и целиком передать руководство применением видов Вооруженных Сил, родов сил и войск в руки армейского командования.

Под этим углом зрения в апреле 1926 г. Штаб РККА разработал «Соображения по вопросу организации Морских Сил», в соответствии с которыми флоту в системе вооруженных сил государства отводилась третьестепенная, вспомогательная роль.

В развитие этого положения предлагалось расформировать Управление Военно-Морских Сил, окончательно изъяв из круга ведения морского командования функции оперативного руководства силами, их материально-технического обеспечения и подготовки кадров. Взамен было предложено создать Управление РККФ с урезанными полномочиями, главным образом распорядительного характера. Начальник Оперативного управления Штаба РККА В.К. Триандафиллов, руководивший разработкой «Соображений», даже не считал нужным заблаговременно ознакомить с их содержанием командование Военно-Морских Сил, не говоря уже о том, чтобы их согласовать.

Естественно, что начальник Морских Сил и руководство Штаба РККФ, изучив проект очередной реорганизации системы управления флотом, выступили против него.

В РВС СССР был направлен доклад, в котором отмечалось, что «роль морской силы СССР определяется значением и стратегическим положением ...морских театров», в связи с этим «флот требует постоянного и специально централизованного морского руководства». При этом авторы доклада ссылались и на исторический опыт ведущих морских держав, который свидетельствовал о недопустимости «растворения» органов управления флотом в центральных учреждениях армии, так как «попытки подобного рода неизменно кончались неудачей»³².

Борьба по поводу структуры и функций органов управления флотом завершилась тем, что 22 июля 1926 г. был издан приказ РВС СССР, в соответствии с которым было создано Управление Военно-Морских Сил Рабоче-Крестьянской Красной Армии (УВМС РККА), непосредственно подчиненное наркому по военным и морским делам. На УВМС РККА была возложена ответственность за боевую, организационно-мобилизационную и специальную подготовку Военно-Морских Сил, комплектование и подготовку личного состава, контроль за реализацией планов строительства ВМС, их материально-техническое обеспечение.

Функции обеспечения боевого управления силами флота и планирование их развития и применения перешли главным образом к Штабу и частично — к Главному управлению РККА.

В 1-м управлении Штаба РККА был сформирован 2-й (морской) отдел, функциями которого предусматривалась разработка «всех планов, мероприятий и заданий, связанных с оперативным использованием Военно-Морских Сил в военное время; мероприятий, связанных со строительством и развитием Военно-Морских Сил и береговой обороны», а также «вопросы инженерной подготовки морских театров военных действий»³³.

Начальник УВМС РККА являлся одновременно и начальником Военно-Морских Сил РККА. Ему по вопросам повседневной деятельности непосредственно подчинялись командующие морскими силами и флотилиями, а также начальники военно-морских училищ и Военно-морской академии. С декабря 1924 г. по 23 августа 1926 г. эту должность замещал В.И. Зоф.

В составе УВМС РККА были образованы управления: Учебно-строевое (А.А. Тошаков), Техническое (Н.И. Власьев), Гидрографическое (С.П. Блинов) и морского специального снабжения (И.Я. Анкундинов), а также Научно-технический комитет (П.Н. Лесков) и Административно-хозяйственная часть (И.Т. Багреев).

Вопросы боевой подготовки, мобилизационной работы и подготовки кадров были отданы в ведение Учебно-строевого управления УВМС, начальник которого одновременно числился инспектором ВМС РККА.

В августе 1926 г. В.И. Зофа сменил Р.А. Муклевич, видный партийный работник, так же, как и его предшественник, военно-морского образования и опыта службы не имевший. При вступлении в должность он заявил о своем горячем стремлении ликвидировать «разрыв между флотом и армией».

Однако практика вскоре подтвердила искусственный характер разделения функций по схеме, предложенной командованием Красной Армии. Несмотря на наличие в Штабе РККА соответствующего подразделения, начальнику УВМС фактически приходилось решать вопросы строительства Военно-Морских Сил, а также непосредственно участвовать в планировании их применения.

Соответствующие функции явочным порядком были делегированы Учебно-строевому управлению УВМС, которое с 1927 г. возглавлял М.А. Петров.

В этом управлении после ликвидации Штаба РККФ осуществлялись разработка и уточнение общего замысла применения ВМС РККА, проводилось оперативно-стратегическое обоснование планов его развития.

Последнее становилось наиболее актуальным в связи с тем, что по завершении этапа восстановления флота начиналось его техническое перевооружение, предполагавшее разработку многолетних кораблестроительных программ.

Оперативно-стратегическое обоснование и плановое задание к первой советской кораблестроительной программе, утвержденной Советом Труда и Оборона (СТО) 26 ноября 1926 г., были исполнены в 1925 г. под непосредственным руководством начальника Морских Сил В.И. Зофа и начальника штаба РККФ С.П. Блинова. В работе принимали участие Г.А. Степанов, А.А. Тошаков, командиры и инженеры основных подразделений штаба, а также работники аппарата технического управления и НТК³⁴. Программа была рассчитана до 1930 г.

Однако в связи с разработкой первого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР (1928—1932) она была коренным образом переработана и дополнена. Новый ее вариант, рассчитанный на выполнение в 1929—1933 гг., был утвержден СТО 4 февраля 1929 г.

Перед этим УВМС пришлось пережить несколько месяцев борьбы с командованием Красной Армии, стремившимся распределить ассигнования на развитие Вооруженных Сил в предстоящей пятилетке в свою пользу по максимуму.

О том, какова была острота этого спора, можно судить даже по одному примеру. В апреле 1928 г. на отзыв начальнику ВМС был направлен проект новой кораблестроительной программы, разработанной операторами Штаба РККА. В отзыве, подготовленном Учебно-строевым управлением УВМС, этот проект был подвергнут уничтожающей критике с выводом, что «весь план составлен с определенной тенденцией исключения и во всяком случае пренебрежения Военно-Морскими Силами... в форме, исключающей возможность получить ясное представление о Военно-Морских Силах в общем плане строительства...»³⁵.

Разногласия между двумя ведомствами вынудили руководство Наркомата по военным и морским делам созвать 8 мая 1928 г. специальное расширенное заседание Реввоенсовета СССР. Председательствовал на нем К. Е. Ворошилов, участвовали А. С. Бубнов, И. С. Уншлихт, С. С. Каменев, М. Н. Тухачевский, П. И. Баранов, Р. А. Муклевич, С. М. Буденный, А. М. Постников, А. И. Егоров.

В качестве приглашенных присутствовали командующие Морскими силами Балтийского и Черного морей М. В. Викторов и В. М. Орлов, командующие войсками Ленинградского, Московского и Украинского военных округов А. И. Корг, Б. М. Шапошников, И. Э. Якир, а также 23 ответственных работника наркомата, УВМС и штабов военных округов.

От флота основным докладчиком выступал М. А. Петров, а в качестве его основного оппонента — начальник Штаба РККА М. Н. Тухачевский.

По итогам обсуждения было принято постановление, определившее характер развития ВМС РККА на десятилетие вперед. Оно внесло определенность в отношения между руководством армии и флота и послужило началом утверждения концепции так называемой малой войны на море как основы официальных взглядов на строительство и применение Военно-Морских Сил.

Однако 15 июля 1929 г. Политбюро ЦК ВКП (б) было принято постановление «О состоянии обороны СССР», а вскоре после этого — директивные указания ЦК ВКП (б) и Советского правительства РВС СССР на период подготовки к XVI съезду ВКП (б). Они наложили глубокий отпечаток на последующее развитие ВМС РККА. Ими устанавливалось, что Советские Вооруженные Силы должны «по численности не уступать... вероятным противникам на главнейшем театре войны», а «по технике — быть сильнее по трем решающим видам вооружения, а именно: по воздушному флоту, артиллерии и танкам»³⁶.

В развитие этих решений и на основе предложений, внесенных на рассмотрение РВС СССР по инициативе Штаба РККА, ассигнования, предназначавшиеся Военно-Морским Силам, были сокращены примерно на 40 %. В связи с этим Управление начальника ВМС было вынуждено заниматься обоснованием нового замысла применения флота и расчетом перспективного состава его сил, то есть решать задачи, формально УНВМС не свойственные.

Проблема дальнейшего совершенствования системы управления в это время была общей для всех видов Вооруженных Сил. Над ее решением трудилась специальная комиссия во главе с заместителем Председателя Реввоенсовета СССР С. С. Каменевым. Итогом этой работы стали принятые 21 октября

1929 г. новые положения о центральных органах управления наркомата, и в том числе «Положение об Управлении ВМС РККА». Однако существенных изменений в организацию боевого и повседневного руководства Военно-Морскими Силами это не внесло.

Отсутствие полноценного штаба еще долго сказывалось на развитии флота и подготовке его сил к войне. Одним из вредных последствий этого стало длительное отсутствие у Военно-Морских Сил РККА системы боевых руководящих документов, трактующих основные категории военно-морского искусства и устанавливающих единые требования к подготовке и ведению действий оперативного и тактического масштаба.

Боевой устав Военно-Морских Сил РККА (БУ-30) был введен в действие в феврале 1930 г., пять лет спустя после того, как появились Полевой устав РККА 1925 г. и аналогичные уставы родов сил армии.

Между тем проект его был разработан своевременно, в середине 20-х гг. Очевидно, не случайно приостановка работы над уставом совпала по времени с ликвидацией штаба РККФ.

Основным автором БУ-30, так же как и проекта Боевого устава РККФ, разработанного в 1924 г., был М. А. Петров³⁷. Одновременно с Боевым уставом было введено в действие Наставление по боевому применению морской авиации (1930)³⁸.

Устав стал первым в истории отечественного ВМФ нормативным документом, в котором излагались единые требования и рекомендации по подготовке и ведению морского боя, а также основы подготовки и ведения смешанных (совместных) и самостоятельных (морских) операций (действий оперативного масштаба). Принципиально важной его особенностью было требование совместного и сосредоточенного использования сил и средств ВМС РККА³⁹.

Это требование представляло собой сердцевину концепции так называемого комбинированного (сосредоточенного) удара (боя), представлявшего квинтэссенцию оперативно-тактических взглядов ВМС РККА конца 20 — первой половины 30-х гг.

Исходя из обобщенных высказываний о сущности комбинированного (сосредоточенного) удара (боя) и опыта оперативно-боевой подготовки сил флотов в 30-е гг., можно сделать вывод, что в общем случае он должен был представлять собой ряд согласованных по цели, времени и месту одновременных и (или) последовательных ударов и атак авиации, подводных лодок и легких надводных сил флота преимущественно в своей прибрежной зоне и, как правило, на минно-артиллерийских позициях, создаваемых заблаговременно перед началом военных действий или в начальный период войны⁴⁰. Продолжив рассуждение, правомерно заключить, что комбинированный (сосредоточенный) удар (бой) представлял собой переходную форму боевых действий, которая по способам боевого применения сил и средств могла быть отнесена к одной из разновидностей боя разнородных сил флота в море, а по целям и по масштабу — к морской операции по уничтожению группировки флота противника.

Ведущую роль в обосновании и развитии идеи комбинированного (сосредоточенного) удара (боя) сыграли командиры Учебно-строевого управления УВМС, работавшие под руководством М.А. Петрова.

С точки зрения развития оперативно-тактических взглядов начало 30-х гг. было достаточно плодотворным. В это время под руководством УВМС были раз-

работаны и изданы «Наставление по боевой деятельности речных флотилий» (1933)⁴¹, «Тактический справочник для занятий с начальствующим составом Морских Сил РККА» (1932)⁴², «Курс морской тактики. Артиллерия и броня», написанный Л. Г. Гончаровым (1932)⁴³, «Позиционная служба подводных лодок» А. Н. Лебедева⁴⁴. Однако, как и во второй половине 20-х гг., развитие теории оперативно-стратегического применения ВМС шло вяло, потому что военноморская мысль по-прежнему искусственно втискивалась в рамки морской тактики.

Это соответствующим образом сказывалось на содержании планов развития и применения ВМС.

По сравнению с судостроительной программой, принятой на первую пятилетку, планом строительства ВМС РККА на 1933 — 1937 гг., утвержденным постановлением СТО СССР 11 июля 1933 г., предусматривалось развертывание значительных по своему боевому и численному составу группировок подводных и легких надводных сил. Намечалось воссоздание постоянных оперативных объединений на отдаленных морских театрах; в феврале 1932 г. был утвержден план воссоздания Морских сил Дальнего Востока (МСДВ), а 13 апреля 1933 г. было принято решение о развертывании военной флотилии на Севере.

В процессе формирования МСДВ сразу же возникли сложные управленческие проблемы, обусловленные недостатком подготовленных кадров, слабой научной и судостроительной базой, плохим снабжением и др.

Очевидно, что это побудило наркома по военным и морским делам ввести в действие 2 сентября 1932 г. новый штат Управления ВМС РККА.

В соответствии с ним УВМС должно было состоять из семи управлений: организационно-планового (1-го), боевой подготовки (2-го), кадров (3-го), кораблестроения (4-го), вооружения (5-го), гидрографического (6-го) и управления портами (7-го), каждое из которых подразделялось на секторы⁴⁵.

Меры по усилению оперативного руководства флотом были приняты в Штабе РККА, где в 1933 г. был сформирован 5-й морской отдел, в составе которого предусматривалось иметь четыре сектора (Балтийского театра, Черноморского театра и флотилий, Дальневосточного театра и материально-плановый). Кроме того, морское отделение было сформировано во 2-м (Организационно-мобилизационном) управлении Штаба РККА. Эти организационные мероприятия свидетельствовали о том, что внимание к вопросам применения флота на всех уровнях руководства существенно повысилось.

20 июня 1934 г. Центральный Исполнительный Комитет (ЦИК) СССР своим постановлением упразднил РВС СССР, а Народный комиссариат по военным и морским делам преобразовал в Народный комиссариат обороны (НКО) СССР. Положение о Народном комиссариате обороны СССР было утверждено 11 января 1935 г. В соответствии с ним Морские силы Балтийского моря были переименованы в Краснознаменный Балтийский флот, Морские силы Черного моря — в Черноморский флот, Морские силы Дальнего Востока — в Тихоокеанский флот. 5 мая 1935 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление об учреждении должности начальника Морских Сил РККА с подчинением ему командующих флотами и флотилиями. Начальником Морских Сил был назначен В.М. Орлов, с 1931 г. замещавший должность начальника УВМС. Этим же постановлением морская авиация была выведена из состава Воздушных Сил РККА и подчинена начальнику Морских Сил⁴⁶.

31 июля 1935 г. нарком обороны утвердил новую структуру Управления Морских Сил РККА (рис. 13), в которое вошли 1-е (Боевой подготовки) и 2-е

Рис. 13. Структура центральных органов управления флотом с 31 июля 1935 г.

(Организационно-мобилизационное) управления, а также восемь отделов (кадров, военно-морских учебных заведений, морской авиации, кораблестроения, вооружения, гидрографический, портов и финансов). 1-е управление состояло из отделений оперативно-тактической подготовки, методического и уставного, а 2-е управление — из планового, организационного, мобилизационного и военно-транспортного отделений⁴⁷. Штатная численность Управления составляла 397 человек.

В сентябре 1935 г. Штаб РККА был переформирован в Генеральный штаб РККА. Для обеспечения руководства строительством и применением ВМС РККА в его составе был образован Морской отдел, состоявший из отделений оперативно-планового и организационно-материального.

Однако, как показала практика, этих мер вскоре оказалось недостаточно.

К середине 30-х гг. произошел крутой поворот во взглядах высшего военно-политического руководства страны на роль флота в обеспечении национально-государственных интересов страны в мирное время и в достижении политических целей будущей войны.

В начале 1936 г. по поручению И.В. Сталина началась работа по обоснованию программы строительства большого флота. Подготовка первоначальных вариантов новой программы велась при соблюдении мер строгой секретности. Начальник Морских Сил РККА флагман флота 1 ранга В.М. Орлов и руководство Морских Сил почти не привлекали к работе ученых и теоретиков, поэтому основная нагрузка вновь легла на плечи командиров ведущих структурных подразделений центральных органов — Управления Морских Сил и Морского отдела Генерального штаба РККА. Представленную В.М. Орловым перспективную программу строительства флота обсудили в Политбюро ЦК ВКП (б), после чего Совет Труда и Оборона 27 мая 1936 г. принял принципиальное решение о строительстве большого флота, а СНК СССР 26 июня того же года утвердил контрольные цифры и состав кораблестроительной программы на период до 1947 г.⁴⁸

Начало нового этапа строительства флота повлекло за собой новые организационно-штатные мероприятия в центральных органах управления. Приказом наркома обороны от 17 января 1937 г. при начальнике Морских Сил был образован Штаб Морских Сил РККА. 28 марта наркомом обороны было введено в действие «Положение о начальнике Морских Сил РККА», в соответствии с которым начальник Морских Сил РККА приобрел права заместителя наркома обороны по Морским Силам. Ему подчинялись командующие флотами и флотилиями, начальники ВМА, военно-морских учебных заведений и морских НИИ, председатель постоянной комиссии по приему вновь построенных и капитально отремонтированных кораблей. Перед наркомом обороны начальник Морских Сил нес ответственность за оперативную, боевую, техническую, специальную и строевую подготовку, а также за мобилизационную

готовность флотов и флотилий. Кроме того, как заместитель наркома, он отвечал за боевое (оперативное) управление силами флота, однако вопросы планирования строительства и применения ВМС РККА остались в ведении Генерального штаба.

В штат Управления начальника Морских Сил были включены штаб, управления (кораблестроения, вооружения, гидрографическое) и отделы (морской авиации, кадров, военно-морских учебных заведений, портов, морского берегового строительства и финансов).

Штаб Морских Сил РККА состоял из трех отделов: оперативно-тактического (1-го), отдела боевой подготовки (2-го) и организационно-мобилизационного (3-го). Численность его была невелика — всего 105 человек⁴⁹.

Перед вновь сформированным органом сразу же была поставлена ответственная задача — обеспечить практическое освоение новых боевых руководящих документов флота, разработанных в связи с внедрением в практику строительства и подготовки РККА концепции «глубокого боя (операции)».

26 марта 1937 г. приказом наркома обороны был введен в действие Временный боевой устав Морских Сил РККА 1937 г. (БУМС-37). В его создании под руководством С.П. Ставицкого участвовали главным образом преподаватели Военно-морской академии (в составе группы авторов трудился будущий начальник Главного штаба ВМФ И.С. Исаков). Командиры Управления Военно-Морских Сил привлекались к его экспертизе и доработке.

Одновременно с БУМС-37 было введено в действие Временное наставление по боевому применению морской авиации 1937 г.⁵⁰ Им регламентировались назначение и задачи морской авиации, основы организации боевого управления, разведка, действия против военно-воздушных сил, других сил флота и военно-морских баз противника, применение морской авиации в целях содействия Сухопутным войскам Красной Армии на приморских направлениях, нормативы по боевой деятельности.

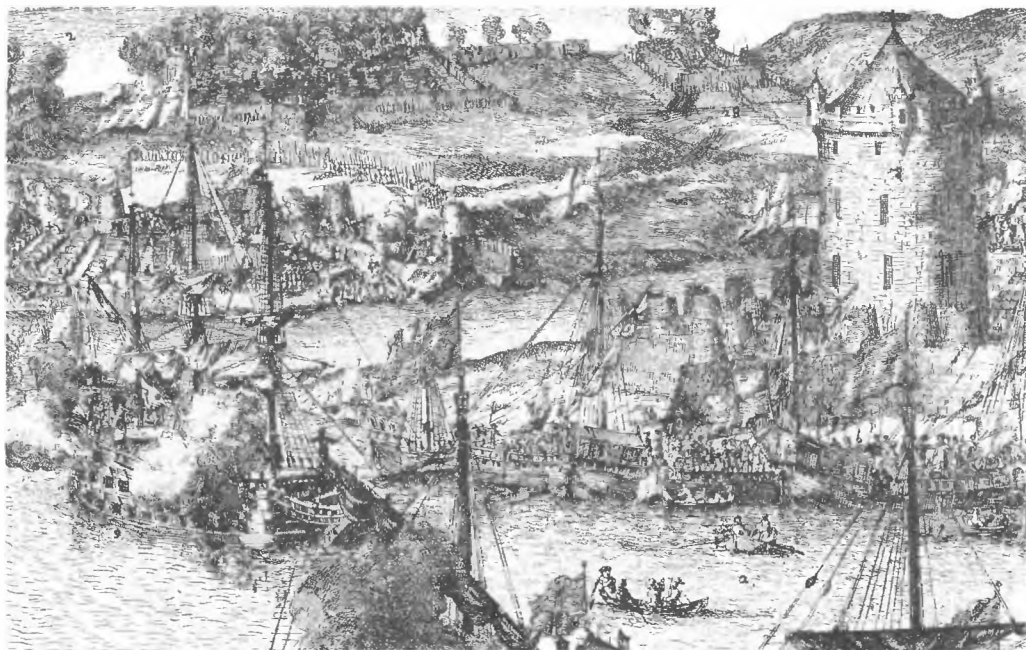
Штаб Морских Сил РККА, малочисленный и не наделенный соответствующими распорядительными функциями, уже не удовлетворял потребностям боевого управления силами и еще, менее того, — руководству работой по строительству большого оксанского флота. Об этом руководителям партии и государства докладывали наиболее дальновидные представители высшего руководящего состава флота и военно-морские теоретики. В пользу воссоздания Главного морского штаба как ведущего центрального органа управления ВМФ с делегированием ему функций существовавших ранее Морского генерального и Главного морского штабов выступил заместитель начальника Морских Сил Л.М. Галлер. С аналогичным предложением обратился к наркому обороны К.Е. Ворошилову преподаватель Военно-морской академии В.П. Боголепов.

Необходимость воссоздания независимого от Наркомата обороны морского ведомства осознал к этому времени лидер Советского государства И.В. Сталин, который усмотрел в этом наилучший способ решения управленческих и кадровых проблем, накопившихся к началу фактической реализации плана строительства большого флота.

30 декабря 1937 г. ЦИК и СНК СССР приняли историческое решение — об образовании самостоятельного Народного комиссариата Военно-Морского Флота. Нарком ВМФ получил право непосредственно обращаться в Политбюро ЦК ВКП(б), в Комитет Обороны и СНК СССР⁵¹.

Петр Великий. Основатель Российского ВМФ.

Взятие Азова. Гравюра Шхонебека.

Адмирал А.Д. Меншиков. Сподвижник Петра I. Первый старший морской начальник г. Санкт-Петербурга (1703).

⚓

⚓⚓

Генерал-адмирал Ф.А. Головин. Сподвижник Петра I, один из основателей русского флота.

⚓

⚓⚓⚓

Генерал-адмирал Ф.М. Апраксин. Президент Адмиралтейств-коллегии (1717—1728).

⚓⚓

⚓⚓⚓

Генерал-адмирал М.М. Голицын. Главнокомандующий русским флотом, Президент Адмиралтейств-коллегии (1749—1761).

Императрица Екатерина II — верховный главнокомандующий вооруженными силами России в победоносных войнах за выход в Черное и Средиземное море (1762—1796).

†

††

Генерал-фельдмаршал Г.А. Потемкин. Основатель Черноморского флота (1783).

†

Генерал-аншеф А.Г. Орлов. Главнокомандующий русскими силами на Средиземноморском театре военных действий в русско-турецкую войну 1768-1774 гг.

††

†††

†††

Император Павел I. Генерал-адмирал и президент Адмиралтейств-коллегии в 1762-1796 гг.

±

± ±

± ± ±

Адмирал И.Л. Голенищев-Кутузов. Президент
Адмиралтейств-коллегии (1798—1802).

±

Адмирал Н.С. Мордвинов. Министр морских сил
России (1802).

± ±

± ± ±
Адмирал И.И. де-Траверсе. Морской министр
(1811—1828).

⚓

⚓⚓

Адмирал А.В. фон Моллер. Морской министр (1828—1836).

⚓

Адмирал А.С. Меншиков. Начальник Морского штаба (с 1831 г. — Главного морского штаба; 1828—1855).

⚓⚓

⚓⚓⚓

⚓⚓⚓

Генерал-адмирал великий князь Константин Николаевич. Главный начальник флота и морского ведомства (1855—1881).

±

± ±

± ± ±

Адмирал Ф.П. Врангель. Управляющий Морским министерством (1855—1857).

±

Адмирал Н.К. Краббе. Управляющий Морским министерством (1860—1876).

± ±

± ± ±

Адмирал С.С. Лесовский. Управляющий морским ведомством (1876—1880).

⚓

⚓⚓

Контр-адмирал А.А. Пещуров. Управляющий Морским министерством (1880—1882).

⚓

Адмирал И.А. Шестаков. Управляющий Морским министерством (1882—1888).

⚓⚓

⚓⚓⚓

⚓⚓⚓

Адмирал Н.М. Чихачев. Управляющий Морским министерством (1888—1896).

⚓

⚓⚓⚓

⚓⚓

Адмирал П.П. Тыртов. Управляющий Морским министерством (1896—1903).

⚓

Адмирал Ф.К. Авелан. Управляющий Морским министерством (1903—1905).

⚓⚓

⚓⚓⚓

Адмиралтейство.

±

± ±

Вице-адмирал З.П. Рожественский. Начальник
Главного морского штаба (1903—1904).

±

Вице-адмирал А.А. Бирилев. Морской министр
(1905—1907).

± ±

± ± ±

± ± ±

Адмирал И.К. Григорович. Морской министр
(1911—1917).

⚓

⚓⚓

⚓⚓⚓

Вице-адмирал А.А. Эбергارد. Начальник Морского генерального штаба (1908—1911).

⚓

Вице-адмирал А.А. Ливен. Начальник Морского генерального штаба (1911—1914).

⚓⚓

⚓⚓⚓

Адмирал А.И. Русин. Начальник Главного морского штаба (1913—1914) и Морского генерального штаба (1914—1917).

⚓

⚓⚓

Контр-адмирал М.А. Кедров. Начальник Морского генерального штаба (1917).

⚓

Капитан 1 ранга М.В. Иванов. Управляющий Морским министерством (1917—1918).

⚓⚓

⚓⚓⚓

Е.А. Беренс. Начальник Морского генерального штаба (1917—1919).

⚓⚓⚓

±

± ±

± ± ±

В.М. Альфатер. Командующий Морскими силами Советской Республики (1918-1919).

±

А.В. Домбровский. Начальник штаба всех морских сил Республики - (1921; начальник Морского штаба Республики с 27.8.1921 по 1923; начальник Штаба РККФ с 1923 по 1924).

± ±

± ± ±

М.В. Фрунзе. Народный комиссар по военным и морским делам. Один из ведущих авторов реформы Советских Вооруженных Сил, проведенной после Гражданской войны (1924-1925).

✠

✠✠

В.И. Зоф. Начальник Морских Сил (1924-1926).

✠

✠✠✠

Р.А. Муклевич. Начальник Управления Военно-Морских Сил РККА (1926-1931).

✠✠

✠✠✠

В.М. Орлов. Начальник Морских Сил РККА (1931-1937).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

**ГЛАВНЫЙ ШТАБ
ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА
В 1938—1997 гг.**

ГЛАВНЫЙ МОРСКОЙ ШТАБ в 1938 — 1945 гг.

Образование самостоятельного Народного комиссариата Военно-Морского Флота (Наркомата ВМФ) в начале 1938 г., разумеется, не было случайным актом. Оно было обусловлено рядом причин объективного и субъективного характера.

К числу объективных причин следует отнести значительное усложнение управленческой деятельности в условиях быстроразвивающейся плановой социалистической экономики. Поэтому во второй половине 30-х гг. была проведена перестройка всей системы государственного управления по отраслевому принципу.

В конкретно-исторической обстановке тех лет главным направлением деятельности ВКП(б) и Советского государства стала подготовка страны к войне. Это также диктовало необходимость уточнения структуры управленческого аппарата и более четкого разграничения функций входящих в его состав подразделений.

Необходимость перестройки центральных органов управления флотом диктовалась и практикой военно-морского строительства. План развития ВМС РККА в 1933—1937 гг. был выполнен всего лишь на 37%¹. При этом имелись все основания полагать, что этот провал — прямой результат передачи руководства строительством флота в полное ведение Наркомата обороны, состоявшего главным образом из представителей Красной Армии, глубоко убежденных в том, что флот в военной организации Советского государства заметной роли играть не должен.

В том же духе формировались взгляды командования Военно-Морских Сил, целиком зависевшего от линии, проводимой Наркоматом обороны и Генеральным штабом Красной Армии. Об этом свидетельствовали факты, и в частности отсутствие в высшем руководящем составе ВМС ясных представлений относительно направления строительства и общей идеи применения будущего «большого флота». Имеются авторитетные свидетельства, что летом 1936 г., закрывая совещание флагманов, посвященное обсуждению этих вопросов, И.В. Сталин бросил им упрек: «Вы сами еще не знаете, что вам нужно»².

Однако и после этого высшие должностные лица флота так и не смогли разработать формы и способы применения сил, соответствующие новому этапу его развития. Исключением не стал даже начальник Морских Сил В.М. Орлов, который в начале 1937 г. фактически сорвал выполнение указания И.В. Сталина по развертыванию советской группировки в Средиземном море, причем главным образом потому, что так и не понял исключительной важности этой политической и военно-стратегической задачи³.

Образование самостоятельного Наркомата ВМФ, руководство которого получило право непосредственного обращения в Политбюро ЦК ВКП(б), в Комитет Обороны и СНК СССР, устраняло решающее условие для отрицательного влияния командования Красной Армии на строительство Военно-Морского Флота⁴.

Однако в вопросах боевого (оперативного) управления его силами полной ясности (по крайней мере на первоначальном этапе становления нового ведомства) добиться не удалось. Генеральный штаб по-прежнему нес ответственность за разработку плана применения вооруженных сил в целом, а нарком ВМФ не имел прав главнокомандующего в отношении непосредственно подчиненных ему четырех флотов и трех флотилий.

15 января 1938 г. ЦИК и СНК СССР утвердили «Положение о Народном комиссариате Военно-Морского Флота», в соответствии с которым в составе наркомата был образован Главный морской штаб (ГМШ) ВМФ (рис. 14). На него как на ведущий орган в системе боевого и повседневного управления силами флота возлагались задачи по обеспечению строительства и подготовки Военно-Морского Флота.

Выполнение этих задач предполагало участие командования и личного состава штаба в подготовке планов развития ВМФ и родов его сил, в обосновании общих требований к разработке тактико-технических заданий на проектирование боевых кораблей, вспомогательных судов, образцов вооружений и боевых средств флота, а также требований к оборудованию морских театров и строительству береговых сооружений.

Наряду с этим на ГМШ ВМФ возлагались ответственность за планирование и контроль оперативно-боевой подготовки, контроль за подготовкой нижестоящих штабов, разработка предложений по развитию организационно-штатной структуры и руководство мобилизационной работой в ВМФ, контроль за мобилизационной подготовкой судового состава гражданских ведомств, организация воинских перевозок в военное и мирное время, обеспечение скрытого управления силами ВМФ.

Начальником ГМШ был назначен один из самых опытных высших командиров флота флагман флота 2 ранга Л.М. Галлер.

Окончив Морской корпус в 1905 г., до Октябрьской революции он прошел все ступени службы — от вахтенного начальника до старшего офицера героического линкора «Слава», на котором в 1917 г. принял участие в действиях по обороне Моонзундского архипелага. В 1918 г. Л.М. Галлер поступил на службу в РККФ. Командуя эсминцем, он участвовал в Ледовом походе Балтийского флота, а став командиром линкора «Андрей Первозванный», — в подавлении мятежа на фортах Красная Горка и Серая Лошадь (1919). В феврале 1921 г. Л.М. Галлер возглавил штаб Морских сил Балтийского моря, а затем бригаду линкоров. В этой должности в 1929—1930 гг. ему пришлось руководить переводом с Балтики на Черное море линейного корабля «Парижская коммуна» и крейсера «Профинтерн». В 1932 г. Л.М. Галлер был назначен командующим Морскими силами Балтийского моря, а в 1937 г. стал заместителем начальника Морских Сил РККА.

Возглавив ГМШ, Л.М. Галлер сосредоточился в первую очередь на определении роли и основных функций нового органа управления флотом. В соответствии с его указаниями было разработано «Положение о Главном морском штабе», которым устанавливалось, что ГМШ есть «центральный и боевой орган НК ВМФ СССР по подготовке и использованию ВМС для морской обороны страны, организации и координации работы всех управлений»⁵.

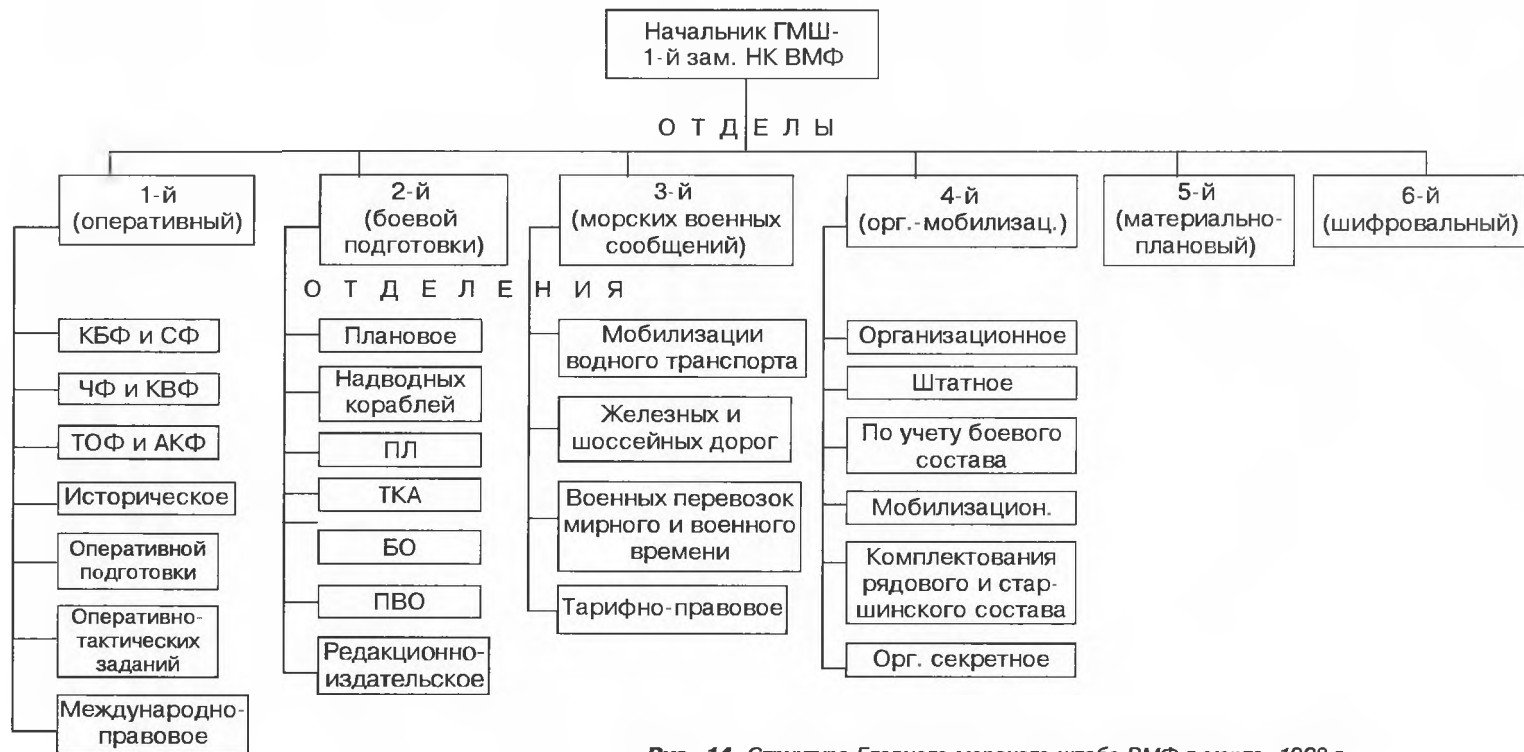

Рис. 14. Структура Главного морского штаба ВМФ в марте 1938 г.

Как показали дальнейшие события, назначение Л.М. Галлера было одним из наиболее удачных кадровых решений, принятых в период формирования нового наркомата и Главного штаба ВМФ.

В отношении всех первых лиц нового ведомства этого сказать было нельзя. При подборе кандидатов к назначению в состав его руководства сразу выяснилось, что реорганизация системы управления флотом хуже всего обеспечена кадрами, что было прямым следствием репрессий против высшего и среднего командного состава флота в 1930—1937 гг.

В результате первым наркомом ВМФ был назначен армейский комиссар 1 ранга П.А. Смирнов, имевший самые приблизительные представления о порученном ему деле. На качество управленческих решений почти не влияло то, что первым заместителем наркома был назначен флагман флота 2 ранга П.И. Смирнов-Светловский, имевший академическую подготовку и хотя бы небольшой опыт командования Черноморским флотом, а заместителем — известный военно-морской теоретик флагман флота 1 ранга И.С. Исаков.

Мало что изменилось и после того, как в апреле 1938 г. под председательством наркома Военно-Морского Флота начал работать Главный военный совет (ГВС) ВМФ.

Первоначально к назначению членами ГВС были представлены секретарь ЦК ВКП (б) А.А. Жданов, первый заместитель наркома ВМФ флагман флота 2 ранга П.И. Смирнов-Светловский, заместитель наркома ВМФ флагман флота 1 ранга И.С. Исаков, начальник политуправления ВМФ корпусной комиссар М.Р. Шапошников, командующий Тихоокеанским флотом флагман флота 2 ранга Н.Г. Кузнецов, командующий Краснознаменным Балтийским флотом флагман флота 2 ранга А.К. Сивков и начальник Управления вооружения и снабжения боеприпасами комдив И.С. Мушнов⁶. В то же время по непонятной причине в список не был включен начальник ГМШ Л.М. Галлер.

Он был введен в состав ГВС ВМФ в последующем.

Первые месяцы существования ГМШ ВМФ основная часть служебного времени его руководителей и рядовых сотрудников поглощалась решением организационных вопросов. К тому же многие ключевые должности еще не были укомплектованы.

Только 2 июня 1938 г. был издан приказ о назначении заместителя начальника ГМШ — начальника оперативного отдела. Им стал капитан 1 ранга В.А. Алафузов, который чрезвычайно быстро вошел в курс дел и вскоре превратился в незаменимого помощника Л.М. Галлера в вопросах руководства разносторонней деятельностью коллектива штаба.

На военную службу В.А. Алафузов поступил добровольцем. Гражданскую войну прошел в составе Онежской флотилии, затем, окончив в 1925 г. военно-морское училище, служил на Балтике и Черном море. В 1937 — 1938 гг. он воевал на стороне республиканцев в Испании.

Высокими деловыми качествами отличались заместитель начальника оперативного отдела капитан 1 ранга Н.А. Питерский и помощник начальника ГМШ капитан 1 ранга С.Н. Иванов.

Деятельность Главного морского штаба ВМФ началась с уточнения оперативных планов (планов применения) Военно-Морского Флота, системы обеспечения боевой и повседневной деятельности сил. Была организована также доработка планов мобилизационного развертывания ВМФ и директивных указаний по мобилизационным мероприятиям на случай войны. Одновременно развернулась подготовка проектов сводных годовых планов по кораблестроению и производству морских вооружений, началась разработка требований к

тактико-техническим заданиям на проектирование кораблей, систем оружия и технических средств флота.

Из-за малочисленности ведущих подразделений, отсутствия необходимых знаний и опыта у большинства исполнителей работа велась с крайним напряжением.

Кроме того, Л.М. Галлеру и его подчиненным приходилось неоднократно выезжать в командировки для оказания помощи штабам флотов и флотилий.

Тем не менее сложности организационного периода постепенно оставались в прошлом, и деятельность ГМШ входила в нормальную колею.

Постепенно налаживалось и деловое взаимодействие с Генеральным штабом, чему способствовали неплохие личные отношения Л.М. Галлера с Маршалом Советского Союза Б.М. Шапошниковым⁷.

Однако из-за того, что репрессии в армии и на флоте не прекращались, руководство наркомата не стабилизировалось, и это, естественно, отражалось на работе ГМШ.

В августе 1938 г. органами НКВД был арестован нарком ВМФ П.А. Смирнов, который за время пребывания в должности отличился лишь тем, что рьяно искоренял «врагов народа» на флотах. Вместо него 5 ноября 1938 г. был назначен командарм 1 ранга М.П. Фриновский, до того работавший в пограничной охране НКВД. Вскоре после назначения М.П. Фриновского был репрессирован П.И. Смирнов-Светловский.

После каждого такого удара центральный аппарат лихорадило несколько недель.

Тем не менее даже в такой невыносимой обстановке продолжалась работа по руководству строительством большого океанского флота.

Реализации новой кораблестроительной программы было посвящено заседание ГВС ВМФ, прошедшее в Москве в период с 16 по 19 декабря 1938 г. На нем с тревогой отмечалось, что уровень личной подготовки командиров кораблей и соединений резко понизился и не обеспечивает готовности даже тех сил, которыми ВМФ располагал к началу большого строительства. Были отмечены стремительный рост аварийности и неспособность новых командующих флотами и флотилиями на должном уровне организовать службу штабов, оперативную и боевую подготовку.

На заседании руководством ГМШ был впервые поставлен вопрос об уточнении основных положений Боевого устава Военно-Морских Сил, а также о разработке Наставления по ведению морских операций.

К началу 1939 г. маховик репрессий замедлился и обстановка в Наркомате ВМФ постепенно стабилизировалась.

Весной 1939 г. заместителем наркома ВМФ был назначен флагман флота 2 ранга Н.Г. Кузнецов. 24 апреля 1939 г. И.В. Сталиным было принято решение о назначении его народным комиссаром Военно-Морского Флота.

Молодой нарком был полон сил и энергии, имел за плечами хорошую школу корабельной службы, приобрел ценный личный опыт из гражданской войны в Испании, к тому же, хотя и недолго, успел побывать в должности командующего Тихоокеанским флотом. Как и большинство его сверстников, вынесенных наверх силою обстоятельств и благодаря личному участию в их судьбе И.В. Сталина, он готов был работать круглые сутки, чтобы оправдать доверие вождя. Недостаток знаний и опыта ему удавалось компенсировать за счет выдающихся разнообразных способностей. Кроме того, он обладал твердым характером и железной волей, умел подчинять себе людей как силою личного обаяния, так и должностным авторитетом.

Назначение Н.Г. Кузнецова положительно сказалось на деятельности ГМШ, способствовало существенному повышению его роли в строительстве и подготовке ВМФ.

Выдающейся личной заслугой Н.Г. Кузнецова, его вкладом в развитие теории управления ВМФ стала разработка проблем организации управления силами флота в начальный период войны. По его личному указанию ГМШ ВМФ была разработана система, позволявшая в кратчайшие сроки с соблюдением необходимых мер скрытности переводить силы флота в состояние немедленной готовности к отражению внезапного нападения противника.

Решение о разработке системы оперативных готовностей было принято Н.Г. Кузнецовым в мае 1939 г., а немногим более месяца спустя, 23 июня, им была подписана соответствующая директива. Контроль за ее реализацией был возложен на начальника ГМШ.

Аппаратом ГМШ ВМФ был разработан план мероприятий по практической отработке перевода сил флота в различные степени готовности. Учитывая невысокий уровень подготовки штабов, работники Главного морского штаба предусмотрели систему мер, позволявшую добиться четкости их действий и соблюдения установленных нормативов. Отработка передачи условных сигналов по радио и проводным средствам связи стала обязательным элементом всех флотских учений, а проведение мероприятий по этим сигналам проверялось предельно жестко. Никаких послаблений не допускалось⁸.

20 мая 1939 г. нарком ВМФ флагман флота 2 ранга Н.Г. Кузнецов представил в СНК СССР доклад с предложениями по усовершенствованию организационно-штатной структуры центрального аппарата ВМФ. 25 июля СНК СССР утвердил эти предложения.

В состав наркомата вошли: Главный морской штаб ВМФ, управления — Политическое, Боевой подготовки, Авиации, Разведывательное, Кораблестроения, Артиллерийское, Минно-торпедное, Химическое, Связи, Техническое, Гидрографическое, Инженерное, Квартирно-эксплуатационное, Строительное, Снабжения и Санитарное; отделы — топливный, противовоздушной обороны, транспорта и плавсредств, финансовый.

Кроме того, в аппарат Наркомата ВМФ были включены секретариат народного комиссара, группа контроля и инспектирования при Наркомате ВМФ, управление делами, Постоянная приемная комиссия, отдел изобретений и Военно-морское издательство.

В тот же день нарком утвердил новое Положение об организации и работе Главного морского штаба РК ВМФ, в котором было дано четкое определение месту ГМШ среди других центральных учреждений ВМФ. Еще раз подтверждалось, что он «является органом боевого управления наркома ВМФ по подготовке и использованию РК ВМФ для морской обороны страны».

В соответствии с этим были очерчены права начальника ГМШ — он направлял и контролировал деятельность всех управлений и отделов Наркомата ВМФ.

В состав Главного морского штаба по новому положению вошли отделы — оперативный (капитан 1 ранга В.А. Алафузов), организационно-мобилизационный (капитан 2 ранга П.И. Бабин), организационно-строевой (капитан 2 ранга А.К. Евсеев), военных сообщений (полковник Н.К. Кечеджи), материально-плановый (капитан 3 ранга Г.А. Хомченков), шифровально-штабной службы (капитан 3 ранга Я.А. Милуков), комплектования рядовым и младшим начальствующим составом (полковник П.В. Савельев) и два отделения — общее (полковник Б.П. Матвеев) и внешних заказов (капитан 2 ранга Н.А. Сериков)⁹.

В состав оперативного отдела входило семь отделений: три оперативных отделения (по театрам); противовоздушной обороны; военно-воздушных сил;

оперативно-тактической подготовки; оперативно-тактических заданий; историческое и международно-правовое.

Организационно-мобилизационный отдел состоял из шести отделений: организационно-мобилизационного; организационно-штатного по флоту; организационно-штатного по береговой обороне; сухопутным войскам и частям ПВО; организационно-штатного по тылу и центральным учреждениям; табельного и учетно-статистического.

В организационно-строевой отдел входили отделения устройства повседневной службы и учета; анализа происшествий и дисциплинарной практики.

В отдел военных сообщений — отделения мобилизации водного транспорта; железнодорожных, шоссейных и грунтовых путей; воинских перевозок; тарифно-правовое.

В материально-плановом отделе было десять отделений: мобилизационно-плановое; артиллерийско-химическое; минно-торпедное; авиационное; гидрографическое и средств связи; общевойскового снабжения; материально-плановое по фондам; оперативно-мобилизационного учета; экономики и ресурсов; финансовое.

Отдел шифровально-штабной службы состоял из отделений: организационно-мобилизационного; боевой подготовки; разработки и издания шифров и документов; шифровального; кадров шифровально-штабной службы; секретно-организационного.

В отдел комплектования рядовым и младшим начальствующим составом входили отделения: комплектования и учета; прохождения службы; подготовки запаса.

В соответствии с положением в число основных задач ГМШ ВМФ включались «разработка оперативных планов РК ВМФ и вопросов оперативного использования флотов, флотилий и Органов Тыла по обороне Союза ССР; руководство и контроль (по указанию наркома) за оперативной и боевой подготовкой флотов (флотилий), береговой обороной и приданными ей сухопутными частями, морской авиацией, штабами и органами тыла; разработка организационной структуры и штатов ВМФ в целом, а также его частей и соединений по мирному и военному времени; разработка вопросов и схемы организационно-мобилизационного развертывания флотов и органов тыла; подготовка директивных указаний по обеспечению постоянной мобилизационной готовности ВМФ; разработка организации тыла и указаний по материальному обеспечению ВМФ в мирное и военное время, ежегодных и перспективных планов организационных мероприятий по флотам и флотилиям; разработка, в соответствии с потребностями ВМФ, планов и заданий по оперативной подготовке морских и речных театров в военное время; разработка специальных заданий по подготовке и использованию морских, речных и других путей сообщения в мирное и военное время; планирование и обеспечение морских, речных и других воинских перевозок; руководство специальной, морской, оборонной подготовкой личного состава и средств водного транспорта к использованию их по военному времени; участие в разработке спецмер и планов гражданских наркоматов; руководство и контроль за эксплуатацией железнодорожных и водных путей и подвижного состава ВМФ; обеспечение кредитами перевозок ВМФ, эксплуатации и ремонта железнодорожных путей и подвижного состава и организация расчетов с органами транспорта; руководство гидрографической службой РК ВМФ; разработка тактико-технических заданий по строительству и модернизации кораблей, батарей, баз, складов и путей сообщения на театрах и по созданию новых; усовершенствование состоящих на вооружении боевых и технических средств РК ВМФ; разработка

положений и наставлений по вождению соединений флотов и флотилий; подготовка наставлений оперативно-организационного и мобилизационного характера; изучение опыта войн и флотов иностранных государств (организация, боевая подготовка и использование) и, в первую очередь, вероятных противников; руководство, по заданиям наркома и особому положению, разведывательной работой; руководство шифровально-штабной службой и скрытым управлением на флотах и флотилиях; изучение и проверка оперативной, мобилизационной и материальной подготовленности флотов и флотилий; разработка всех необходимых мероприятий, связанных с повышением их боевой готовности; участие в маневрах и учениях флотов и флотилий, их изучение, анализ и выводы; контроль за выполнением указаний наркома флотами и флотилиями по кругу задач Главного морского штаба и отданных штабом директив; разработка и согласование с Генеральным штабом РККА мероприятий по совместным действиям РККА и РК ВМФ; комплектование флотов и флотилий рядовым и младшим начсоставом по мирному и военному времени; учет обеспеченности РК ВМФ людскими мобилизационными ресурсами по военному времени».

В связи с началом второй мировой войны были приняты срочные меры по усилению исторического подразделения ГМШ ВМФ. 16 сентября 1939 г. для «обобщения и изучения опыта войн на море и строительства ВМФ СССР, в целях использования его (опыта) в обороне страны и, в первую очередь, в оперативной работе Главного морского штаба и военных советов флотов и флотилий» на базе соответствующего отделения оперативного отдела был сформирован исторический отдел во главе с капитаном 1 ранга В.И. Кругловым. На отдел было возложено «объединение и направление всей исторической работы в Военно-Морском Флоте СССР». Он состоял из четырех отделений — прошлых войн, первой мировой войны, гражданской войны и современных войн¹⁰.

Сложившаяся к началу второй мировой войны структура Главного морского штаба потребностям руководства боевой деятельностью флотов и флотилий все же отвечала не полностью. Об этом убедительно свидетельствовал опыт советско-финляндской войны 1939—1940 гг.

Перед ее началом, в частности, выяснилось, что вопросы оперативного взаимодействия Краснознаменного Балтийского флота с войсками Ленинградского военного округа фактически не отработаны, в связи с чем план применения его сил в войне с Финляндией разрабатывался в крайней спешке — за несколько дней до начала военных действий.

Война с Финляндией выявила также существенные недостатки в деятельности командования и органов управления Балтийского и Северного флотов.

Основными недостатками были низкая организация службы штабов, неудовлетворительное ведение разведки, неумелые действия по сбору данных и поверхностный анализ обстановки, плохая связь.

Результаты боевой деятельности флотов в ходе советско-финляндской войны и опыт первых кампаний второй мировой войны ускорили становление системы официальных оперативно-тактических взглядов советского ВМФ. При этом огромную роль сыграла деятельность руководства Наркомата ВМФ и работников аппарата Главного морского штаба.

По существу, эта работа развернулась уже в 1939 г.

Первым боевым руководящим документом, изданным после образования Наркомата ВМФ, стало Временное наставление по боевой деятельности подводных лодок (НПЛ-39). С выходом его в свет был в основном завершен процесс становления подводных сил (в качестве самостоятельного рода сил флота).

Уточнение официальных взглядов на оперативно-тактическое содержание боевых действий на море выразилось в изменениях и дополнениях, внесенных в БУМС-37. В соответствии с приказом наркома ВМФ от 14 мая 1939 г. глава первая устава «Общие основы» была изложена в новой редакции. Кроме того, он был дополнен главой шестой (а) «О бое».

Кроме того, в это время были изданы Наставление по боевому применению бомб авиацией Военно-Морского Флота, новые правила артиллерийской, минной и штурманской службы, курсы надводных кораблей, подводных лодок и катеров.

Активизировалась издательская деятельность, были переизданы труды выдающихся отечественных и зарубежных теоретиков: С.О. Макарова, А.Ф. Мэхэна, Дж. Корбетта, историка Ф.Ф. Веселаго, вышли в свет книги А.В. Томашевича, И.С. Исакова, В.Е. Егорьева и других советских военно-морских теоретиков, посвященные актуальным проблемам военно-морского искусства.

В марте 1940 г. была образована Историческая комиссия Военно-Морского Флота по исследованию и использованию опыта войны.

7 мая 1940 г. было введено в действие Временное наставление по боевой деятельности минно-торпедной авиации (НБМТА-40).

Через месяц, 7 июня 1940 г., на заседании Главного военного совета ВМФ было принято постановление «Об использовании опыта боевых действий Краснознаменного Балтийского флота и Северного флота в боевой подготовке Военно-Морского Флота». В нем было указано на необходимость внимательно изучать и глубоко анализировать опыт действий флотов в кампаниях второй мировой войны, поднимать роль командиров в боевой жизни флота, не допускать упрощенчества в боевой подготовке, улучшать работу штабов по организации боевого взаимодействия между родами сил флота, группировками ВМФ и сухопутными войсками, разрабатывать тактику противоминных действий, повышать качество подготовки специалистов флота, строго выполнять требования уставов и наставлений¹¹.

18 июля 1940 г. нарком ВМФ утвердил разработанное Главным морским штабом Наставление по боевой деятельности штабов соединений Военно-Морского Флота. Им регламентировались общие основы организации штабной службы в Военно-Морском Флоте, взаимоотношения штабов различных уровней между собой и с другими органами управления, функциональные обязанности должностных лиц.

Кроме того, в нем давались рекомендации по сбору и анализу данных обстановки, подготовке и принятию решений, разработке основных боевых документов.

Ввод в действие этого Наставления стал решающим событием в период становления новой концепции штабной службы в Военно-Морском Флоте. Оно обеспечило единство требований к деятельности штабов всех уровней, что, в свою очередь, позволило существенно повысить качество управленческой деятельности, направить ее на реализацию трех основных функций: оперативной, разведывательной и организационной.

16 августа 1940 г. была издана директива начальника Главного морского штаба, в соответствии с которой командующим флотами и флотилиями, а также командирам соединений предлагалось на основе официальных оперативно-тактических взглядов разработать «постоянно действующие боевые наставления по организации и проведению операций, типовых для данного флота, флотилии, соединения, конкретно исходя из общей задачи, района театра, состава сил и вероятного противника».

Однако для командиров и их штабов эта задача оказалась непосильной. В связи с этим было решено форсировать разработку проекта Временного наставления по ведению морских операций, работа над которым велась параллельно с подготовкой аналогичного наставления в Красной Армии.

Между тем с учетом опыта советско-финляндской войны 27 июля 1940 г. была произведена частичная реорганизация ГМШ. Оперативный и организационно-мобилизационный отделы были преобразованы в управления. В составе Оперативного управления были сформированы отделы — четыре оперативных (по театрам) и плановый. Осталось в его составе и международно-правовое отделение (рис. 15).

Вопросы комплектования рядовым и старшинским составом, разработки штатов и табелей кораблей, частей и учреждений, организации внутренней службы, учета личного состава были отданы в ведение вновь созданного Главного управления ВМФ. На базе отделения внешних заказов был сформирован отдел внешних заказов, непосредственно подчиненный наркому ВМФ. Численность Главного морского штаба ВМФ после этого составила 133 человека¹².

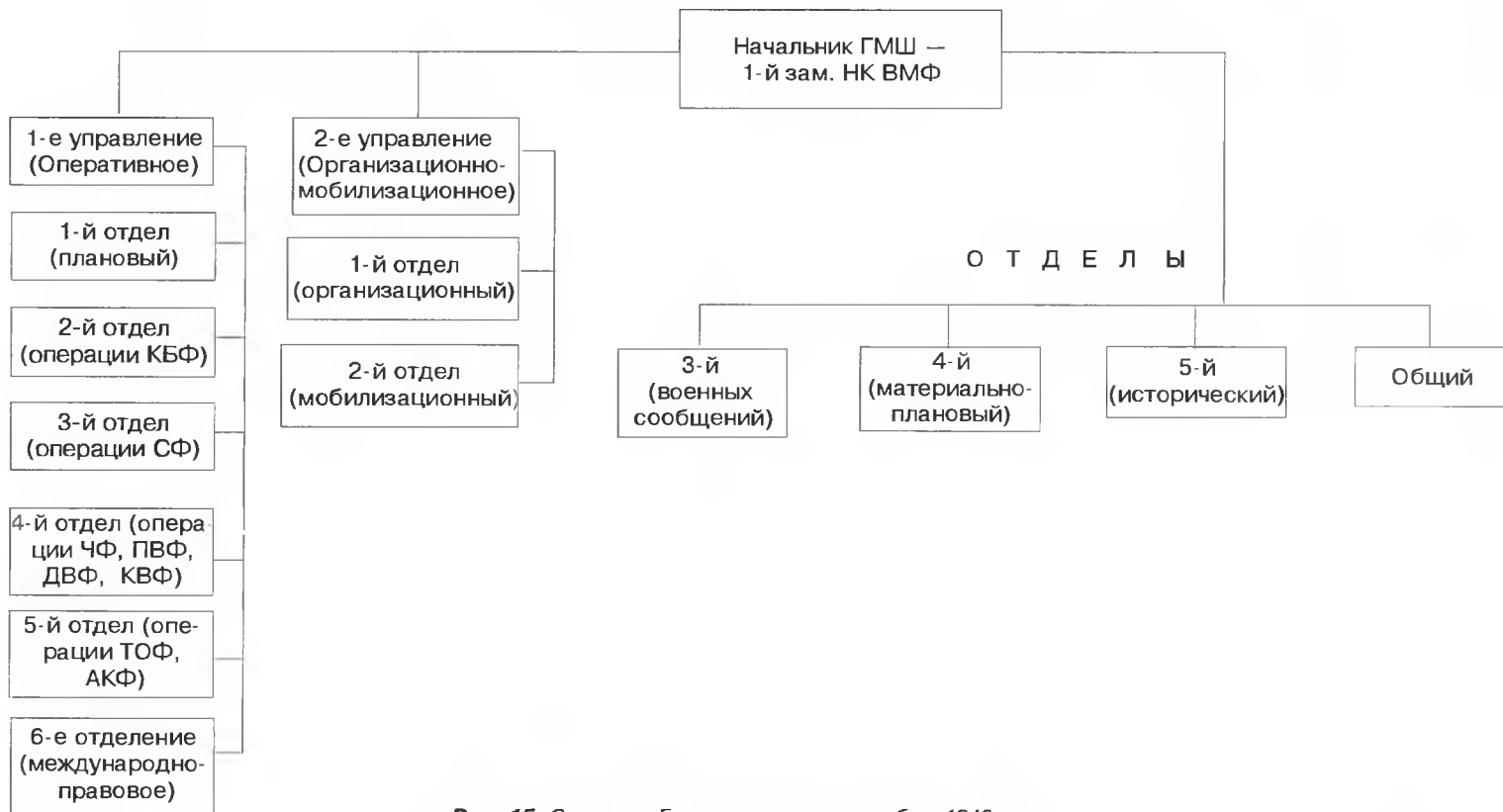
Реорганизацию ГМШ пришлось начинать и завершать на ходу, обеспечивая проведение ряда нестложных мероприятий по уточнению состава, задач и базирования группировки Военно-Морского Флота на западных морских театрах. В июле — августе 1940 г. эта работа проводилась в связи с принятием в СССР трех Прибалтийских республик, а затем в рамках общего для армии и флота плана по реализации «Соображений об основах стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на западе и востоке на 1940—1941 гг.».

ГМШ обеспечивал перевод корабельных соединений и морской авиации в новые базы и на новые аэродромы. В спешном порядке возводились объекты береговой обороны на полуострове Ханко, на островах Моонзундского архипелага и в Ирбенском проливе.

Новая конфигурация системы базирования на Балтике и в Баренцевом море значительно повысила оперативные возможности сил флотов. В связи с этим потребовалось коренным образом переработать оперативные планы КБФ и СФ, согласовать их с Генеральным штабом, командованием Ленинградского и образованного в июле 1940 г. Прибалтийского военных округов. В целях проверки реальности новых оперативных планов и отработки взаимодействия с войсками приморских округов в изменившихся условиях обстановки в августе 1940 г. под непосредственным контролем руководства ГМШ ВМФ было проведено крупное учение Краснознаменного Балтийского флота, на котором отработывались оборона устья Финского залива и содействие сухопутным войскам на приморских направлениях.

Кроме того, не прекращалась напряженная научно-теоретическая работа. С 7 по 12 октября 1940 г. под руководством заместителя наркома ВМФ адмирала (в связи с введением генеральских и адмиральских званий в мае 1940 г. И.С. Исакову было присвоено звание адмирала) И.С. Исакова в Ленинграде было проведено совещание руководящего состава центрального аппарата ВМФ и профессорско-преподавательского состава Военно-морской академии. Участники совещания заслушали и обсудили доклады: «Опыт современных морских операций», «Опыт использования подводных лодок», «Использование ВВС в морских операциях», «Вопросы общей тактики в войне» и «Совместные операции на море».

Выводы и предложения, внесенные участниками совещания, были учтены при доработке проекта Временного наставления по ведению морских операций.

Рис. 15. Структура Главного морского штаба в 1940 г.

15 ноября 1940 г. адмирал Л.М. Галлер стал заместителем наркома ВМФ и непосредственно возглавил управления — Кораблестроения, Артиллерийское, Минно-торпедное, Связи, Химическое, Техническое и Гидрографическое.

Имеются свидетельства, что так решил И.В. Сталин, заявивший Н.Г. Кузнецову, что «Галлер хороший исполнитель, но недостаточно волевой человек». Во всяком случае, именно он предложил назначить на должность начальника ГМШ адмирала И.С. Исакова, поскольку считал его более энергичным, деятельным, смелым и более подготовленным в теоретическом плане. И.С. Исаков вступил в должность начальника ГМШ ВМФ — первого заместителя наркома ВМФ 23 ноября 1940 г.

Учитывая чрезвычайную важность укрепления руководства теоретической деятельностью штабов и научных центров ВМФ, эта рокировка, несомненно, имела смысл, так как И.С. Исаков к тому времени уже приобрел известность как ведущий теоретик ВМФ. Немаловажное значение имели и его личные качества, в частности, он обладал качествами дипломата, что не раз выручало его в ходе налаживания отношений с первыми лицами в партии и государстве.

Широкое обсуждение актуальных проблем военно-морского искусства в основном завершилось на сборах командующих флотами и флотилиями, состоявшихся в Москве 2—10 декабря 1940 г.

Открывая их, нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов отметил, что в ходе советско-финляндской войны стала совершенно очевидной «недостаточная подготовленность звена начальствующего состава». Одну из основных причин этого нарком видел в том, что «не было единой точки зрения на ряд принципиальных вопросов: она не прививалась, не воспитывалась, а наоборот, в течение целого ряда лет велись бесплодные дискуссии, которые, кроме вреда, ничего не давали». В связи с этим он заявил, что главная цель сборов состоит в том, чтобы «дать ряд установок на основе опыта войны, и все это необходимо будет воспринимать не как пожелание, а как закон».

В докладе адмирала И.С. Исакова «О характере современной войны и операций на море» были даны разработанные группой ведущих теоретиков ВМФ основы теории морских операций. Операция трактовалась как «сумма боевых усилий (боев и маневров), направленных к достижению оперативной цели, являющейся этапом в достижении конечной цели войны». К самостоятельным были отнесены операции по уничтожению сил флота противника в море, нарушению вражеских и обороне своих морских коммуникаций, а также против баз и береговых объектов, к числу совместных с Сухопутными войсками и Военно-воздушными силами Красной Армии — операции по поддержке войск на приморских направлениях, десантные и противодесантные операции, операции в шхерных районах. К операциям были отнесены также минно-заградительные, тральные и разведывательные действия.

«Повседневные действия, выполняемые систематически», должны были обеспечивать «оперативный режим на театре».

В Наставлении излагались основные принципы советского военно-морского искусства, которые требовали целеустремленности и целесообразности действий, сосредоточения усилий на главном направлении, всестороннего боевого и специального обеспечения сил, решающих главную задачу, достижения внезапности воздействия на противника, четкой организации взаимодействия между родами сил, соединениями и тактическими группами, привлекаемыми к ведению операции, целесообразного оперативного построения и максимального напряжения сил.

В заключительной части сборов был объявлен приказ наркома ВМФ от 26 ноября 1940 г. о вводе в действие Временного наставления по ведению

морских операций (НМО-40). Приказ обязывал требования и рекомендации Наставления «положить в основу ...как оперативной подготовки, так и тактической боевой деятельности Военно-Морского Флота»¹³.

После ввода в действие НМО-40 оперативно-тактические взгляды советского ВМФ приобрели законченную форму, став теоретической основой стройной системы боевых руководящих документов. ГМШ ВМФ возглавил работу по их практическому освоению.

При этом особенно много внимания уделялось штабным тренировкам и военным играм, которые нарком ВМФ и новый начальник Главного морского штаба адмирал И.С. Исаков считали одной из важнейших форм оперативной подготовки.

2 января 1941 г. нарком ВМФ представил в Комитет Обороны при СНК СССР доклад об итогах боевой подготовки в 1939—1940 гг. Было отмечено, что за истекший год боевой и численный состав ВМФ заметно пополнился. Флот получил от промышленности 2 крейсера, лидер эсминцев, 10 эскадренных миноносцев, 34 подводные лодки, 6 тральщиков, 25 торпедных катеров, 42 малых охотника за подводными лодками, 18 бронекатеров. Увеличилось число батарей береговой обороны, численно выросла морская авиация, на вооружение стала поступать новая техника.

Было отмечено также, что на ход и результаты боевой подготовки в 1940 г. значительное влияние оказали участие КБФ и СФ в советско-финляндской войне, формирование Дунайской и Пинской военных флотилий, расширение масштабов второй мировой войны, освоение новых районов базирования.

28 января 1941 г. произошла частичная реорганизация Главного морского штаба ВМФ. Приказом наркома из состава ГМШ был выведен материально-плановый отдел и сформирован северный (полярный) отдел (капитан 1 ранга И.М. Сендик), в ведение которого отдавались вопросы оперативного использования Северного морского пути. В составе Оперативного управления ГМШ был сформирован оперативно-тактический отдел (1-й), на который было возложено руководство оперативно-тактической подготовкой командного и начальствующего состава.

Заместителю начальника ГМШ контр-адмиралу В.А. Алафузову был подчинен исторический отдел ГМШ, а помощнику начальника штаба (капитан 1 ранга С.Н. Иванов) — северный отдел, общий отдел (полковник С.Д. Климин) и отдел военных сообщений (капитан 2 ранга Н.К. Кечеджи).

В непосредственном подчинении начальника ГМШ остались Организационно-мобилизационное управление (капитан 1 ранга П.И. Бабин), Разведывательное управление (капитан 1 ранга Н.И. Зуйков) и Управление боевой подготовки (контр-адмирал Ю.Ф. Ралль)¹⁴.

Реорганизации был подвергнут и аппарат, подчиненный наркому ВМФ: 13 февраля 1941 г. в его составе было сформировано 3-е управление (капитан государственной безопасности А.И. Петров) с задачей борьбы с контрреволюцией, шпионажем, диверсиями, вредительством и антисоветскими проявлениями в ВМФ, 14 февраля отдел противовоздушной обороны ВМФ был преобразован в управление (полковник А.П. Иванов), а 25 февраля было переименовано Управление авиации, ставшее Управлением военно-воздушных сил Военно-Морского Флота (генерал-лейтенант С.Ф. Жаворонков)¹⁵.

Война приближалась. Однако «План обороны государственной границы 1941 г.» был разработан Генштабом с большим опозданием и доведен до командующих войсками округов лишь в начале мая 1941 г.

До этого при разработке оперативных планов на 1941 г. ГМШ ВМФ и штабы флотов руководствовались директивой наркома ВМФ от 26 февраля

1941 г., подготовленной исходя из предположения, что на всех морских ТВД предстоит вести борьбу с группировками противника, обладающими превосходством в силах.

И хотя начальник ГМШ адмирал И.С. Исаков предпринимал все возможные шаги по согласованию оперативных планов приморских округов и флотов, на оперативно-стратегическом уровне должного взаимодействия наладить не удалось. За все это время начальником Генштаба Красной Армии генералом армии Г.К. Жуковым и начальником ГМШ ВМФ адмиралом И.С. Исаковым была подписана только одна совместная директива начальникам штабов округов, флотов и флотилий «О подготовке связи для взаимодействия частей и соединений Красной Армии и ВМФ», датированная 11 марта 1941 г.¹⁶

Тем не менее с начала мая и до конца июня 1941 г. под руководством ГМШ ВМФ на флотах была проведена значительная работа по разработке мобилизационного плана 1941 г. (МП-41) и по доработке оперативных планов флотов в соответствии с «Планом обороны государственной границы 1941 г.»

В 23.00 21 июня 1941 г. Оперативное управление ГМШ получило директиву, подписанную наркомом обороны СССР маршалом С.К. Тимошенко и начальником Генштаба генералом армии Г.К. Жуковым, которой руководство Наркомата ВМФ ставилось в известность, что 22 — 23 июня ожидается нападение Германии на Советский Союз. В 23.37 нарком ВМФ адмирал Н.Г. Кузнецов объявил по флоту оперативную готовность № 1.

Советский Военно-Морской Флот вступил в войну, имея в своем составе Краснознаменный Балтийский, Северный, Черноморский и Тихоокеанский флоты, Пинскую, Каспийскую и Амурскую военные флотилии.

В число высших руководителей ВМФ к 22 июня 1941 г. входили нарком ВМФ адмирал Н.Г. Кузнецов, начальник ГМШ — первый заместитель наркома ВМФ адмирал И.С. Исаков, начальник Главного политического управления ВМФ армейский комиссар 2 ранга И.В. Рогов, заместители наркома: по кораблестроению и вооружению — адмирал Л.М. Галлер, по боевой подготовке — вице-адмирал Г.И. Левченко, по кадрам — корпусной комиссар С.П. Игнатъев, по тылу — генерал-лейтенант береговой службы С.И. Воробьев.

В состав Наркомата ВМФ входили: Главный морской штаб, Главное политическое управление, Разведывательное управление, Управление боевой подготовки, Организационно-строевое управление, Командное управление, Управление связи, Главное управление портов, Управление кораблестроения, Артиллерийское управление, Минно-торпедное управление, Техническое управление, Химическое управление, Гидрографическое управление, Управление гидрометслужбы, Главное управление ЭПРОН, Инженерное управление, Строительное управление, Медико-санитарное управление, Обозно-вещевое управление, Квартирно-эксплуатационное управление, Управление противовоздушной обороны, Управление ВВС, 3-е управление ВМФ, отдел подготовки и комплектования, отдел внешних сношений Народного комиссариата ВМФ, отдел топлива, отдел плавсредств и гаваней ВМФ, автобронетанковый отдел, отдел труда и зарплаты вольнонаемного состава, ветеринарный отдел, финансовый отдел, Военно-морское издательство, редакция журнала «Морской сборник», редакция газеты «Красный флот», секретариат, группа контроля и инспектирования, управление делами, Постоянная приемная комиссия, отдел изобретений.

В ночь на 22 июня 1941 г. все работники ГМШ находились на своих местах, контролируя развертывание сил. Обстановка оставалась неясной. Поэтому не исключались попытки врага высадить на советское побережье оперативные морские десанты. Наиболее вероятным считалось десантирование на слабо за-

щищенное побережье советского Заполярья. Предполагалась также возможность высадки воздушного десанта в Крыму.

Чтобы исключить внезапное появление десантных отрядов и сил, их обеспечивающих, у важнейших пунктов на советском побережье замыслом применения ВМФ в начальный период войны предусматривалась немедленная постановка минных заграждений у своих баз и на вероятных путях движения противника. Особенно важным считалось упредить наступательные действия германского флота на Балтике.

Развертывание подводных лодок и воздушные удары по базам противника, так же как и постановку минных заграждений, предполагалось провести по разработанным до войны планам. ГМШ строго требовал их реализации в установленные сроки.

Первый доклад наркома ВМФ об обстановке на флотах по данным оперсводок, полученных с флотов, состоялся 24 июня 1941 г. в кабинете И.В. Сталина в Кремле. В последующие дни доклады о потерях кораблей или крупных налетах немецкой авиации адресовались правительству и наркому обороны.

Развитие обстановки в первые часы и даже недели Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. для советского военно-политического руководства и командования Вооруженных Сил было неожиданным.

Стремительное наступление немцев на всем протяжении советско-германского фронта смешало все довоенные планы. Были отчасти дискредитированы и сложившиеся перед войной взгляды на систему стратегического руководства войной.

В частности, перед войной предполагалось, что задачи флотам на стратегический этап войны (кампанию) будет ставить Ставка Главного Командования, а оперативные задачи по ходу кампании — нарком ВМФ и командующие объединениями, в оперативном подчинении которых будут находиться флоты. На практике этого порядка пытались придерживаться лишь в первые часы войны.

После образования Ставки Главного Командования (23 июня 1941 г.), а затем Государственного Комитета Обороны (ГКО) (30 июня 1941 г.) Краснознаменный Балтийский и Черноморский флоты были оперативно подчинены военным советам приморских фронтов. Общее руководство применением сил действующих фронтов и флотов обеспечивалось деятельностью Генерального штаба Красной Армии, ставшего рабочим органом Ставки Главного Командования¹⁷. В состав ее первоначально вошел и нарком ВМФ.

10 июля 1941 г. Государственный Комитет Обороны образовал три главных командования. Северный и Балтийский флоты были подчинены главнокомандующему войсками северо-западного направления, а Черноморский — юго-западного.

В начальный период войны (в период ведения Советскими Вооруженными Силами стратегической обороны) руководство флотами осуществлялось по линии Ставка — фронт (главное командование направления) — флот.

Начальник ГМШ ВМФ адмирал И.С. Исаков, формально оставаясь в своей основной должности, был назначен заместителем главнокомандующего войсками Северо-Западного направления по морской части и убыл в Ленинград, где координировал совместные действия сил Балтийского флота, Ладужской и Чудской флотилий с войсками Северо-Западного и Ленинградского фронтов.

Кроме того, в 1941 г. он успел побывать в длительных командировках на юге, организуя взаимодействие Черноморского флота с Закавказским фронтом при подготовке Керченско-Феодосийской десантной операции, и на Дальнем Востоке, проверяя готовность Тихоокеанского флота к совместным действиям с Дальневосточным фронтом.

В качестве представителя наркома ВМФ на Черноморском флоте до конца 1941 г. работал вице-адмирал Г.И. Левченко.

За начальника ГМШ оставался В.А. Алафузов, но он нуждался в помощи, особенно при периодически возникавших в это время осложнениях в отношениях с руководством Генштаба. В случае отсутствия наркома в Москве его обязанности принимал на себя Л.М. Галлер.

В октябре 1941 г. большинство управлений и отделов Наркомата ВМФ было эвакуировано в Куйбышев и Ульяновск. В столице была оставлена только оперативная группа во главе с адмиралом Л.М. Галлером. Размещалась она в доме на Скаковой аллее. Здесь же располагался небольшой подземный узел связи. В Куйбышев был переведен резервный приемопередающий радиотелеграфный центр, размещенный на борту сетевого заградителя «Исеть». 22 октября 1941 г. из Куйбышева была налажена устойчивая связь со всеми флотами.

В ведении ГМШ номинально оставалось общее руководство подготовкой самостоятельных морских операций, а также планирование и контроль за ведением флотами систематических боевых действий по уничтожению военно-морских сил противника в море и в базах, по обороне своих морских коммуникаций и нарушению коммуникаций противника.

Однако фактически в первый период войны самостоятельные морские операции не проводились и основной задачей сил флотов стала оборона военно-морских баз на изолированных приморских плацдармах (Либава, Ханко, Таллин, Одесса, Севастополь, Ленинград) или находившихся под угрозой их захвата с суши (Полярный, Мурманск, Новороссийск, Туапсе).

Важнейшим условием длительного удержания баз, блокированных противником, было обеспечение морских воинских перевозок, надежная оборона коммуникаций, связывавших эти плацдармы с Большой землей, постоянная огневая поддержка обороняющихся войск корабельной артиллерией и авиацией флота, прикрытие их приморских флангов от ударов противника со стороны моря. Это потребовало ведения силами армии и флота совместных оборонительных действий оперативного, а в отдельных случаях и оперативно-стратегического масштаба, к ведению которых в полном составе привлекались группировки Военно-Морского Флота на соответствующих морских театрах.

Потребность в этом возникла уже в первые недели войны. К примеру, когда возникла опасность захвата противником Одессы и Ставка приняла решение об оказании помощи ее защитникам, на кораблях эскадры ЧФ из Новороссийска в осажденный город была срочно переброшена морем 157-я стрелковая дивизия. Затем флот огнем корабельной артиллерии и высадкой тактического десанта поддержал контрудар, подготовленный войсками Одесского оборонительного района. Замысел этого контрудара родился в ГМШ, а решение на его проведение и детальный план были подготовлены Военным советом Черноморского флота и командованием эскадры ЧФ.

В ходе этих действий появилась новая форма оперативного построения сил временных группировок, создаваемых для непосредственной обороны военно-морских баз и приморских плацдармов, — так называемый оборонительный район. Опыт показал, что там, где управление силами было организовано соответствующим образом и обеспечивалось единство командования (Ханко, Одесса, Севастополь, Туапсе), удавалось сохранять устойчивость обороны в течение многих недель и даже месяцев. Примеры другого рода (Либава, Таллин, Моонзунд) дали отрицательный результат.

В развитие организации и системы управления силами, привлекаемыми к обороне военно-морских баз, решающий вклад внесло руководство Наркомата ВМФ и Главного морского штаба.

Вместе с тем становление системы руководства флотами в реальных условиях обстановки проходило не без проблем. Из-за двойного подчинения флотов периодически возникали конфликты. К примеру, осенью 1941 г. весьма остро встал вопрос о доставке морем топлива из Батуми. ГКО жестко контролировал график движения танкеров, предъявляя ГМШ претензии по каждому случаю отступления от него. В то же время от командующего ЧФ столь же настойчиво требовали применять силы флота главным образом для обеспечения и поддержки войск, решавших задачи по обороне Одессы. В конце концов, не видя целесообразного выхода из создавшегося положения, командующий резко заявил руководству ГМШ, что он уже не знает, какие приказы ему надлежит выполнять в первую очередь. Генштаб и ГМШ не нашли ничего лучшего, как дать командующему ЧФ полезный совет — «решать две задачи как одну».

Когда развернулась борьба за Таллин, ГМШ принял все возможные меры, чтобы помочь флоту, поскольку стратегическая ценность группировки на Балтике была наиболее высокой. Только силы КБФ могли в первый период войны наносить удары по территории врага и жизненно важным для него морским коммуникациям. Не случайно, что замысел и план первого воздушного удара советской авиации по Берлину были разработаны Главным морским штабом и командованием ВВС ВМФ. Н.Г. Кузнецов лично доложил их Верховному Главнокомандующему И.В. Сталину, который, разрешив летчикам ВМФ бомбить столицу рейха, приказал докладывать о результатах каждого налета. Однако роль руководства и ГМШ ВМФ в обороне Таллина оказалась приниженой и организовать ее должным образом не удалось.

Вообще, оценивая эффективность системы оперативного руководства силами Военно-Морского Флота в начальный период войны, приходится признать, что в ней обнаружилось немало изъянов. Это было обусловлено крайне неблагоприятным развитием обстановки, однако место Главного морского штаба ВМФ в обеспечении стратегического руководства войной и его взаимоотношения с Генеральным штабом могли быть прописаны более четко.

На практике командование ВМФ была предложена роль пассивного наблюдателя за развитием обстановки на флотах, хотя с началом военных действий ГМШ регулярно получал оперативные сводки с флотов и флотилий. Н.Г. Кузнецов считал своим долгом контролировать, насколько правильно командование объединений, оперативно подчиненных приморским группировкам Красной Армии, понимает задачи, поставленные перед ними соответствующими военными советами, и следить за тем, как эти задачи решаются. Оперативных приказов, директив от имени наркома ВМФ и начальника ГМШ почти не издавалось. Действуя по указаниям наркома, руководство ГМШ пыталось заблаговременно получить в Генштабе информацию о планах применения сил флота в совместных операциях, чтобы ориентировать исполнителей до издания директивы Ставки. Однако это рвение не всегда встречалось с пониманием, более того — под предлогом достижения секретности подготовки операций с привлечением сил флота работники Генштаба намеренно ограничивали доступ представителей ВМФ к соответствующей информации.

Иногда возникали казусы, подобные тому, что имел место в 1941 г. на Моонзундских островах, когда войска, оборонявшиеся на о. Эзель, распоряжением Генштаба были подчинены одному фронту, а на о. Даго — другому. Неудачный исход оборонительных действий в конечном счете зависел от развития стратегической обстановки на всем советско-германском фронте, однако опыт войны позволяет утверждать, что в этом случае правильнее было

бы еще в мирное время возложить ответственность за оборону архипелага на Военный совет Краснознаменного Балтийского флота. Возможности для непосредственного влияния наркома ВМФ на принятие решений в сфере оперативного руководства силами существенно сузились после того, как 10 июля 1941 г. была расформирована Ставка Главного Командования, а в состав Ставки Верховного Главнокомандования он не был включен.

Тем не менее, если судить по конечному результату, то, несмотря на организационные недоработки, а подчас и острые разногласия, взаимодействие между ГМШ и Генштабом в годы войны в основном развивалось конструктивно.

По мере накопления управления силами на всех уровнях руководства постепенно вырабатывалось необходимое взаимопонимание и налаживалось эффективное взаимодействие между командованием приморских фронтов и командующими флотами.

Проблемы адаптации органов центрального управления флотом к обстановке военного времени объективно были неизбежны. К концу 1941 г. организационные и кадровые вопросы, возникшие в начале войны, были в основном решены и органы управления вошли в повседневный режим работы в новых условиях.

В рабочем порядке были уточнены основные направления повседневной деятельности и задачи ГМШ ВМФ.

Ограниченно привлекаясь к реализации функций оперативного управления силами флота, ГМШ в полной мере обеспечивал руководство строительством Военно-Морского Флота в годы войны.

Эта деятельность выражалась в совершенствовании организационно-штатной структуры ВМФ, создании группировок сил на морских и озерно-речных театрах, формировании новых соединений родов сил флота в составе действующих флотов и флотилий: эскадр, морских оборонительных районов, военно-морских баз, отрядов, морских стрелковых бригад и бригад морской пехоты, частей и учреждений центрального и флотского подчинения, военно-морских учебных заведений.

Масштабы этой работы вполне характеризуют следующие данные. За годы войны ГМШ ВМФ были проведены мероприятия по созданию 12 новых оперативных объединений — военных флотилий, а 25 отдельных морских стрелковых бригад были сформированы из личного состава флотов в ноябре—декабре 1941 г.

Несмотря на потери, понесенные кораблестроительным комплексом, и утрату кораблей, оставшихся на стапелях в оккупированных врагом судостроительных центрах юга, продолжалась разработка планов развития Военно-Морского Флота на ближайшую перспективу и даже в послевоенное время.

В начале войны в соответствии с постановлениями ГКО были прекращены работы на 50% строившихся кораблей. Однако в решении от 4 декабря 1941 г., проект которого был подготовлен при участии ГМШ ВМФ, ГКО указал всем наркоматам на недопустимость свертывания военного судостроения. Аналогичные решения ГКО принимались и позже. В течение второй половины 1941 г. флот принял от промышленности 11 эсминцев, 16 подводных лодок, 79 малых кораблей и катеров различных классов. В эти же месяцы было заложено два эсминца, один тральщик и восемь больших охотников. Всего за годы войны флоту было сдано 129 надводных кораблей и подводных лодок, 920 боевых катеров и 1375 различных плавсредств.

Примечательным является то, что уже в октябре 1944 г. нарком ВМФ Н.Г. Кузнецов представил ГКО предложения по разработке послевоенной программы кораблестроения.

Наряду с подготовкой планов развития ВМФ в ГМШ шла напряженная повседневная работа по обоснованию состава и организационно-штатной структуры группировок сил флота, разработке, согласованию и уточнению оперативно-тактических и тактико-технических заданий, решению других вопросов, возникавших в ходе строительства Военно-Морского Флота в годы войны.

Одной из самых сложных проблем несомненно было восполнение потерь, понесенных действующими флотами в ходе боевых действий на море, включая потери корабельного состава, боевой техники, невосполнимые утраты в системе базирования и оборудовании морских театров.

Следует особо отметить, что в течение всей войны в центре внимания наркома ВМФ и руководства ГМШ ВМФ постоянно находились оперативно-боевая подготовка и подготовка штабов.

Результаты оперативно-боевой подготовки обобщались и внимательно изучались, соотносились с выводами из реального боевого опыта, интенсивно велось изучение и обобщение опыта войны на море.

Это стало одной из главных черт стиля деятельности Н.Г. Кузнецова в годы войны. Оперативно-боевую подготовку он требовал проводить в любых условиях обстановки, при любом оперативном напряжении сил.

В январе 1943 г. в составе ГМШ был создан отдел по изучению и обобщению опыта войны, который первоначально возглавил капитан 3 ранга Д.А. Вершинин. В состав его вошли четыре отделения (по флоту, по военно-воздушным силам, береговой обороне и сухопутным войскам, редакционно-издательское) и секретная часть. Отделом разрабатывались проекты директив, циркуляров, специальных наставлений и руководств, бюллетени с обобщением опыта боевых действий, а также проекты ежегодных приказов наркома ВМФ по итогам оперативно-боевой подготовки и задачам на следующий учебный год¹⁸.

В течение 1943 — 1945 гг. было издано около 100 различных документов по вопросам оперативного искусства, общей тактики ВМФ, тактики родов сил флота и использования морского оружия.

С 1943 г. под руководством ГМШ ВМФ стали выходить оперативные бюллетени штабов флотов, которые также использовались для подготовки офицеров на опыте боевых действий.

Многие проблемы военно-морского искусства пришлось решать заново. Выше уже упоминалось о появлении в ходе обороны военно-морских баз новой формы оперативного построения сил — оборонительного района.

Коренным образом были пересмотрены основы подготовки и ведения десантных операций. В частности, был издан приказ, вводивший в действие инструкцию по подготовке и ведению десантных действий, отменяющий соответствующие положения НМО-40 и БУМС-37. В ней на основе опыта войны были четко определены этапы операции. Были даны конкретные рекомендации по организации управления и взаимодействия привлекаемых сил, обязанности и взаимоотношение должностных лиц, подробные указания по связи, инженерному и материально-техническому обеспечению, разведке, оперативной маскировке и другим мероприятиям по обеспечению необходимых условий для успешного ведения этих действий.

Опыт десантных действий освещался также в сборниках материалов по опыту боевой деятельности ВМФ. Уже в первом номере был опубликован аналитический обзор высадки десантов Северным флотом в 1942 г. Большую работу по распространению боевого опыта проводил в это время и журнал “Морской сборник”.

Деятельность Главного морского штаба по обобщению анализа и реализации выводов из опыта десантных действий несомненно способствовала тому, что все оперативные и более 80% тактических десантов, высаженных советским ВМФ в годы войны, увенчались успехом.

Наряду с этим пришлось внести существенные коррективы в изданные до начала войны руководящие документы по организации содействия приморскому флангу сухопутных войск.

Столь же остро встал вопрос об уточнении довоенных взглядов на основы применения родов сил флота в борьбе на коммуникациях. В ходе боевых действий, в частности, выяснилось, что слишком мало внимания уделялось отработке взаимодействия подводных лодок с другими родами сил. Соединения подводных лодок готовились преимущественно к борьбе с корабельными группировками вероятного противника и лишь отчасти к действиям по нарушению его морских коммуникаций. В первые месяцы войны подводные лодки нередко привлекались к выполнению не свойственных им задач: к охранению крупных боевых кораблей, несению дозорной службы у военно-морских баз и т.д.

Развитие методов применения подводных лодок шло от позиционного к маневренному. Уже опыт первых месяцев борьбы на коммуникациях нашел отражение в изданных ГМШ ВМФ руководящих документах. В конце 1942 г. приказом народного комиссара ВМФ было введено новое «Наставление по боевой деятельности подводных лодок». В 1942 г. по плану, разработанному ГМШ, был издан учебник, в котором излагались правила стрельбы торпедами залпом с временным интервалом. В 1943 г. отдел по изучению и обобщению опыта войны издал работу капитана 1 ранга А. В. Томашевича «Опыт дневных торпедных атак подводных лодок», выполненную по заданию Главного морского штаба и содержащую анализ успешности атак с применением стрельбы залпом с временными интервалами.

Огромное влияние на применение морской авиации в ходе войны имело ее непрерывное качественное совершенствование, появление самолетов с более высокими летными характеристиками и тактическими свойствами. Формы и способы применения морской авиации развивались от атак одиночными самолетами или мелкими, в основном однородными по составу, группами к сосредоточенным ударам соединениями или крупными разнородными тактическими группами, эшелонированными в глубину и с различных направлений. Появились новые тактические приемы использования авиационного оружия: бомбометание с пикирования и топ-мачтовым способом, совершенствовались приемы высотного и низкого торпедометания, постановки донных неконтактных мин. Все это нашло отражение в боевых руководящих документах и изданиях по распространению опыта войны, изданных Главным морским штабом ВМФ.

Одним из важных направлений развития теории военно-морского искусства в годы войны стало развитие тактики противоминных действий. Массирование и на первых порах неожиданное применение противником неконтактных мин потребовало коренного пересмотра организации противоминной обороны (ПМО) военно-морских баз и корабельных соединений в море. Серьезным вкладом в разработку этой проблемы была опубликованная в 1943 г. работа капитана 1 ранга И. А. Киреева «Развитие и использование средств противоминной обороны в Отечественной войне в период с 22 июня 1941 года по 30 сентября 1942 года», автор которой обобщил опыт организации ПМО на всех действующих флотах, дал характеристику минного оружия противника, практические рекомендации по организации минной разведки и использованию противоминных средств.

Решающий вклад в практическое решение ключевых проблем военно-морского искусства и творческое освоение опыта боевых действий внесла в годы войны Военно-морская академия. Ее командование поддерживало постоянную связь с действующими флотами, обеспечивая выполнение плановых научно-исследовательских работ.

За годы войны только профессорско-преподавательским составом командного факультета было разработано 130 научных трудов. Основная часть этих исследований была проведена по указаниям наркома ВМФ и руководства ГМШ.

Одной из форм совместной работы личного состава ведущих подразделений ГМШ и теоретиков ВМФ были научные конференции академии, рекомендации которых направлялись в Главный морской штаб и в управления Наркомата ВМФ. Наиболее актуальные материалы публиковались в «Трудах академии»¹⁹.

Среди задач, которые решал ГМШ ВМФ в 1941—1941 гг., была реализация межправительственных соглашений о военно-техническом сотрудничестве с союзниками по антигитлеровской коалиции. Через Наркомат внешней торговли СССР Главным морским штабом ВМФ направлялись заявки на приобретение в США и Великобритании боевых кораблей, вспомогательных судов и систем морских вооружений. В частности, накануне войны с Японией был составлен большой план закупок, который в США получил известность как «специальная программа Алафузова». В соответствии с ним были заказаны 28 фрегатов, 78 больших охотников, 99 тральщиков, 177 торпедных катеров, 60 сторожевых катеров, 53 десантных судна, 6 плавмастерских, 8 танкеров и несколько морских буксиров. Перед этим в состав ВМФ СССР в счет репараций с Италии союзники передали линейный корабль, крейсер, 8 эсминцев и 4 подводные лодки, 10 тральщиков, торпедные и сторожевые катера.

Из общего числа кораблей и судов, полученных по репарациям и в связи с подготовкой ТОФ к войне с Японией, только крейсер и тральщики перешли в советские базы с иностранными экипажами. Торпедные и сторожевые катера перевозились транспортными судами, а все остальные боевые корабли и суда были получены в английских, американских и канадских базах, освоены и переведены в СССР моряками советского Военно-Морского Флота. Вопросы комплектования, подготовки и отправки за границу личного состава этих команд решались Главным морским штабом.

Взаимодействие с союзниками обеспечивалось Главным морским штабом и при доставке воинских грузов в Советский Союз. За годы войны только на Севере по внешним морским коммуникациям в составе 77 союзных конвоев осуществили переход более 1500 транспортов.

Не менее масштабными были воинские перевозки по внутренним морским коммуникациям. В частности, на Черном море флот обеспечил переход морем свыше 6600 судов, на которых было перевезено около 2 млн чел. и более 9000 единиц боевой техники. Всего за войну ВМФ обеспечил перевозку морем и по внутренним водным путям перевозку свыше 100 млн т воинских и народнохозяйственных грузов. В связи с большим объемом воинских перевозок отдел военных сообщений 19 января был преобразован в Управление.

Опыт работы Главного морского штаба по оперативному управлению силами флотов в первые месяцы войны привел к выводу о необходимости усиления его функций в отношении разведывательного обеспечения боевой

деятельности ВМФ. 20 марта 1942 г. в состав ГМШ ВМФ было включено Разведывательное управление (капитан 1 ранга М.А. Воронцов), состоявшее из 18 отделов, редакционно-издательского отделения, бюро переводчиков, фотолаборатории, чертежного бюро, библиотеки и секретной части. 15 октября 1942 г. в связи с ликвидацией института военных комиссаров была введена должность заместителя начальника ГМШ ВМФ по политической части.

Наиболее сложно проходила адаптация к работе в условиях военного времени Управления боевой подготовки (УБП) ВМФ. С началом войны почти весь его личный состав был откомандирован на действующие флоты для руководства боевой подготовкой на местах. Однако в 1942 г. это решение было признано ошибочным, так как очень скоро сказалось фактическое отсутствие единого координирующего центра, организующего и направляющего боевую подготовку в масштабах всего ВМФ.

10 августа 1942 г. приказом наркома ВМФ было введено в действие новое «Положение об Управлении боевой подготовки ВМФ СССР», в котором УБП было непосредственно подчинено начальнику ГМШ — первому заместителю наркома ВМФ. В состав УБП в это время входили 17 отделов, материально-финансовое и секретное отделения, общая часть и инспекция физической подготовки. Начальником его был назначен видный теоретик, автор БУМС-37 вице-адмирал С.П. Ставицкий.

18 августа 1943 г. в целях усиления руководства специальной подготовкой в составе УБП были введены должности главного штурмана, главного артиллериста, главного минера, главного инженер-механика, главного инспектора маскировки и главного инспектора физической подготовки²⁰.

К 1943 г. произошли изменения и в составе руководства ГМШ. С июля 1942 г. в должность начальника ГМШ фактически вступил начальник Оперативного управления контр-адмирал В.А. Алафузов, поскольку И.С. Исаков, находясь с апреля 1942 г. на Кавказе в качестве заместителя главнокомандующего Северо-Кавказским направлением, 4 октября 1942 г. был тяжело ранен и потерял ногу.

В 1943 г. характер боевой деятельности действующих флотов и флотилий качественно изменился. С переходом Вооруженных Сил Советского Союза в стратегическое наступление она приобрела плановый характер, появилась возможность ставить задачи объединениям на период всей кампании или стратегической операции, предоставив командованию оперативно-стратегического, а в отдельных случаях и оперативного уровня руководства самому ставить задачи подчиненным войскам и силам. В связи с этим появились условия к переводу управления в вопросах применения сил флотов по линии Ставка ВГК — нарком ВМФ — флот.

Однако инерция сложившейся в первый период войны системы оперативного управления еще долго давала о себе знать. Нарком ВМФ по-прежнему не имел прав главнокомандующего и поэтому полноценно руководить деятельностью флотов не мог. Это усугублялось тем, что он все еще не входил в состав Ставки Верховного Главнокомандования.

С конца 1942 г. Н.Г. Кузнецов, привлекая ГМШ ВМФ, пытался это положение изменить. Первая оперативная директива наркома ВМФ Военному совету Краснознаменного Балтийского флота была подписана только 13 августа 1943 г. До этого флот решал задачи, которые ставились ему отдельными распоряжениями главнокомандующего войсками Северо-Западного направления или командования фронтов.

В апреле 1943 г. начальник ОУ ГМШ ВМФ контр-адмирал В.Л. Богденко в служебной записке писал: «За время войны ГМШ ВМФ ни разу не был ориентирован Генеральным штабом по вопросам дальнейшего хода боевых действий и возникающим задачам флотов и флотилий. Без этого штаб был в затруднительном положении при постановке задач флотам, расчетах потребного количества кораблей и вооружения, расчетах развития базового и аэродромного строительства». В записке также отмечалось, что все попытки ГМШ ВМФ получить в Генеральном штабе хотя бы ориентировочные данные о замыслах предстоящих операций и применении в них сил Военно-Морского Флота оказывались безуспешными. При этом В.Л. Богденко утверждал, что нередко ответственные работники Генерального штаба даже не представляли себе оперативных возможностей флотов и не знали, как грамотно применять их силы, принимая во внимание только очевидные возможности сил флота по оказанию непосредственной огневой поддержки сухопутным войскам (число стволов корабельной и береговой артиллерии, количество исправных бомбардировщиков, штурмовиков и истребителей).

С докладной записки В.Л. Богденко началась работа по обоснованию реорганизации системы боевого управления ВМФ.

Генеральный штаб на первых порах предложения командования Военно-Морского Флота не поддержал.

В декабре 1943 г. Н.Г. Кузнецов доложил И.В. Сталину о том, что командующие фронтами и армиями ставят задачи оперативно подчиненным им флотам и флотилиям только на совместные операции, а руководство самостоятельными действиями объединений Военно-Морского Флота остается прерогативой народного комиссара ВМФ. В связи с этим он просил, чтобы в будущем оперативные директивы флотам исходили только из Ставки. Нарком предлагал, чтобы разработкой этих директив Генеральный штаб занимался совместно с Главным морским штабом ВМФ. Одновременно для лучшей организации взаимодействия сухопутных, воздушных и военно-морских сил во фронтовых и армейских операциях он предложил в штабах фронтов и армий сформировать морские отделы.

Обращение народного комиссара ВМФ встретило должное понимание. Директивой Ставки Верховного Главнокомандования от 31 марта 1944 г. был установлен новый порядок оперативного руководства силами действующих флотов²¹. Когда нарком ВМФ вновь обрел статус главнокомандующего, существенно повысилась роль Главного морского штаба, ставшего полноценным органом оперативного управления при главкоме. В частности, проекты оперативных директив Верховного Главнокомандующего, которыми ставились задачи флотам на предстоящие кампании, с этого времени стали разрабатываться непосредственно в ГМШ ВМФ.

По-своему это решение объяснил И.В. Сталин. В марте 1944 г. он вызвал командующего КБФ вице-адмирала В. Ф. Трибуца в Ставку. В беседе с адмиралом Верховный Главнокомандующий сказал, что время руководить флотом из Наркомата ВМФ настало потому, что «пора выходить на морские просторы».

2 февраля 1945 г. нарком ВМФ адмирал Н.Г. Кузнецов был введен в состав Ставки ВГК. Становление системы Оперативного управления силами ВМФ в основном завершилось.

Последнюю существенную реорганизацию за годы войны Главный морской штаб ВМФ пережил в 1943 г. 25 августа 1943 г. в его состав было включено Управление боевой подготовки ВМФ. Начальник УБП стал одновременно заместителем начальника Главного морского штаба²².

К 14 сентября 1943 г. в состав Главного морского штаба входили (рис. 16) управления: Оперативное (контр-адмирал В.Л. Богденко), Боевой подготовки (вице-адмирал С.П. Ставицкий), Разведывательное (капитан 1 ранга М.А. Воронцов), Организационно-мобилизационное (капитан 1 ранга П.И. Бабин), военных сообщений (капитан 1 ранга Н.К. Кечеджи); отделы: коммуникаций (капитан 1 ранга И.М. Сендик), международно-правовой (контр-адмирал Н.А. Бологов), по изучению и обобщению опыта войны (капитан 1 ранга Н.Ю. Озаровский), исторический (контр-адмирал М.М. Долинин), военно-морской цензуры (капитан 1 ранга Г.М. Ушаков), общий (полковник П.В. Комаров). Численность Главного морского штаба составляла 751 человек.

Вместе с тем до конца войны на работе ГМШ ВМФ продолжало отрицательно сказываться отсутствие полноправного начальника. Формально возглавляя штаб, И.С. Исаков числился состоящим на излечении после ранения.

16 марта 1943 г. В.А. Алафузов возглавил штаб Тихоокеанского флота. Руководить Главным морским штабом было поручено вице-адмиралу Г. А. Степанову. Однако 22 июля 1944 г. исполняющим обязанности начальника ГМШ вновь стал вице-адмирал В.А. Алафузов, а Г.А. Степанов был назначен начальником Управления военно-морских учебных заведений.

Небольшие организационные изменения прошли в ГМШ ВМФ и в 1944 г. 29 февраля в его составе был сформирован отдел послевоенного траления (капитан 1 ранга И.А. Киреев). Отделу надлежало организовать траление на всех морских, озерных и речных театрах СССР, а также обеспечить безопасность плавания своих кораблей и судов в иностранных водах. В состав отдела вошли отделения — организационно-плановое, северного, южного и западного направлений²³.

3 августа 1944 г. из состава ГМШ был выведен исторический отдел, а 2 сентября — отдел по изучению и обобщению опыта войны²⁴.

В период с 1944 по 1945 г. функции ГМШ были вновь уточнены. Приказом наркома ВМФ от 19 апреля 1945 г. было введено в действие новое «Положение о Главном морском штабе Военно-Морского Флота». В соответствии с ним он стал «органом наркома ВМФ — главнокомандующего ВМС по управлению флотами и флотилиями, их организации и подготовке».

На ГМШ возлагались подготовка материалов для принятия главнокомандующим решений по применению сил флотов и флотилий, совершенствованию их оргштатной структуры, а также подготовка проектов оперативных директив, разработка и согласование с Генеральным штабом планов операций и других совместных действий сухопутных и военно-морских сил, разработка боевых руководящих документов, планов развития ВМФ, планирование и реализация организационных и мобилизационных мероприятий на флотах и флотилиях, разработка оперативно-тактических заданий на строительство и модернизацию кораблей, самолетов, объектов береговой обороны, боевых и технических средств, руководство боевой, оперативной подготовкой и подготовкой штабов флотов и флотилий, контроль за командирской подготовкой офицерского состава, изучение и обобщение опыта войны на море, руководство разведывательной работой, разработка мероприятий по обороне внешних коммуникаций, планирование тральных действий, осуществление цензуры флотской печати.

13 апреля 1945 г. адмирал В.А. Алафузов был назначен начальником Военно-морской академии. Обязанности начальника Главного морского штаба 27 апреля 1945 г. принял вице-адмирал С.Г. Кучеров.

К этому времени в центре внимания руководства ГМШ и его ведущих подразделений стали все чаще находиться вопросы тихоокеанского направления.

С 22 июня 1941 г. ТОФ был основным источником резервов для пополнения действующих объединений. Около 150 тыс. дальневосточных моряков —

Рис. 16. Структура Главного морского штаба с августа 1943 г.

88% штатной численности флота — приняли участие в войне в Германии, 16 подводных лодок, лидер и два эсминца были переведены в состав СФ и ЧФ. Почти половина грузов из США по ленд-лизу шла через дальневосточные порты, а по воздуху на аэродромы Камчатки и Чукотки было переброшено около 8 тыс. самолетов. За этими скупыми цифрами скрывается огромный труд организаторов этой работы, и прежде всего офицеров Главного морского штаба.

Особенно большая нагрузка выпала на долю 5-го (Тихоокеанского) отдела Оперативного управления ГМШ, в котором служили будущие адмиралы флота В.А. Касатонов и Н.Д. Сергеев. Разработка оперативных планов, организация взаимодействия флота и армии в случае нападения Японии на СССР, подготовка мероприятий по укреплению обороны тихоокеанских баз и портов, обобщение опыта войны с Германией и учет его в боевой и повседневной деятельности ТОФ — эти и другие вопросы находились под постоянным контролем операторов ГМШ.

В феврале 1945 г. В.А. Касатонов привлекался к работе по обеспечению проведения Крымской конференции глав правительств СССР, Великобритании и США в качестве военно-морского эксперта. Вскоре после этого, выполняя одно из главных своих обязательств перед союзниками, Советский Союз начал подготовку к войне с Японией. В течение июня—июля 1945 г. в ГМШ ВМФ был разработан план применения ТОФ и Амурской военной флотилии в предстоящей стратегической наступательной операции.

На месте были решены вопросы организации взаимодействия флота и Амурской флотилии с войсками 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов. Действия Амурской флотилии планировались операторами Главного морского штаба до деталей.

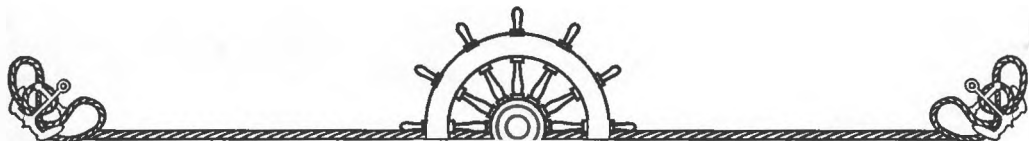
Тихоокеанскому флоту в это время требовались руководители, имевшие опыт войны. Командование ВМФ и ГМШ, работая над замыслом кампании, направляло на Дальний Восток адмиралов, генералов и офицеров, хорошо проявивших себя в боевых действиях на Западе. Вице-адмирал А.С. Фролов был назначен начальником штаба флота, вице-адмирал В.А. Андреев — командующим Северной Тихоокеанской флотилией, генерал-лейтенант С.И. Кабанов возглавил береговую оборону.

Наиболее ответственным моментом считалось эффективное использование накопленного боевого опыта для ведения десантных операций в Корее, на Сахалине и Курильских островах.

Координация действий Тихоокеанского флота и Амурской военной флотилии с действиями сухопутных войск была возложена на адмирала флота Н.Г. Кузнецова лично. При нем постоянно находился представитель Главного морского штаба вице-адмирал Н.М. Харламов.

Блестящие результаты, достигнутые в ходе короткой, но крайне напряженной кампании на Дальнем Востоке, стали ярким свидетельством зрелости руководящих кадров советского ВМФ и их штабов.

До конца 1945 г. существенных изменений в структуре ГМШ не произошло. В октябре был расформирован отдел внешних коммуникаций, а 17 ноября из состава Главного морского штаба вновь выведено Управление боевой подготовки²⁵. Последнее, несомненно, свидетельствовало о том, что структура органов оперативного управления флотом, сложившаяся к окончанию войны, близка к оптимальной, что в 1941—1945 гг. возникла и организационно окрепла стройная управленческая система, гибко изменявшаяся в зависимости от объективно складывавшихся условий. Главный морской штаб творчески решал вопросы оперативно-стратегического руководства Военно-Морским Флотом, а приобретенный в те годы опыт сохраняет свое практическое значение и в современных условиях.

ГЛАВНЫЙ ШТАБ В 1945 — 1965 гг.

К концу войны коллектив Главного штаба состоял из профессионалов высокого класса — офицеров и служащих, накопивших бесценный военный опыт. Его структура и задачи в основном соответствовали требованиям, предъявлявшимся к ведущему органу в системе управления ВМФ.

Личным составом структурных подразделений штаба оперативно и с высоким качеством разрабатывались проекты планов развития ВМФ, планы организационно-штатных и мобилизационных мероприятий, предложения для принятия главнокомандующим решений по вопросам применения группировок сил ВМФ.

С сентября 1945 г. основным направлением деятельности ГШ и других центральных органов управления Наркомата ВМФ стало решение комплекса задач по оперативно-стратегическому обоснованию, разработке и согласованию с заинтересованными ведомствами первой послевоенной программы строительства флота, рассчитанной на 10 лет.

Как уже упоминалось ранее, впервые к этой проблеме руководство ВМФ обратилось еще во время войны, в конце 1944 г. Именно тогда в адрес ГКО были представлены предварительные «соображения» относительно перспектив кораблестроения в 1945—1947 гг.

По мнению наркома ВМФ, в эти годы следовало завершить достройку серийных легких крейсеров, подводных лодок и боевых катеров, а также проектирование новых линкоров, тяжелых крейсеров и авианосцев. К этому докладу были приложены данные о перспективном боевом и численном составе флотов, полученные на основании расчетов, проведенных офицерами 1-го отдела Оперативного управления ГШ. В основу этих расчетов были положены общие оперативно-стратегические задачи, которые группировкам сил ВМФ предстояло решать на каждом из морских (океанско-морских) театров.

К примеру, перспективные задачи Северного флота были сформулированы следующим образом: оборона советского побережья в Арктике; защита внутренних (прибрежных) и внешних океанско-морских коммуникаций, связывающих порты Баренцева и Белого морей с Центральной и Западной Европой; нарушение коммуникаций противника в Атлантическом океане и в европейских морях; содействие сухопутным войскам, сражающимся на приморских направлениях (ведением десантных действий, ударами по противнику с морского направления и непосредственной огневой поддержкой)¹.

Вероятный противник не назывался, поскольку и так было очевидно, что после разгрома Германии, Италии и Японии, кроме флотов США, Великобритании и Франции, иных соперников у ВМФ СССР не будет.

Учитывая, какие мощные военно-морские силы могла выделить для борьбы с советским ВМФ коалиция этих стран, только Северный флот для успешного решения свойственных задач в дальней морской (океанской) зоне должен

был иметь в своем составе не менее 6 линейных кораблей, 6 больших и 6 эскортных авианосцев, а также 6 крейсеров, 24 легких крейсера, 156 эскадренных миноносцев, 66 эскадренных тральщиков, 40 больших и 88 средних подводных лодок.

Кроме того, СФ должен был иметь соответствующие силы для обороны побережья Арктики. Основной организационной формой сил, предназначенных для решения этой оперативно-стратегической задачи, в то время считались морские оборонительные районы (МОР), появившиеся в ходе Великой Отечественной войны. Для формирования в операционной зоне СФ трех МОР требовалось еще 762 боевых корабля и катера, 110 батарей береговой артиллерии (калибра от 100 до 406 мм), 82 радиолокационные станции, 291 батарея зенитной артиллерии, 3 бригады морской пехоты (для ведения десантных действий), 23 батальона и 180 рот морской пехоты для организации противодесантной обороны и обороны баз с суши. Для постановки оборонительных минных заграждений требовался запас в 7600 мин.

Аналогичным образом был произведен расчет перспективного боевого и численного состава трех других флотов, а также Каспийской, Амурской и Дунайской военных флотилий.

Правда, учитывая закрытый характер и ограниченные размеры Балтийского и Черноморского морских театров, больших авианосцев в составе БФ и ЧФ иметь не предусматривалось. Отличными по составу и организационной структуре должны были быть и подводные силы этих двух флотов.

Представляя на решение ГКО предложения относительно послевоенного развития ВМФ, Н.Г. Кузнецов, несомненно, принимал во внимание то, что проектно-конструкторские организации и судостроительная промышленность СССР не имели опыта проектирования и строительства авианосцев, а ВМФ — кадров для комплектования их экипажей и в особенности — летного состава для палубной корабельной авиации.

Отсутствие опыта применения авианесущих кораблей отчасти проявилось в том, что оперативно-тактические требования к их проектированию, сформулированные операторами ГШ, оказались довольно расплывчатыми, и это не лучшим образом повлияло на точку зрения И.В. Сталина относительно места авианосцев в перспективном составе ВМФ СССР.

Советский лидер привычно исходил из того, что флот — это сильнейший аргумент в глобальной внешней политике, но в то же время справедливо полагал, что в обозримом будущем не может быть и речи о заокеанской экспансии. «Воевать будем не у берегов Америки», — говаривал вождь, когда руководство ВМФ пыталось доказать ему необходимость усиления средств противовоздушной обороны корабельных соединений и зенитного вооружения кораблей основных классов. При этом он как-то забывал о том, что ВМС США, боевое ядро которых составляли авианосцы, сами собираются воевать в прибрежных морях СССР.

И хотя опыт второй мировой войны убедительно говорил о том, что золотой век бронированных гигантов моря уже в прошлом, что без авианосцев эскадры линкоров и крейсеров погибнут раньше, чем успеют вступить в артиллерийский бой с главными силами противника, руководителям советского ВМФ вопрос об авианесущих кораблях опять пришлось отложить до лучших времен. К тому же с учетом реального состояния судостроительной отрасли, серьезно пострадавшей в годы войны, в течение первых трех послевоенных лет так или иначе все равно пришлось бы ограничиться достройкой тех кораблей, которые ждали своего часа у заводских стенок и на стапелях.

В качестве разумного компромисса ГШ ВМФ предложил параллельно с достройкой этих единиц развернуть проектирование кораблей новых типов, с тем чтобы с 1948 г. приступить к их серийному строительству.

Для разработки заданий на проектирование новых кораблей 6 января 1945 г. была образована комплексная комиссия из наиболее авторитетных адмиралов и офицеров центрального аппарата.

25 августа 1945 г. Н.Г. Кузнецов, находясь на Дальнем Востоке, поручил адмиралу Л.М. Галлеру подписать вместо себя и срочно направить в правительство проект «10-летнего плана военного судостроения». Проект, составленный в развитие «соображений» и оперативных расчетов 1944 г., учитывал, во-первых, реальное состояние экономики, во-вторых, перспективы восстановления и развития промышленности.

Ввод в строй надводных кораблей предполагалось организовать таким образом, чтобы сразу формировать из них полноценные эскадры, которые в соответствии с оперативно-тактическими взглядами тех лет должны были составлять ядро маневренных соединений ВМФ, представлявших собой основную форму оперативного построения разнородных сил флота для действий в море. На каждом морском театре предполагалось иметь до трех эскадр, каждая из которых состояла бы из линкора, нескольких крейсеров и трех—пяти бригад легких надводных кораблей (эскадренных миноносцев, сторожевых кораблей и тральщиков).

Разработчиков программы не смутило то, что на фоне морских сражений периода второй мировой войны теоретические концепции, рожденные во второй половине 30-х гг., выглядели анахронизмом.

Корабельный состав будущего ВМФ намечалось распределить почти равномерно по всем четырем театрам с некоторым перевесом по крупным кораблям в пользу Тихоокеанского флота. Однако соединения больших подводных лодок предполагалось развернуть только на открытых (океанско-морских) театрах, а именно на Севере и Дальнем Востоке.

Тактико-технические характеристики кораблей, намечавшихся к постройке, в основном соответствовали предложениям специальных подкомиссий, созданных для этой цели при Наркомате ВМФ, отчасти учитывали предварительные проработки, исполненные учеными Военно-морской академии, Центрального научно-исследовательского института (ЦНИИ) № 45 и работниками конструкторских бюро.

Однако полных комплектов новой проектной документации в 1945 г. еще не имелось.

Обсуждение 10-летнего плана состоялось 5 сентября 1945 г. на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) с участием И.В. Сталина, представителей ВМФ и Наркомата судостроительной промышленности (НКСП).

Н.Г. Кузнецов вспоминал: «Споры в процессе обсуждения касались авианосцев, на которых я настаивал и которые к постройке не принимались. По крейсерам больших разногласий не было. Что касается подводных лодок, то много говорили об их новых типах, которые нам уже были известны»².

Заявленные представителями флота требования к новой кораблестроительной программе были встречены в штыки «генералами» судостроительной промышленности. Решающий голос, естественно, принадлежал И.В. Сталину.

Руководитель НКСП И.И. Носенко утверждал, что для удовлетворения новых потребностей ВМФ понадобится несколько лет напряженной работы, включая восстановление предприятий, разрушенных войной, ввод в строй новых заводов и создание новых конструкторских бюро. С учетом этого он настаивал на принятии паллиативного решения о крупносерийном строительстве боевых кораблей по улучшенным довоенным проектам. Начало строительства кораблей новых проектов, особенно тяжелых, И.И. Носенко предлагал отложить на 50-е гг.

Руководитель НКСП по-своему был прав, поэтому И.В. Сталин встал на его сторону. Сославшись на реальные возможности производственной базы и

упрекнув Н.Г. Кузнецова в нежелании «прислушаться к промышленности», он потребовал ограничиться «обычными кораблями», число которых определил произвольно — 250 единиц³.

В результате «обмена мнений» (так было записано в протокол заседания Политбюро) для изучения представленного проекта плана строительства ВМФ было решено назначить комиссию под председательством Маршала Советского Союза Л.П. Берии. В ее состав были включены нарком ВМФ Н.Г. Кузнецов, председатель Госплана Н.А. Вознесенский, секретарь ЦК ВКП (б) А.А. Жданов, начальник Генштаба В.Г. Антонов, заместитель начальника Военно-морской академии вице-адмирал С.П. Ставицкий, заместитель наркома ВМФ адмирал флота И.С. Исаков, нарком судостроительной промышленности И.И. Носенко и нарком вооружения Д.Ф. Устинов.

26 ноября 1945 г. И.И. Носенко представил свои предложения по выполнению 10-летнего плана⁴.

В соответствии с ними намечалось возобновить серийное строительство кораблей в 1946 г., но лишь по освоенным проектам. Фактически предлагалось в сокращенном варианте вновь запустить остановленную войной программу 3-й пятилетки.

Представители флота по разным причинам не смогли отстоять свое мнение. Предложения И.И. Носенко были одобрены комиссией 27 ноября 1945 г. В тот же день И.В. Сталин подписал соответствующее постановление.

Утвержденным им 10-летним планом развития ВМФ предусматривалась постройка 5850 боевых кораблей и вспомогательных судов, в том числе 589 кораблей основных классов.

План, навязанный стране руководством НКСП, лишь внешне выглядел более реальным, чем проект, представленный ГШ ВМФ. Глубоко проработанного оперативно-стратегического обоснования он в основе своей, естественно, не имел.

С изъятием из программы авианосцев максимальное удаление районов боевого предназначения эскадр надводных кораблей должно было ограничиваться тактическим радиусом истребителей берегового базирования.

Действия подводных лодок в дальней морской (океанской) зоне надводными кораблями не обеспечивались. Планируемым составом надводных сил не могло быть вполне обеспечено даже их развертывание из баз. При этом не приходилось сомневаться, что в океане подводным лодкам советского ВМФ, по своим тактико-техническим характеристикам заметно уступавшим германским, построенным по последним проектам, придется иметь дело с прекрасно организованной, мощной, глубоко эшелонированной системой противолодочной обороны, доказавшей к концу второй мировой войны свою эффективность в борьбе с многочисленными германскими подводными силами.

Борьба вокруг проекта 10-летней программы высветила не только крайний субъективизм сталинского стиля руководства, она обозначила и главные проблемы теории военно-морского искусства, возникшие в первые послевоенные годы.

Оппозиция авианосцам существовала не только за стенами Наркомата ВМФ, но и в самом военно-морском ведомстве.

Как уже отмечалось выше, стойким противником авианосцев был адмирал флота И.С. Исаков, не изменявший своей позиции по этому вопросу до конца жизни.

Неявным образом против выхода ВМФ в океан выступал ведущий теоретик ВМФ в области тактики флота вице-адмирал С.П. Ставицкий. Разработанный под его руководством новый Боевой устав принципиально от БУМС-37 не отличался.

Попытка творческого освоения опыта зарубежных флотов, предпринятая группой теоретиков во главе с И.Д. Елисеевым, породила карикатурное подобие «дискуссии о малой войне на море», в ходе которой на адмирала обрушились с огульными обвинениями в приверженности «реакционной теории владения морем» подрастающие ученые поздней сталинской школы, оказавшиеся в отличие от своих предшественников, «молодых» теоретиков конца 20-х гг., самыми заурядными конформистами. Характерно, что наиболее известные ученые ВМФ эту дискуссию проигнорировали.

Тем не менее повседневная работа по освоению опыта войны велась плодотворно. Значительным вкладом в развитие взглядов на строительство и применение ВМФ стали Боевой устав ВМФ Союза ССР 1945 г. (БУ-45), Наставление по ведению морских операций 1951 г. (НМО-51), хроники Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945 гг. на морских театрах, сборники материалов и информационные бюллетени по опыту применения сил флота в годы войны, труды Я.Т. Салагина, А.А. Сагояна и др., изданные по планам и под руководством ГШ в 1945—1951 гг.

При всех недостатках, присущих теоретической деятельности руководящих кадров и личного состава ведущих подразделений ГШ в первые послевоенные годы, именно тогда были заложены основы концепции океанского флота, ставшего реальностью два десятилетия спустя.

Ее общие контуры определились в 1946 г., причем особое значение придавалось сбалансированности сил флота, соответствию их боевого и численного состава и организационно-штатной структуры общим стратегическим задачам, стоявшим перед Вооруженными Силами и ВМФ в целом, оперативно-стратегическим задачам группировок сил на основных морских театрах.

К сожалению, эта концепция в своем первоначальном виде не учитывала реальных экономических возможностей нашей страны и приоритета задач по восстановлению народного хозяйства, разрушенного в ходе войны, основываясь лишь на учете объективных факторов и тенденций развития военно-политической обстановки в мире.

Ключевые положения концепции были положены в основу работы по переработке Временного наставления по ведению морских операций 1940 г. и других боевых руководящих документов, изданных в довоенное время. Уточнение системы официальных взглядов на строительство и применение ВМФ в современной войне в деятельности ГШ, Военно-морской академии и других центральных учреждений было приоритетным всегда. Роль генератора идей играло Оперативное управление.

Вместе с тем во многом это стало результатом плодотворной работы личного состава отдела по использованию опыта войны, который в эти годы стал ведущим органом ГШ по координации исследований в области теории военно-морского искусства. Под его контролем находилось планирование и ведение научно-исследовательских работ соответствующей тематики во всех учреждениях флота.

В составе ГШ эту работу проводил также исторический отдел, который после войны был значительно укрупнен и усилен в организационном отношении. На него возлагались сбор, систематизация и научная обработка мате-

риалов о Великой Отечественной войне, подготовка и публикация сборников документов по истории флотов СССР с 1917 г. и истории второй мировой войны на море, общее руководство историографической работой на флотах и флотилиях, разработка указаний по ее совершенствованию; руководство ведением исторических журналов; объединение и координация деятельности всех учреждений, специально ведущих работу в области военно-морской истории; составление сводных отчетов о состоянии военно-морской историографической работы, а также докладов о перспективах ее развития.

К сожалению, нормальный ход этой работы периодически прерывался масштабными организационными мероприятиями, которые лишь отчасти выражали объективную потребность в совершенствовании системы управления Вооруженными Силами государства, а в большинстве случаев были продиктованы стремлением И.В. Сталина укрепить свою власть, ослабив, в частности, влияние наиболее авторитетных военачальников, ярко проявивших себя в годы войны.

25 февраля 1946 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР был упразднен Наркомат ВМФ. Военно-Морской Флот, подчиненный министру Вооруженных Сил, стал именоваться Военно-Морскими Силами. Бывший нарком ВМФ адмирал флота Н.Г. Кузнецов стал их главнокомандующим.

Главный морской штаб ВМФ был переименован в Главный штаб (ГШ) ВМС. В его структуре (рис. 17) и основных функциях принципиальных изменений не произошло. В Оперативное управление, которое возглавил заместитель начальника ГШ ВМС, вошло 12 отделов: оперативной подготовки, оперативно-плановый, послевоенного траления, планирования развития флота, разработки оперативно-тактических заданий (ОТЗ), противовоздушной обороны (ПВО), вооружения ВМС и подготовки морских театров военных действий, правовой, северного, западного, южного, восточного направлений, а также узел связи ГШ ВМС.

Второму заместителю начальника ГШ ВМС подчинялись Организационно-мобилизационное управление (ОМУ), Управление устройства службы и укомплектования, а также отдел мобилизационного планирования.

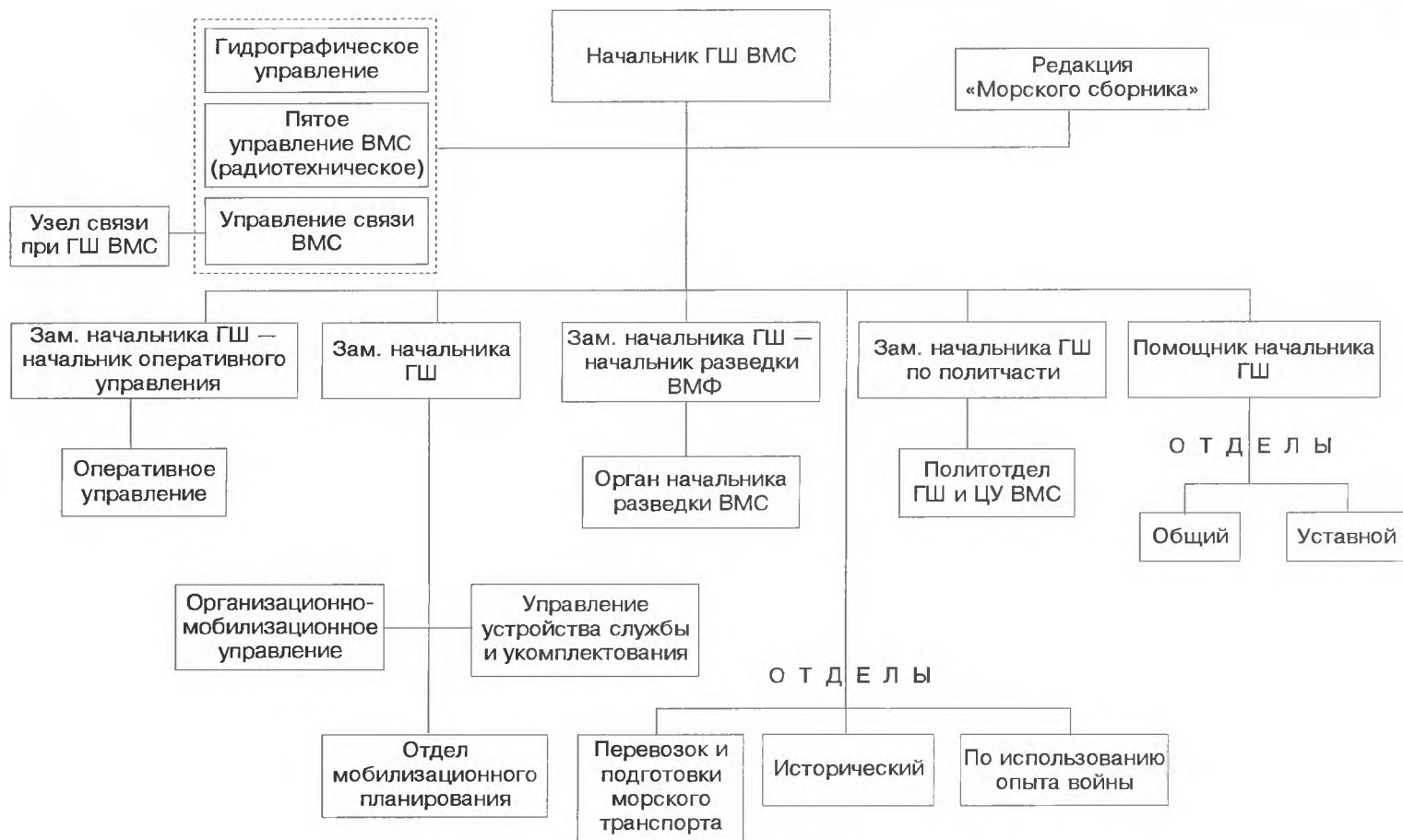
Аппарат начальника разведки — заместителя начальника ГШ ВМС состоял из отделов: морской разведки, радиоразведки и информации. В непосредственном подчинении начальника ГШ ВМС находились отделы: перевозок и подготовки морских ТВД, по использованию опыта войны, исторический.

Помощник начальника ГШ ВМС руководил общим и уставным отделами, а заместитель начальника ГШ по политчасти — политотделом ГШ и центральных управлений (ЦУ) ВМС.

В соответствии со штатом ГШ ВМС в его управлениях и отделах предусматривалось иметь более 400 военнослужащих.

Вновь возникла неопределенность в отношении подчиненности Управления боевой подготовки, которое в очередной раз было выведено из ГШ, просуществовав в его составе всего семь месяцев после оргмероприятий, проведенных в апреле 1945 г.

Реорганизация была особенно болезненной еще и потому, что ГШ лишь недавно вошел в нормальный ритм работы после состоявшегося весной 1945 г. аврального переезда из специально построенного и оборудованного средствами связи здания в Антипьевском переулке (ныне занимаемого управлениями Генерального штаба Вооруженных Сил) в наспех подготовленные помещения бывшего строительного техникума (в Большом Козловском переулке).

Рис. 17. Структура Главного штаба Военно-Морских Сил в 1946 г.

Попытки Н.Г. Кузнецова «задержать процесс» привели к конфликту с министром Вооруженных Сил Н.А. Булганиным с весьма тяжелыми последствиями для самого адмирала и Военно-Морских Сил.

Тем не менее в служебном плане между личным составом управлений ГШ ВМС и соответствующих структурных подразделений Генерального штаба после упразднения Наркомата ВМФ особых проблем не возникало.

Более того, именно в эти годы на уровне двух штабов сложилась оптимальная схема руководства строительством и оперативного управления силами флота, которой так остро недоставало в предвоенные и тем более в военные годы.

Генштаб как ведущий рабочий орган министра Вооруженных Сил по управлению всеми Вооруженными Силами в мирное и военное время направлял деятельность Главного штаба ВМС своими указаниями по разработке оперативного плана и планов мобилизации, вооружения, строительства, материального снабжения и мероприятий по подготовке к войне сил, средств и морских ТВД.

Решения начальника Генштаба, принимавшиеся в отношении Военно-Морских Сил, проводились в жизнь начальником Главного штаба, руководившим деятельностью управлений и отделов ГШ ВМС, которые в рабочем порядке взаимодействовали с соответствующими управлениями Генштаба, в тех случаях когда не требовалось дополнительных решений главкома или начальника ГШ, получали от их руководителей указания и непосредственно.

Основанием для составления оперативных планов флотов были соответствующие оперативные директивы министра Вооруженных Сил, в которых указывались вероятный противник, характер действий на сухопутных фронтах; ставились задачи флотам, определялась организация их взаимодействия с объединениями и соединениями других видов Вооруженных Сил, сроки представления оперативных документов и указания по методике их разработки.

Содержание оперативных директив согласовывалось с Главным штабом ВМС.

После издания оперативные директивы рассылались флотам (флотилиям) управлениями Генштаба. Главкому ВМС, который контролировал разработку оперативных планов флотов, они направлялись в копии.

Оперативные планы докладывались на утверждение начальнику Генштаба.

После утверждения планов начиналась работа по их реализации. В частности, на основании оперативных планов начальник Генштаба давал командованию объединениям и в копии главкому ВМС директиву о разработке мобилизационных планов со схемами мобилизационного развертывания.

По завершении работы по составлению мобилизационных планов соединениями и отдельными частями штабы флотов представляли начальнику Генштаба подробный отчет, а сводный план отмобилизования флота использовался как внутренний штабной документ.

Директиву на разработку мобплана Генштаб мог давать и непосредственно главкому ВМС. В этом случае ГШ ВМС разрабатывал директивы флотам на создание мобпланов соединений и отдельных частей.

Исходя из перспективного плана строительства кораблей, береговой обороны и военно-морских баз, а также потребностей в формировании частей

флота, авиации и противовоздушной обороны, Организационно-мобилизационное управление ГШ ВМС ежегодно составляло ориентировочный план организационных мероприятий Военно-Морских Сил на год, в котором указывался перечень частей и кораблей, их штаты и численность личного состава.

После утверждения плана правительством отдел мобилизационного планирования давал указания флотам о порядке материального обеспечения мобилизационного развертывания флотов на военное время.

Роль Главного штаба состояла в постоянном контроле за подготовкой морских театров и флотов к войне в соответствии с оперативными планами, утвержденными начальником Генштаба.

В ряде случаев разрабатывался Общий план действий флота на год по макету, прилагаемому к оперативной директиве. Он направлялся в Главное оперативное управление Генштаба и в Оперативное управление ГШ ВМС.

Генштаб перед утверждением оперативных планов флотов, как правило, учитывал замечания и предложения, поступавшие из ГШ ВМС.

Задание начальнику разведки ВМС на добывание необходимых данных и уточнение имеющейся информации о вероятном противнике готовилось Оперативным управлением ГШ. Начальник разведки ВМС разрабатывал директиву по морской разведке флотам, на основании которой начальники разведки флотов составляли «планы разведки флота».

Содержание оперативной и боевой подготовки объединений и соединений определялось содержанием их оперативных планов.

Министр Вооруженных Сил ежегодно издавал приказ по боевой подготовке, в котором ставились задачи видам Вооруженных Сил. На основании этого приказа и Организационно-методических указаний начальника Генштаба по боевой подготовке разрабатывались и представлялись в Управление боевой подготовки ВМС годовые планы боевой подготовки флотов.

В первые послевоенные годы Главный штаб, как никогда, много и плодотворно работал над развитием береговой инфраструктуры флота.

На Балтике велось освоение военно-морских баз и пунктов базирования в бывшей Восточной Пруссии, восстанавливались и строились базы в республиках Прибалтики, осваивался арендованный у Финляндии Порккала-Удд. На Дальнем Востоке создавались новые базы на Курильских островах, на Сахалине, в Приморье, осваивался Порт-Артур. Велось перспективные проектные работы по совершенствованию системы базирования Северного и Черноморского флотов.

В эти годы флот не только строился. Наряду с повседневной деятельностью ему приходилось заниматься решением важнейшей государственной задачи — ликвидировать минную опасность — смертельное наследие минувшей войны.

Масштабы этой угрозы характеризуют следующие цифры. На 1 октября 1945 г. в морских, озерных и речных водах европейской части страны находилось более 145 тыс. мин и минных защитников, а в зоне Тихоокеанского флота — около 42 тыс.⁵

Послевоенная минная угроза, особенно на Балтике, стала проблемой для многих стран. В связи с этим для координации действий военных флотов и других структур государств, принимавших участие в борьбе с этой опаснос-

тью, в 1945 г. была создана международная организация по послевоенному тралению в европейских водах, в которую в качестве ведущих ее членов вошли Великобритания, Советский Союз, США и Франция. К участию в боевом тралении в общей сложности было привлечено около 2 тыс. тральщиков и 100 тыс. человек. Постановлением от 18 марта 1945 г. Совет Народных Комиссаров определил очередность районов траления и плановые сроки их полной очистки от мин.

Наиболее сложным и дорогостоящим было траление донных неконтактных мин. Выполнение этой задачи прямо зависело от тактико-технических характеристик и количественного состава противоминных сил и средств, а их постоянно не хватало.

Наиболее тяжелой минная обстановка была на Балтийском море. За годы войны здесь было поставлено более 79 тыс. мин и минных защитников, из которых более 4 тыс. составляли немецкие неконтактные мины.

К началу траления Балтийский флот имел в своем составе около 400 тральщиков, включая 35 морских тральщиков типа «М-40», 60 катеров-тральщиков типа «Р» и 4 прорывателя минных заграждений, полученных СССР при разделе германского флота.

Пришлось практически заново создавать систему боевого траления. Эта работа была проведена в кратчайшие сроки и с необходимым качеством под непосредственным руководством и контролем ведущих структурных подразделений ГШ.

На основе их расчетов флотами и организациями других ведомств СССР принимались необходимые меры по материально-техническому обеспечению боевого траления (тралами, агрегатами, кабелями), велось оборудование станций безобмоточного размагничивания (СБР) и контрольно-измерительных магнитных станций (КИМС), восстанавливалась триангуляционная сеть, проводилось навигационное ограждение безопасных фарватеров в Балтийском, Черном и Белом морях, в районах советского торгового мореплавания и рыболовства за пределами прибрежных вод СССР.

В декабре 1945 г. Н.Г. Кузнецов издал первую директиву, в которой перед флотами и флотилиями была поставлена задача в 1946 г. — обеспечить безопасность плавания боевых кораблей по действующим фарватерам и на полигонах, предназначенных для проведения боевой подготовки надводными кораблями и подводными лодками⁶. В дальнейшем такие директивы издавались ежегодно.

Однако план 1946 г. по боевому тралению был выполнен не полностью. Анализ причин отставания от плана, проведенный ГШ, показал, что объективно этому помешали неблагоприятные погодные условия, которые ограничивали применение катерных тральщиков, и трудности, связанные с уничтожением минных заграждений, усиленных сетевыми заграждениями. Были выявлены и причины организационного свойства. Тральщики, среди которых имелось много мобилизованных из гражданских ведомств морских и речных буксиров, зачастую использовались не по прямому назначению, а для буксировки барж с народнохозяйственными грузами и в качестве вспомогательных судов. Не были приняты меры по обеспечению своевременного ремонта тральщиков, вышедших из строя.

Благодаря системе мер, иногда жестких, принятых для устранения выявленных недостатков, в 1947 — 1948 гг. боевое траление было организовано

значительно лучше. Флоты подготовились к нему заблаговременно, были приняты чрезвычайные усилия по своевременному ремонту тральщиков, укомплектованию их экипажей и т.д.

В начале марта 1947 г. в Москве был проведен сбор командиров соединений траления, флагманских минеров и начальников отделений траления штабов флотов и других специалистов. На нем были вновь подвергнуты анализу причины, которые препятствовали выполнению планов боевого траления в намеченные сроки, указаны пути их устранения, рассмотрены методы рационального применения тральщиков и контроля проводимых ими работ.

Это, несомненно, способствовало повышению эффективности борьбы с минами.

Но анализ уровня минной опасности показывал, что только на Тихом океане к началу 1948 г. она стала практически ничтожной. В Балтийском и Черном морях, а также на Севере оставались невытраленными и неуничтоженными сотни неконтактных донных мин, а также контактных мин, по различным причинам оказавшихся на большом углублении. На этих театрах продолжала оставаться высокой и опасность от плавающих мин.

Навигационные ограничения вызывали большие непроизводительные простои и переходы судов торгового флота. Ориентировочная сумма убытков советских пароходств, обусловленная наличием минной угрозы, только за три послевоенных года составила 150 млн советских руб. и около 2 млн руб. в валюте.

Поэтому в 1949 г. траление проводилось главным образом неконтактными и придонными тралями у портов в центральной части Балтики, в Финском заливе, а также в горле Белого моря, Азовском и Черном морях.

Исследования, проведенные научными учреждениями флота в 1946—1948 гг., показали, что все неконтактные мины выходят из строя через 7—8 лет после их постановки. Исходя из тщательно отработанной ГШ организации обеспечения безопасности мореплавания, командование приняло решение: минные заграждения из неконтактных мин, сроки живучести которых уже вышли, проверять контрольным тралением и при отсутствии подрыва мин тралом открывать районы без траления. Это позволило своевременно решать вопрос о свободном плавании гражданских судов по морям СССР, сэкономив значительные материальные и технические средства.

К 1951 г. было протралено и обследовано более 250 тыс. кв. миль и уничтожено 38 973 мины. Вместе с тем боевое траление в европейских водах продолжалось вплоть до 1963 г.

Как отмечалось ранее, на деятельность сил флота в последние годы жизни И.В. Сталина оказывал мощное влияние субъективный фактор.

В 1945 г. вместо И.С. Исакова начальником ГМШ был назначен С.Г. Кучеров, однако стиль его работы и личные качества раздражали вождя, поэтому в начале 1946 г. во главе штаба вновь был поставлен И.С. Исаков.

Потребовался еще год, чтобы И.В. Сталин смог убедиться: большой человек руководить таким штабом не может. 19 февраля 1947 г., сдав дела и обязанности своему заместителю адмиралу А.Г. Головки, И.С. Исаков продолжил службу заместителем главкома ВМС по изучению и использованию опыта войны.

12—15 января 1948 г. состоялся так называемый «суд чести», а 29 января—3 февраля — судебный процесс по делу Н.Г. Кузнецова, В.А. Алафузова, Л.М. Галлера и Г.А. Степанова.

10 февраля 1948 г. Н.Г. Кузнецов был отстранен от должности, снижен в воинском звании до контр-адмирала и назначен командующим ТОФ. Главным командующим ВМС стал И.С. Юмашев, который с 1939 г. командовал Тихоокеанским флотом.

В начале 50-х гг. центральные органы управления флотом пережили острое потрясение.

26 февраля 1950 г. постановлением Президиума Верховного Совета СССР Военно-Морские Силы были выведены из состава Министерства Вооруженных Сил. Возглавил вновь образованное общесоюзное Военно-морское министерство И.С. Юмашев.

На базе Главного штаба ВМС был сформирован Морской генеральный штаб (МГШ).

Структура МГШ (рис. 18) по сравнению с организацией Главного штаба ВМС имела существенные отличия. Число заместителей начальника штаба выросло до пяти. Ведущие управления — Оперативное, Организационно-мобилизационное и Разведка — стали главными, а их основные отделы были преобразованы в управления. В управление был переформирован отдел военно-морских сообщений. Вновь в состав штаба было включено Управление боевой подготовки.

В результате этих преобразований система управления силами флота стала более сложной, а численность центрального аппарата выросла более чем в два раза, составив 1098 военнослужащих и 318 гражданских служащих. Комплектование этих должностей пришлось проводить в условиях острого дефицита командных кадров среднего звена на флотах и в военно-морских учебных заведениях.

Оценка деятельности нового министерства и Морского генерального штаба была дана на расширенном заседании Главного военно-морского совета, которое состоялось в Кремле 13—16 июля 1951 г. в присутствии И.В. Сталина, членов Политбюро и высшего руководящего состава Военного министерства. От флота в нем по решению И.В. Сталина участвовали адмиралы И.С. Юмашев, А.С. Головкин, П.С. Абанькин, Н.Е. Басистый, Г.И. Левченко, В.И. Платонов, Н.М. Харламов, С.Е. Захаров, вице-адмиралы Н.Г. Кузнецов, И.И. Байков, Н.И. Виноградов и контр-адмирал Н.Д. Сергеев. Поводом для этого необычного заседания стало письмо в ЦК ВКП(б) заместителя министра ВМС — главного инспектора ВМС Г.И. Левченко, в котором он обвинял руководство Военно-Морских Сил и Морского генерального штаба в упущениях по службе.

Скупые строки протокола сохранили содержание этого заявления и вполне характеризуют взаимоотношения между высшими должностными лицами Военно-морского министерства.

«Система работы и взаимоотношения между министром и его заместителями, между руководящим адмиральским, генеральским и офицерским составом, установившиеся в Военно-морском министерстве, страдают крупными недостатками, отрицательно сказываются на работе министерства, на руководстве флотами и не способствуют успешному разрешению важнейших вопросов развития и строительства флота.

Для приема от промышленности каждого типа корабля и включения его в боевой состав ВМС следовало бы испросить у правительства разрешения на

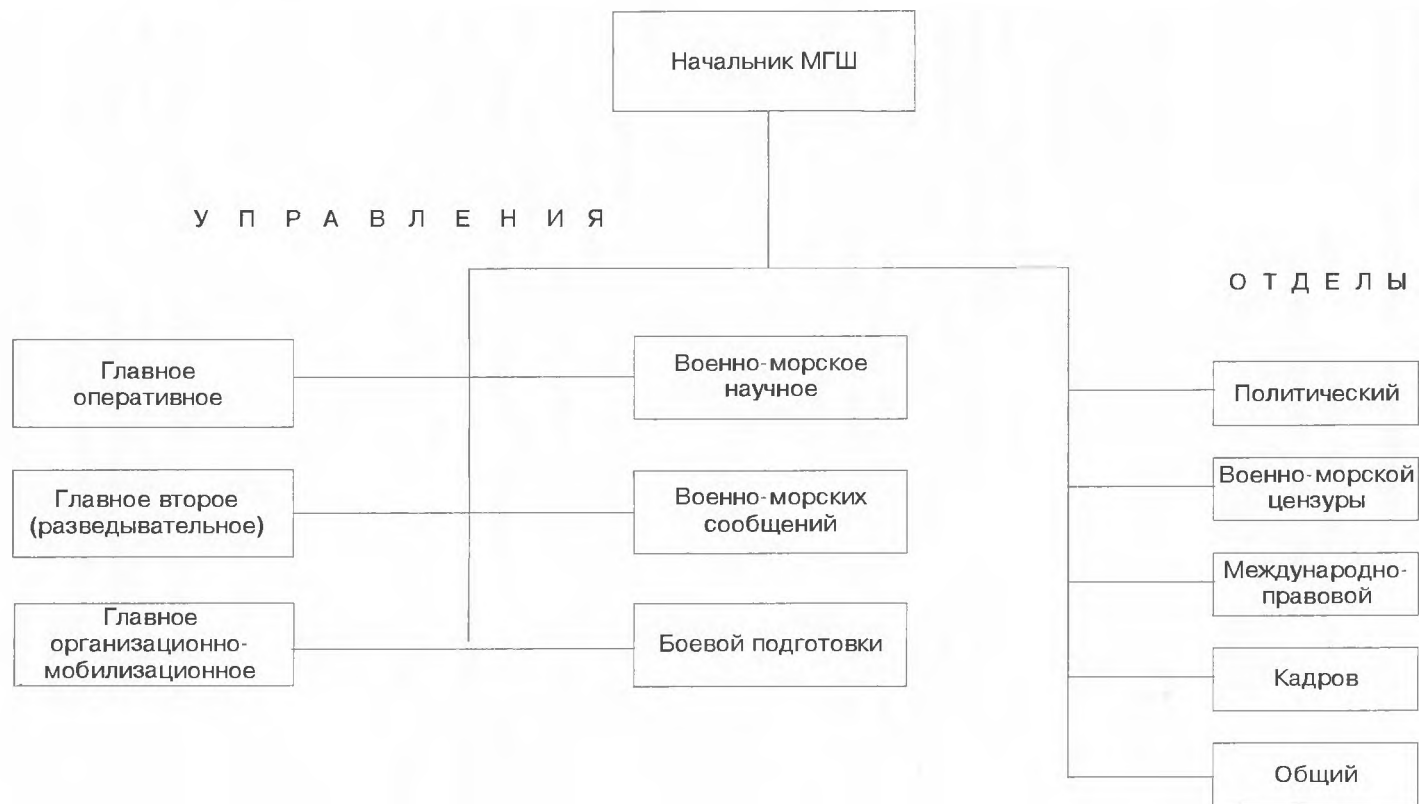

Рис. 18. Структура Морского генерального штаба в 1950 г.

всестороннее и детальное испытание головного корабля каждой серии в море, чтобы избежать многократных переделок и доделок, научить на этих испытаниях проектировщиков Министерства судостроительной промышленности, отработать техническую и эксплуатационную документацию, организацию службы и другие вопросы.

Все это значительно дешевле обошлось бы стране, чем бесконечные доделки и переделки по вновь вступающим в строй кораблям.

Целесообразно по этим вопросам поступать так, как это делается в Вооруженных Силах при испытании головных самолетов, танков и других видов вооружения.

Постоянная приемная комиссия кораблей по положению подчинена военно-морскому министру, фактически же ею руководит заместитель военно-морского министра по кораблестроению и вооружению. Таким образом, постоянная приемная комиссия не может быть достаточно объективной при приемке кораблей.

Подготовка командиров кораблей проходит на флотах неудовлетворительно и отстает от темпов судостроительной промышленности. Достаточно сказать, что из 18 командиров эскадренных миноносцев 22-й дивизии вновь строящихся кораблей за период 1948—1950 гг. остались в этих должностях только три. Это явилось следствием того, что Главное управление боевой подготовки МГШ этот вопрос не контролировало, а Управление кадров легкомысленно относится к перемещению столь ценных кадров, как командиры кораблей.

Военно-морской министр адмирал Юмашев И.С. в практике своей работы поставил себя в зависимость от начальника Моргенштаба адмирала Головки. Сам, без предложений начальника МГШ, никаких вопросов не решает и никаких документов не подписывает. В дело по руководству флотами не вникает, состояние их не знает и ими не интересуется. Я как заместитель министра и главный инспектор Военно-Морских Сил не мог с министром решить ни одного вопроса по результатам инспектирования объектов ВМС.

Учитывая большую загруженность военно-морского министра, я делал ему из актов краткие, на 5—7 страницах, доклады, в которых указывал на основные и принципиальные недостатки, обнаруженные инспекцией. К сожалению, и эти доклады, по которым можно было иметь представление, что делается в подчиненных учреждениях, военно-морской министр не использовал, не читал этих документов и никаких решений по ним не принял.

Начальник Морского генерального штаба также не нашел времени прочитать эти документы и, естественно, не имел возможности дать указания начальникам подчиненных ему управлений об устранении перечисленных недостатков...

Начальник Морского генерального штаба адмирал Головка не видит в такой системе работы министра ничего предосудительного и в практике своей работы добивается такого положения, чтобы подчинить своему влиянию все министерство и флоты, еще больше увеличить свое влияние на министра и стать полновластным хозяином на ВМС.

Пример. Имея у себя пять заместителей и двух помощников, начальник Морского генерального штаба переделывал им основную работу по руковод-

ству МГШ, сам ею не занимается, переключил все свое внимание на решение вопросов, которые по положению находятся в ведении военно-морского министра.

Начальник Морского генерального штаба в практической работе свел на нет работу Научно-технического комитета, утвержденного правительством и находящегося в непосредственном подчинении министра.

Таким образом, объем работы начальника Морского генерального штаба вышел далеко за пределы возможного, конкретно и повседневно руководить штабом, многочисленными органами министерства и тем более флотами у него нет никакой физической возможности. Вследствие чего важнейшие вопросы по кругу ведения МГШ и центральных управлений министерства до конца не продумываются и длительный период времени остаются нерешенными.

Недостатки не вскрываются, офицерский состав на изжитие их не мобилизуется. Среди работников Морского генерального штаба и центральных управлений министерства культивируется угодничество. При подборе кадров на ответственные должности выдвигаются «свои люди», не всегда соответствующие своему назначению.

Большое количество всякого рода недостатков на Военно-Морском Флоте в значительной степени зависит от работы Морского генерального штаба, от работы центральных управлений и от того, какое направление по изжитию причин, порождающих эти недостатки, дает начальник Морского генерального штаба — фактический военно-морской министр.

Пример. Генеральный штаб выводы о состоянии флотов делает по получаемым от них оперсводкам и донесениям, которые не дают возможности сделать суждение по состоянию боеготовности флота и дать правдивую информацию военно-морскому министру. При такой информации полноценной помощи флотам МГШ оказать не в состоянии.

Начальники штабов флотов живого руководства со стороны начальника Морского генерального штаба не имеют, он не стремится к поддержанию живой связи с ними.

Начальник Морского генерального штаба протаскивает решения военно-морского министра, идущие вразрез с положениями общегосударственного значения...

Практика же в работе показывает, что начальник Морского генерального штаба адмирал Головкин, имея столь большое доверие министра, не любит говорить о недостатках, выражает явное неудовольствие тем, кто эти недостатки вскрывает....

...Обстановка такова, что единственный орган контроля — Главная инспекция ВМС ведет свою работу без какого-либо направления со стороны военно-морского министра, вразрез с желаниями и намерениями начальника Морского генерального штаба, вследствие чего эффективность ее работы снижается...»

В своих ответных выступлениях руководители ВМС критику признали объективной лишь отчасти, отметив, что Г.И. Левченко «не терпит возражений и все хочет представить в черном цвете».

Впрочем, критиковали стиль работы руководства МГШ и командующие флотами.

Адмирал Н.М. Харламов заметил: « Я, как командующий флотом, практически не чувствую руководства по боевой и оперативной подготовке со стороны Морского генерального штаба.

Замыслы на мероприятия по оперативной подготовке разрабатываются второстепенными людьми, а начальник Морского генерального штаба, не проверяя, подписывает их.

Очень раздут центральный аппарат Военно-морского министерства, а заместители министра не могут физически освоить то, что этот аппарат им делает.

Начальники отделов из центрального аппарата не пойдут на флот командирами баз».

Адмирал В.И. Платонов предложил резко сократить штаты центральных и береговых органов.

Вице-адмирал Н.Г. Кузнецов обратил внимание на то, что нужно, наконец, установить и утвердить в правительстве систему подготовки кадров флота и, исходя из нее, создать необходимое число училищ и школ. Он также отметил: «Боевая подготовка страдает весьма крупными недостатками, и наши корабли еще очень далеки от совершенства... Корабли мало месяцев в году плавают и очень длительное время стоят в ремонте. Боевая подготовка плохо обеспечена средствами обеспечения... Требуется целый ряд мероприятий как внутри министерства, так и решаемых с помощью правительства, чтобы больше заниматься боевой подготовкой, и только в этом случае мы будем в состоянии принять большой флот и подготовить его к бою. Морскому генеральному штабу нужно основной своей задачей считать руководство боевой подготовкой флотов и непосредственное повседневное руководство штабами флотов, нацеливание их на боевую подготовку. Кроме того, в своем выступлении бывший нарком и главком поднял «вопрос об эскадрах». По этому поводу он, в частности, сказал: «Не возражаю, что эскадры наши созданы с большими штатами и кое-где несвоевременно, но осмелюсь доложить, что беды в этом большой нет, так как все равно какое-то соединение кораблей иметь будет нужно. Да к тому же офицеры, находящиеся в штабе эскадры, плавают больше, чем на любом корабле, и, стало быть, готовятся к продвижению.

...Мне кажется более неправильным, что произошло создание огромного аппарата в центре, копируя где нужно и где не нужно органы военного министерства с огромным количеством главных управлений и с численностью, намного превышающей народный комиссариат. Эти органы центра укомплектовываются опытными людьми с флотов, обескровливая их. Мне кажется, если нет нужды пересматривать штаты, так как дело идет к росту флота и когда-нибудь это будет нужно, то содержать эти штаты в некомплекте, пока не окрепли с кадрами на флотах, следует. Тем более что народ, попавший в Москву, естественно, теряет практический навык и медленнее растет, чем на флотах»⁷.

Исполнявший обязанности секретаря в течение двух дней работы Главного военного совета ВМС адмирал флота Н.Д. Сергеев вспоминал, что, несмотря на некорректное изложение своего мнения адмиралом Г.И. Левченко, на заседании сохранялся положительный настрой в отношении к флоту со стороны руководителей партии и государства. Основным результатом заседания в Кремле стала замена И.С. Юмашева Н.Г. Кузнецовым.

Затем состоялись и другие кадровые перестановки. В августе 1952 г. адмирал А.Г. Головкин вступил в командование 4-м Военно-Морским Флотом (Южный Балтийский флот), а во главе МГШ временно был поставлен опытный штабной руководитель и прекрасный человек вице-адмирал И.Д. Елисеев.

Уже 20 июля 1951 г. Н.Г. Кузнецов заслушал руководство МГШ и Главного оперативного управления о реализации 10-летнего плана кораблестроения. Был сделан вывод о несоответствии его новым требованиям, предъявленным к флоту ходом его послевоенного развития.

1 сентября 1951 г. новый министр направил в правительство доклад с обоснованием срочной корректуры плана кораблестроения. Однако никакой реакции не последовало, так же, как не было дано ответа на предложения ВМФ объединить усилия всех ведомств в целях «применения внутриядерной энергии для движения»⁸. Позднее стало известно, что эту идею с сентября 1952 г. стало воплощать в жизнь Министерство среднего машиностроения (флот подключили к проекту создания первых атомных подводных лодок уже на этапе формирования экипажей в 1954 г., что неизбежно привело к издержкам в организации службы на первых атомных подводных лодках). Обращение к И.В. Сталину о неотложной необходимости включения в планы кораблестроения авианосцев противовоздушной обороны, направленное в его адрес 10 мая 1952 г., ничего, кроме неприятностей, не принесло.

Весной 1953 г. во главе партии и государства встал Н.С. Хрущев, а к руководству Вооруженными Силами пришел Г.К. Жуков. Однако проблемы строительства флота в связи с этим только обострились.

Сразу же после смерти И.В. Сталина состоялось решение об объединении Военного и Военно-морского министерств, а Морской генеральный штаб вновь был преобразован в Главный штаб Военно-Морских Сил.

В мае 1953 г. начальником штаба стал адмирал В.А. Фокин. К этому времени структура ведущего органа управления силами флота вновь претерпела кардинальные изменения. До 1095 человек сократился его аппарат. Главные управления были преобразованы в управления, а статус Главного разведывательного управления был понижен до уровня отдела. Аналогичные решения были приняты и по другим структурным подразделениям ГШ. Однако объем и содержание его работы в основном остались прежними.

Не все преобразования привели к потерям. В этот период удалось существенно укрепить систему военно-морских учебных заведений, более чем вдвое увеличив базу для подготовки офицерских кадров.

Система подготовки личного состава позволила сохранить высокую степень боевой готовности.

Были положены первые камни в фундамент строительства ракетно-ядерного океанского флота.

Но потери, и весьма серьезные, все же были. Реорганизация ГШ особенно сильно ударила по разведке ВМФ. Из полнокровного Второго (Главного) управления, насчитывавшего 320 человек, был сформирован относительно небольшой аппарат начальника Разведки при сохранении прежнего объема решаемых задач, таких, как организация, планирование и руководство морской разведкой, обобщение и изучение разведывательных данных, информа-

ция флотов и флотилий, обобщение и изучение опыта морской разведки и организация обмена этим опытом между флотами.

Вместе с тем Вооруженные Силы уже вступили в период массовых сокращений и с наступлением на штатную численность центрального аппарата приходилось мириться.

В 1955 г. численность армии и флота была сокращена на 640 тыс. человек.

14 мая 1956 г. Правительство СССР приняло постановление о дополнительном сокращении Вооруженных Сил еще на 1 млн 200 тыс. человек.

В Военно-Морском Флоте (так стали называться Военно-Морские Силы с 1955 г.) 375 боевых кораблей подлежали постановке на консервацию, а 240 кораблей и судов — утилизации, в том числе 7 крейсеров. Экипажи этих кораблей расформировывались, сотни опытных и энергичных офицеров увольнялись в запас. На 30% был сокращен аппарат Главного штаба флота, изменилась и его структура (рис. 19). Из 12 высших военно-морских училищ приказано было оставить только 5, и с 1956 г. перейти с 5-летнего на 4-летний срок службы матросов и старшин.

Благодаря работе, проведенной ГШ ВМФ, в правительство был представлен убедительный доклад, позволивший сохранить для флота еще 4 высших военно-морских училища с условием перепрофилирования их для подготовки офицеров перспективных специальностей.

Одновременно в соответствии с предложениями ГШ расширялась сеть школ и учебных центров.

В 50-е гг. впервые в истории отечественного флота начался массовый экспорт боевых кораблей и советской военно-морской техники. Для решения этой задачи в ГШ было сформировано соответствующее структурное подразделение — отдел военно-технического сотрудничества с флотами союзных и дружественных стран.

В связи с быстрым ростом подводных сил на базе Управления боевой подготовки было создано Управление подводного плавания, при этом само Управление было подчинено заместителю главкома ВМФ.

По-прежнему самой большой проблемой для ГШ оставалась подготовка правительственных решений по вопросам строительства флота. Все они тщательно разрабатывались Главным штабом совместно с оборонными отраслями промышленности и планирующими органами.

Поскольку определяющую роль в принятии этих решений играло мнение первых лиц в партии и государстве, многое зависело от убедительного обоснования программ, своевременного и умелого представления предложений по ним директивным органам.

Н.С. Хрущев в отличие от И.В. Сталина вопросы строительства Вооруженных Сил знал в самом общем виде, однако он доверял суждениям, выработанным коллегиально.

В октябре 1955 г. вместе с министром обороны Г.К. Жуковым он провел на ЧФ двухдневное совещание высшего руководящего состава флота, на котором обсуждались текущее состояние и взгляды на перспективы развития флота.

Общее мнение свелось к тому, что флот стране нужен мощный, с перспективой выхода в океан, а главными родами сил должны стать подводные лодки и морская авиация, вооруженные ракетами. Дебаты разгорелись по вопросу о будущем надводных кораблей, прежде всего крупных. Некоторые адми-

Рис. 19. Структура Главного штаба ВМФ с апреля 1956 г.

ралы и офицеры категорически высказывались против продолжения строительства крейсеров, утверждая, что надводные корабли нужны лишь для обеспечения боевой деятельности подводных лодок. Очевидно, что эти высказывания Н.С. Хрущев хорошо запомнил.

С.Г. Горшков вспоминал: «Вскоре после того, как мы [в 1956г.] возвратились из поездки по флотам с Г.К. Жуковым, меня пригласили на заседание Президиума ЦК КПСС. Заседание вел Никита Сергеевич Хрущев. К тому времени у него уже начала проявляться некоторая самоуверенность, преувеличенное мнение, что выражалось в безапелляционных суждениях...

...Юмор у него быстро переходил в твердый тон. Выступая, он говорил подолгу, порой повторяясь, иногда без всякой системы. На этот раз он много рассуждал о научно-техническом прогрессе, о достижениях науки и техники, в результате чего наша страна получила и атомную, и водородную бомбы, и средства их доставки — не только самолеты, но и береговые ракетные установки типа «катюш» военного времени.

Обрисовав перспективы развития видов Вооруженных Сил, он обратился ко мне с вопросом:

— А как будет развиваться флот в эпоху ядерного оружия?

Я кратко ответил, но, наверное, не очень убедительно, потому что Хрущев, прервав меня, сказал:

— Вижу, у вас ясности в этом вопросе нет. Обсудите его сообща — с командующими флотами, флотскими учеными и наиболее видными и опытными адмиралами и доложите свои выводы ЦК партии.

Вернувшись в Главный штаб ВМФ, я собрал своих заместителей, руководителей центральных управлений и проинформировал их о содержании разговора на заседании Президиума ЦК и о ближайшей задаче — представить предложения об основных направлениях строительства и развития Военно-Морского Флота. Посоветовал развернуть обсуждение будущего флота среди командного состава, ученых и опытных военачальников, а потом обобщить их предложения и вынести на представительное совещание...»⁹.

В 1955 г. на флоты был направлен новый Боевой устав Морских Сил (БУМС-55). Несмотря на то что его авторы в максимальной степени пытались учесть перемены во взглядах на применение сил флота на переломном этапе строительства ВМФ, каковым несомненно можно назвать середину 50-х гг., его положения во многом уже выглядели устаревшими. То же самое можно было сказать и о Наставлении по ведению морских операций 1957 г. (НМО-57).

В стране рождалась новая военная доктрина, адекватная началу эры глобального ракетно-ядерного противостояния. В этих условиях ведущим теоретикам ГШ пришлось немало потрудиться над формулировкой общих стратегических задач ВМФ, учитывающих растущую ядерную угрозу с морских направлений и повышение роли сил флота в борьбе с ударными группировками военно-морских сил стран НАТО.

Этому немало способствовала стабилизация руководства ВМФ и его Главного штаба, которая наметилась после того, как главнокомандующим был назначен С. Г. Горшков, имевший выдающиеся способности к серьезной теоретической работе.

В результате научных исследований, горячих дискуссий и деловых обсуждений удалось выработать новую концепцию развития флота на ближайшие

10—15 лет, из которой вытекало, что соревноваться с ведущими морскими державами в строительстве авианосцев и других крупных кораблей СССР пока не в состоянии.

На превосходство НАТО в Мировом океане предлагалось дать эффективный «асимметричный» ответ, сосредоточив усилия на развертывании группировок атомных подводных лодок (ракетных и многоцелевых) и развитии морской ракетноносной авиации. Одновременно для обеспечения развертывания в океане подводных лодок предлагалось продолжить строительство эсминцев, надводных кораблей морской зоны: тральщиков, сторожевых кораблей, торпедных и ракетных катеров.

Концепция развития Военно-Морского Флота была представлена С.Г. Горшковым в ЦК КПСС и лично доложена секретарю ЦК Л.И. Брежневу, ведавшему военными вопросами и оборонной промышленностью. Как позднее вспоминал С.Г. Горшков, «Брежнев принял живое участие в обсуждении перспектив развития флота. В то время, не отягощенный еще годами, энергичный, бодрый, он был лишен стереотипов мышления и умел выделить главное. При анализе наших предложений и выводов он стремился охватить основные вопросы в комплексе.

На одном из деловых совещаний, на которое были приглашены министры, ведающие созданием техники для флота, видные ученые, академики, некоторые конструкторы кораблей и оружия, Брежнев сказал: «Нам нужна четкая и ясная программа создания нового флота, которая бы учитывала экономические возможности нашей страны, тенденции развития флотов крупных империалистических держав, а также опыт войны. Мы вынуждены строить большой флот — к этому нас обязывает обстановка, агрессивные намерения империалистических государств, которые форсируют рост численности своих авианосцев, крейсеров, подводных лодок, десантных кораблей. При этом необходимо учитывать уроки войны»¹⁰.

Развертывание группировки морских стратегических сил США, а затем Карибский кризис 1962 г. дали мощный импульс развитию ВМФ. Моряки отечественного флота вновь вывели свои корабли в Средиземное море, Северный флот приступил к освоению Атлантики, а Тихоокеанский расширил зону своих действий до южных морей. Резко возросли масштабы учений и маневров. Мероприятия оперативной и боевой подготовки направлялись в первую очередь на отработку задач по борьбе с ракетными подводными лодками и авианосными ударными соединениями военно-морских сил стран НАТО.

В 1960—1965 гг. были подготовлены и проведены оперативно-стратегическое учение «Метеор» (СФ и ЧФ), а также командно-штабные учения с участием сил флотов: «Полярный круг» (СФ), «Тайфун» (ТОФ), «Прилив» (БФ с участием флотов ПНР и ГДР), «Печора» (СФ).

В 1964 г. была проведена военно-научная конференция, которой руководил главком ВМФ. В ней участвовало около 300 адмиралов, генералов и старших офицеров. Выводы по результатам оперативной и боевой подготовки оказали огромное влияние на развитие теории ВМФ, организацию работы ГШ, других органов центрального аппарата ВМФ.

Структура их совершенствовалась с учетом новых требований.

Так, в целях координации действий по защите от средств радиоэлектронной борьбы (РЭБ) еще в ноябре 1959 г. в составе Оперативного управления был образован отдел радиопротиводействия и маскировки.

Потребности повседневного централизованного руководства силами, действующими на всем пространстве Мирового океана, обусловили образование 25 ноября 1960 г. Командного пункта (КП) ВМФ. Это повлекло за собой меры технического и организационного порядка: началось создание защищенных от оружия массового поражения пунктов управления.

В том же году началось развертывание системы морской космической разведки. Одновременно создавалась система дальней связи с подводными лодками, объединявшая ряд подсистем. Это был качественный прорыв в решении проблемы создания глобальной системы устойчивого и скрытого управления силами. Принцип территориально-разнесенного приема и сбора информации на КП ВМФ по системе межцентровой связи обеспечивал ее надежность в экстремальных условиях.

Многokратное увеличение потока информации потребовало образования в составе Оперативного управления отдела автоматизированной системы боевого управления (АСУ). 1 января 1961 г. в Оперативном управлении был сформирован отдел автоматизации управления, а 29 марта 1963 г. на КП ВМФ начала работать электронно-вычислительная группа.

Развитие отечественного флота было всегда неразрывно связано с таким учреждением, как Морской научный комитет, который с 26 июля 1960 г. по 11 апреля 1966 г. находился в составе ГШ ВМФ. Независимо от степени интеграции в ту или иную штабную структуру и изменения его наименования этот орган центрального аппарата ВМФ в послевоенный период продолжал активно влиять на формирование концепции строительства и применения ВМФ, осуществлял общее руководство научной работой и подготовкой научных кадров, координировал деятельность научных учреждений флота.

В начале 60-х гг. сложилась практика определения перспектив развития ВМФ на 10—20 лет вперед. Работа эта велась Главным штабом в тесном сотрудничестве с институтами Академии наук, Министерством судостроительной промышленности (МСП), другими ведомствами с учетом прогноза эволюции сил флота, тактики их применения, оперативного искусства, теории оперативно-стратегического применения ВМФ. В ходе научно-исследовательской работы вырабатывались конкретные предложения. В последующем оперативно-тактические задания на разработку военно-морской техники подкреплялись военно-экономическими обоснованиями. Многие зависело от взаимоотношений по линии заказчика (ВМФ) и строителя (МСП) и, разумеется, от руководителей партии и Правительства СССР, а также от экономических возможностей страны.

Работа Главного штаба, как никакого другого органа в сложной системе управления флотом, в значительной степени зависела от стиля работы, деловых и личных качеств его руководителей.

Из плеяды руководителей довоенной и военной поры особенно выделялся Л.М. Галлер. Всегда спокойный и деликатный, он умел расположить к себе любого собеседника. Но мягкое и вежливое отношение к людям, способность всесторонне взвешивать обстановку, прежде чем принять решение, как было отмечено выше, И.В. Сталин считал за нерешительность и мягкотелость. Это мнение, разумеется, не было объективным. В сложной обстановке Л.М. Галлер действовал решительно, с высокой ответственностью, а его благородство в отношениях с подчиненными сочеталось с неколебимой твердостью и высо-

кой требовательностью. Не случайно обстановка в годы его руководства Главным штабом была самой спокойной, располагающей к творчеству. На его фоне другие руководители ГШ выглядели по-разному. Все они были волевыми и грамотными руководителями, но каждый из них имел и свои слабости. К примеру, адмирал С.Г. Кучеров не отличался высокой штабной культурой, не были ему присущи приветливость и доброжелательность по отношению к подчиненным. Его быстрое перемещение с поста начальника Главного штаба на другую должность было встречено без сожаления.

Об Адмирале флота Советского Союза И.С. Исакове, известном военном деятеле, писателе-маринисте и крупном ученом, сказано немало восторженных слов. Однако тем, кто под его началом работал в Главном штабе, его личные и служебные качества далеко не всегда представлялись блестящими. Н.Г. Кузнецов и другие современники Ивана Степановича отмечали его болезненное самолюбие, нетерпимость к критике в свой адрес, пренебрежение мнением подчиненных. Поэтому часто между ним и сослуживцами возникал незримый барьер, мешавший работе.

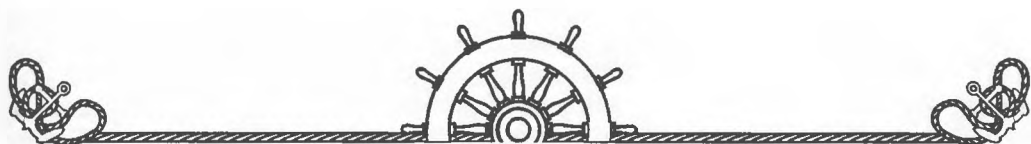
Блестяще проявивший себя во главе Северного флота в военные годы адмирал А. Г. Головкин, по оценке современников, своей деятельностью на посту начальника ГШ яркого впечатления не оставил. Отчасти это объяснялось недостатком штабного опыта и присущим ему стремлением брать на себя все рычаги управления, но, как показала практика, личные качества А.Г. Головкина нередко мешали организаторской работе штаба, объективно подрывая его роль как коллективного органа управления.

Адмирал В.А. Фокин был талантливым моряком с большим опытом штабной работы. Он буквально «горел на работе». Однако черты командира-единоначальника в нем преобладали. Жесткий «командный» стиль руководства не всегда уместен в штабной службе, требующей кропотливой и размеренной деятельности. Ей вредит раздражительность начальника и его грубость в обращении с подчиненными, неумное желание почаще «дергать» руководство управлений и отделов. Назначенный вскоре командовать Тихоокеанским флотом, адмирал В.А. Фокин показал себя с самой лучшей стороны и потому был приглашен С.Г. Горшковым на должность своего первого заместителя.

Совершенно иной стиль руководства был присущ адмиралу Ф.В. Зозуле. Свое кредо он изложил подчиненным, представляясь офицерам штаба в феврале 1958 г., и посоветовал им не рассчитывать на постоянную опеку, имея в виду, что частое появление подчиненного в кабинете начальника отнюдь не показатель его служебной загруженности, рвения и желания ускорить работу, которая должна быть устремлена на слаженный, ритмичный ход сложного штабного механизма. Адмирал, обладавший многолетним опытом работы в ГШ, умело применил его на практике и был отмечен С.Г. Горшковым, который в представлении начальника ГШ ВМФ к званию адмирала флота обратил внимание на его высокие деловые качества. К сожалению, адмирал Ф.В. Зозуля умер на работе в апреле 1964 г., на 58-м году жизни.

После него к руководству Главным штабом пришел вице-адмирал Н.Д. Сергеев. До этого он не имел опыта службы в высоких руководящих должностях. Но именно Н.Д. Сергееву была уготована самая насыщенная событиями и самая продолжительная деятельность во главе ГШ ВМФ.

В 1945 — 1955 г. Главный штаб ВМФ пережил несколько реформирований и переименований. До ликвидации Наркомата ВМФ в 1946 г. он назывался Главным морским штабом ВМФ; при объединении наркоматов обороны и ВМФ в единое Министерство Вооруженных Сил стал именоваться Главным штабом ВМС; в 1950 г. при создании Министерства Военно-Морских Сил реформирован в Морской генеральный штаб, а с 1953 г. вновь стал ГШ ВМС и с тех пор почти полвека не меняет своего названия — Главный штаб Военно-Морского Флота.

УПРАВЛЕНИЕ СИЛАМИ ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА В ПЕРИОД ГЛОБАЛЬНОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ В МИРОВОМ ОКЕАНЕ В 1966 — 1986 гг.

До середины 60-х гг. противостояние между СССР и США в Мировом океане проявлялось эпизодически, причем в большинстве случаев американцам удавалось реализовать свое подавляющее превосходство на море.

Наиболее ярким примером такого рода стали успешные действия группировки сил Атлантического флота ВМС США, которые блокировали Кубу во время Карибского кризиса 1962 г. Тогда, установив непрерывное слежение за группой из четырех советских подводных лодок, направлявшихся в кубинский порт Мариэль, три из них они вынудили к всплытию.

Решающей причиной нового поворота в судьбе отечественного флота стало развертывание Соединенными Штатами группировки морских стратегических ядерных сил (МСЯС), которые к 1967 г. стали основным компонентом стратегической ядерной триады США.

Районы боевого патрулирования американских подводных ракетносцев с баллистическими ракетами на борту располагались за пределами операционных зон советских флотов.

Там же, как правило, маневрировали авианосные ударные соединения (АУС) и группы (АУГ), боевое ядро которых составляли носители тактического ядерного оружия. Учитывая то, что значительная часть территории СССР и его союзников находилась в зоне досягаемости самолетов палубной авиации, борьба с авианосными группировками также была критически важной.

Кроме того, существовала еще одна весомая причина для активизации деятельности советского ВМФ за пределами прибрежных морей — это крайняя зависимость США и их союзников от обстановки на океанско-морских коммуникациях. Даже угроза их нарушения была чревата дезорганизацией военной и гражданской экономики европейских стран, срывом нормального материально-технического обеспечения формирований вооруженных сил США на заокеанских театрах военных действий (ТВД).

К развертыванию сил ВМФ в стратегически важных районах Мирового океана советское руководство побуждала и общая военно-политическая обстановка в мире, в середине 60-х гг. характерная прежде всего тем, что США и некоторые их союзники увязли в локальных войнах и конфликтах на Ближнем Востоке, в Индокитае, Центральной Америке, Центральной и Южной Африке и в районе Персидского залива. СССР стремился использовать это для усиления политического, экономического и военного влияния в тех же реги-

онах. Направление туда контингентов советских войск, даже на договорных началах, было чревато опасными кризисами, аналогичными Карибскому, и требовало к тому же больших материальных и финансовых ресурсов для всестороннего обеспечения их деятельности. Рассчитывать на компенсацию расходов по содержанию войск за границей за счет клиентов Советского Союза, как правило, не приходилось, поскольку дружественные СССР режимы появлялись главным образом в бедных странах. Большинства этих проблем можно было избежать, избрав в качестве паллиатива постоянное военно-морское присутствие в стратегически важных районах Мирового океана.

Концепция глобального присутствия советского ВМФ в Мировом океане вызрела около десяти лет. Сначала были приняты меры для изучения обстановки, оперативного построения, форм и способов действий группировок ВМС США и их союзников на Атлантическом и Тихоокеанском театрах.

С 1956 г. подводные лодки проектов 613 и 611 эпизодически выходили за пределы операционных зон флотов.

В частности, две большие подводные лодки СФ (“Б-77”, “Б-82”) и две средние (“С-58” и “С-105”) совершили дальние походы на полную автономность в Атлантику, а три подводные лодки из состава ТОФ (“Б-63”, “Б-72” и “Б-66”) — в экваториальную зону Тихого океана.

Выдающийся межтеатровый переход осуществили экипажи группы подводных лодок в составе “Б-88” и “Б-90” под командованием капитана 1 ранга Б.А. Вешгорта. Выйдя из базы на Севере, они обошли вокруг Африки и Австралии, а затем прибыли на Камчатку.

С этого времени подводники-тихоокеанцы 6-й и 15-й эскадр стали последовательно осваивать районы боевой подготовки 7-го флота США, а североморцы и балтийцы — следить за деятельностью ВМС США и стран НАТО в Восточной Атлантике.

Походы кораблей, полеты самолетов морской авиации становились год от года все более длительными, систематическими и дальними. Стала правилом фактическая готовность к применению оружия в течение всего периода их действий в оперативно важных районах Мирового океана. Неуклонно совершенствовалась организация управления силами, развернутыми в море.

Накопленный во время дальних походов опыт тщательно изучался на флотах и в Главном штабе, а выводы из анализа учитывались в развитии теории ВМФ, оперативной и боевой подготовке. Постепенно сложился замысел применения сил, отвечавший характеру новой советской военной доктрины и быстро растущему оперативно-стратегическому потенциалу объединений ВМФ. Существо его состояло в следующем.

Чтобы предотвратить или хотя бы ослабить до минимума ракетно-ядерные удары атомных ракетных подводных лодок с баллистическими ракетами (ПЛАРБ) по советским политическим и экономическим центрам, надо обнаружить и уничтожить их до старта ракет.

Одновременно следует решить проблему срыва или ослабления удара по советской территории палубной авиации, по возможности предотвратив ее массовый подъем в воздух. Для этого в районах боевого патрулирования ПЛАРБ, а также в районах маневрирования АУС и АУГ заблаговременно развернуть силы, способные к эффективному решению задач по борьбе с ними.

Развертыванием в соответствующих районах своих ракетных подводных лодок с баллистическими и крылатыми ракетами на борту создать угрозу неотвратимого ответного ракетно-ядерного удара по территории вероятного противника, обеспечив выполнение этой задачи группировкой морских стратегических ядерных сил, а также временными (оперативными) формированиями

сил общего назначения, которые одновременно могли бы вести действия по нарушению важнейших океанско-морских коммуникаций США и стран НАТО.

Не говорилось вслух, но также имелось в виду, что силы ВМФ СССР, развернутые в оперативно важных районах Мирового океана, будут прямо и косвенно влиять на социально-политическую обстановку в прибрежных государствах, а при необходимости окажут поддержку правительствам, выступающим против политики стран Запада, заявляющим о своей социалистической ориентации и желании равняться на Советский Союз.

В ходе реализации этого смелого и масштабного замысла во второй половине 60-х гг. произошли глубокие качественные изменения в характере боевой и повседневной деятельности ВМФ. Сложилась новая форма поддержания сил в высшей степени боевой готовности в мирное время — боевая служба.

История боевой службы началась в 1964 г., когда главнокомандующим ВМФ С.Г. Горшковым и начальником Главного штаба Н.Д. Сергеевым перед адмиралами и офицерами Оперативного управления (ОУ) ГШ ВМФ была поставлена новая ответственная задача — разработать предложения для обоснования плана применения сил ВМФ в мирное время в целях предотвращения внезапного ракетно-ядерного удара. Затем к решению этой задачи были привлечены другие управления и отделы Главного штаба, а также ряд ведущих научных учреждений флота. К середине 60-х гг. разработка основ организации боевой службы стала решающим направлением в напряженной деятельности личного состава Северо-Западного, Южного и Тихоокеанского направлений ОУ ГШ. Координация всей этой работы была возложена на одного из самых опытных специалистов штаба — контр-адмирала А.С. Куделю.

Способность авиации быстро приводиться в состояние боевой готовности и первой наносить удары по целям, находящимся в трех пространственных сферах, была принята во внимание, когда в Главном штабе решался вопрос, представителям какого рода сил флота быть первопроходцами в решении задач боевой службы.

Первыми к несению боевой службы приступили самолеты разведывательной авиации. Затем к решению задач по слежению за АУГ вероятного противника стали привлекаться одиночные корабли. Однако состав сил советского ВМФ, несущих боевую службу, наращивался быстро. Уже в 1965 г. задачи боевой службы выполнили одна дизельная подводная лодка с баллистическими ракетами, пять атомных многоцелевых подводных лодок, 25 надводных кораблей и 86 дизельных торпедных подводных лодок.

Вместе с тем существенный рост суммарного боевого потенциала сил боевой службы был достигнут лишь тогда, когда были сформированы оперативные эскадры и в море вышли корабельные противолодочные ударные группы, ядром которых стали крейсера-вертолетоносцы “Москва” и “Ленинград”.

Первым оперативным соединением, ставшим как бы испытательным полигоном ВМФ по отработке организации и способов несения боевой службы, стала средиземноморская 5-я эскадра, школу которой в течение 70 — 80-х гг. прошли тысячи адмиралов и офицеров советского ВМФ. Ее формирование предшествовали многие месяцы повседневной кропотливой организаторской работы руководства ГШ ВМФ и большинства офицеров его управлений и отделов. На заключительном этапе 27 июня 1967 г. в ОУ ГШ прибыла группа специалистов штаба нового соединения во главе с контр-адмиралом Б.Ф. Петровым.

В результате совместной работы личного состава ведущих управлений ГШ и офицеров этой группы был разработан план несения боевой службы 5-й средиземноморской оперативной эскадрой, который 7 июля 1967 г. утвердил главнокомандующий ВМФ.

Его как образец использовали для разработки планов боевой службы другими оперативными соединениями ВМФ, число которых год от года росло.

В августе 1967 г. вышла на боевую службу в Индийский океан 8-я эскадра кораблей специального назначения, а к январю 1968 г. были сформированы 7-я оперативная эскадра на СФ и 10-я на ТОФ.

Средиземноморская оперативная эскадра середины 70 — начала 80-х гг. включала в себя 2—3 атомные, 3—5 дизельных подводных лодок, 3—4 крупных надводных корабля с ракетным вооружением, 7—10 противолодочных кораблей, в том числе крейсера-вертолетоносцы, и другие силы. В дополнение к подразделениям морской авиации, несшим боевую службу в воздухе над Атлантикой и Тихим океаном, в марте 1968 г. приступили к систематическим полетам над Средиземным морем самолеты смешанной авиационной эскадрильи, базировавшейся на одном из аэродромов Объединенной Арабской Республики (Египет).

С конца 60-х гг., когда повысился удельный вес политических задач, решаемых силами боевой службы, в их состав стали включаться десантные корабли с подразделениями морской пехоты и боевой техникой на борту.

Оперативные эскадры Средиземного моря и Индийского океана (Персидского залива) постоянно находились в море вдали от своих берегов. Основные силы оперативных эскадр СФ и ТОФ занимались боевой подготовкой в полигонах своих флотов и развертывались в море эпизодически, по мере необходимости.

Во второй половине 60-х гг. при участии специалистов ведущих управлений ГШ ВМФ была отработана организация развертывания и несения боевой службы подводными лодками с баллистическими ракетами, которые маневрировали в районах боевого патрулирования в установленной готовности к нанесению ответных ракетно-ядерных ударов по наземным объектам вероятного противника. Параллельно отработывались поиск ракетных подводных лодок вероятного противника и слежение за ними в немедленной готовности к их уничтожению, а также аналогичные действия против авианосных ударных соединений и групп. Систематически велась разведка противолодочных сил и средств на океанско-морских ТВД, проводились комплексные мероприятия по вскрытию разведывательных действий подводных лодок и надводных кораблей вероятного противника на подходах к нашему побережью, осуществлялось наблюдение за деятельностью иностранных кораблей и авиации, изучались обстановка на морских коммуникациях и оборудование театров военных действий.

Большинство из перечисленных выше задач встали перед отечественным флотом впервые. У нескольких поколений советских военных моряков вообще не было опыта океанских плаваний. Поэтому можно себе представить, какое обилие проблем пришлось решать коллективу ГШ ВМФ при подготовке сил флотов к решению задач боевой службы, сколько знаний, опыта и умения потребовалось для создания системы централизованного управления группировками, развернутыми в Мировом океане, а также системы всестороннего обеспечения их деятельности вдали от своих баз.

По мере совершенствования организации боевой службы сложилось несколько способов ее несения.

Первый и основной способ — патрулирование — предполагал постоянное маневрирование ракетных подводных лодок и надводных кораблей в море (в том числе десантных с подразделениями морской пехоты на борту) в установленной готовности к применению оружия в целях поиска группировок сил, подводных лодок и надводных кораблей вероятного противника, слеже-

ния за ними, ведения разведывательных действий и несения дозора в назначенных районах и на рубежах. Высшей формой поисковых действий были поисковые противолодочные операции.

Второй способ несения боевой службы — боевое дежурство в специальных районах или пунктах базирования в установленной готовности к выходу (вылету) и применению оружия.

Таким образом, в высшей степени боевой готовности находились корабли и самолеты морской авиации временных группировок, развернутые и находящиеся в воздухе. Они представляли собой первый оперативный эшелон. Другая часть сил находилась в повышенной готовности в базах и на аэродромах. Это был второй оперативный эшелон ВМФ.

Планируя действия против ударных группировок вероятного противника, в ГШ ВМФ исходили из того, что в условиях мирного времени главной задачей является непрерывное наблюдение за их деятельностью в постоянной готовности к нанесению превентивных или ответных ударов. Однако эта задача могла быть выполнена лишь при условии проведения целого комплекса мероприятий взаимодействующими группировками разнородных сил флота, соединениями и объединениями ВМФ при организующей и направляющей роли Главного штаба.

Подготовка к установлению постоянного слежения начиналась с поиска и наблюдения за деятельностью АУГ и других ударных групп вероятного противника задолго до их прибытия в районы боевого предназначения: в базах, на переходах морем, в районах боевой подготовки.

По мере пересечения ими определенных (расчетных) рубежей готовность сил боевой службы повышалась. При необходимости временные группировки, развернутые в море, наращивались. Поэтому, как правило, с прибытием АУГ в районы постоянного маневрирования непрерывное слежение за ними устанавливалось немедленно. Одновременно в соответствующую готовность к выходу в море (вылету) переводились силы наращивания боевой службы.

В случае осложнения обстановки на театре (при возникновении региональных войн и кризисов, а также в связи с началом крупных учений ВМС НАТО и США) увеличивался состав дежурных сил флота, готовились к развертыванию в море корабли, предназначавшиеся для наращивания боевого состава оперативных соединений, а дежурные подразделения морской ракетно-авиации фактически выполняли комплекс мероприятий по подготовке к ведению боевых действий.

Как уже отмечалось, в первый период несения боевой службы разведку и слежение за авианосцами вели, как правило, одиночные корабли. В это время преобладало мнение, что насущной необходимости поддерживать непрерывный контакт с авианосными ударными группами нет. Считалось, что достаточно будет знать район их маневрирования по состоянию на текущие сутки.

Однако высокая подвижность АУГ, потребность в большом наряде сил для их повторного обнаружения (особенно в условиях применения вероятным противником режима радиомолчания, радио- и радиолокационных помех в сочетании с другими мерами маскировки) заставили изменить взгляды на организацию и ведение действий против авианосцев.

В Оперативном управлении ГШ ВМФ были разработаны методы эффективного решения задач поиска и длительного слежения за АУГ. Рекомендовалось, в частности, усиление радио- и радиотехнической разведки для обнаружения выхода авианосных групп из пунктов базирования, выявления характера их деятельности, маршрутов и целей переходов и сбора других сведений как исходных данных для поэтапного вывода сил слежения на авианосец. Во

время больших учений объединенных вооруженных сил НАТО и в периоды региональных кризисов для постоянного слежения за авианосцами в готовности к нанесению ударов по ним при необходимости привлекались все силы, решавшие задачи боевой службы на театре, однако в большинстве случаев это возлагалось на специально создаваемые однородные или разнородные корабельные ударные группы (КУГ). При этом задача одиночных кораблей, назначенных для непосредственного слежения за авианосцами, состояла в наведении и выдаче целеуказания КУГ.

На первых порах это было чрезвычайно сложной проблемой, и довольно часто организация наведения и выдачи целеуказания оказывалась неудовлетворительной.

В целях их отработки в ходе длительного слежения за АУГ стало практиковаться многократное взаимное наведение боевых единиц и тактических групп, принимавших участие в решении этой задачи.

Как уже отмечалось выше, корабельные группировки несли боевую службу, взаимодействуя с частями и подразделениями морской авиации.

Для организации полетов над Средиземным морем и Индийским океаном использовались аэродромы в дружественных Советскому Союзу странах.

Слежение за авианосцами, как правило, велось разведывательными самолетами, которые взлетали с аэродромов на территории Сирии, Ливии, Эфиопии, Южного Йемена, Анголы, Кубы и Вьетнама. В период с 1976 по 1982 г. это позволило более 1100 раз устанавливать слежение за АУГ во время их переходов морем.

Успехов в слежении за авианосцами все чаще добивались и подводные лодки. На СФ к решению этой задачи в 1971 г. привлекалось восемь подводных лодок, которые десять раз обнаруживали авианосцы и следили за ними в общей сложности 159 часов. В 1976 г. к этой задаче привлекалось в два раза меньше подводных лодок, однако они обнаруживали АУГ также десять раз, а суммарная продолжительность непрерывного слежения за ними составила уже 224 часа.

Благодаря мерам, принимавшимся по рекомендациям ГШ ВМФ, разработанным на основе анализа сотен отчетов о выполнении задач боевой службы, в течение нескольких лет удалось значительно усовершенствовать организацию слежения за авианосными ударными группами, которая позволила довести математическое ожидание недовыпущенных самолетов палубной авиации до 0,83, т. е. уверенно гарантировала от массированного авиационного удара с морского направления.

По мере развития системы боевой службы значительно выросло оперативное напряжение сил флотов. Продолжительность походов одиночных кораблей с учетом пополнения их запасов в море достигала 1,5—3 месяцев, в составе КУГ — 4—5, а с конца 1971 г. — уже 6—7 месяцев.

Морская ракетно-бомбовая авиация (МРА) для решения задач боевой службы первоначально применялась способом дежурства на аэродромах, а затем приступила к выполнению полетов в районы обнаружения реальных целей. Состав ударных групп варьировался в зависимости от характера и состава этих целей (до полка включительно). Наведение осуществлялось по данным разведывательной авиации. Полеты выполнялись для отработки тактических приемов нанесения массированных ракетных ударов в условиях, максимально приближенных к боевым, а также в целях демонстративных действий.

Успехи, достигнутые в период становления системы боевой службы, были очевидны. При этом, однако, возникли сложные проблемы, решение которых потребовало от руководства и операторов Главного штаба не только знаний,

опыта и способности к аналитической работе, но также умения грамотно обосновать необходимость значительных материальных затрат, а в некоторых случаях — принятия органами государственной власти новых нормативных актов.

К примеру, практика первых месяцев боевой службы сразу же показала, что простого решения задач борьбы с ПЛАРБ не существует. Тщательно продуманное и умело организованное боевое обеспечение действий подводных ракетносцев вероятного противника было настолько эффективным, что они, несмотря на высокую активность наших сил, оставались практически неуязвимыми, представляя собой самую серьезную угрозу безопасности СССР.

Становилось очевидным, что задачи поиска и слежения за атомными ракетными и многоцелевыми подводными лодками США требуют создания глобальной системы противолодочной борьбы на основе приоритетного развития противолодочных сил и средств.

В связи с этим были ускорены работы по созданию новых корабельных и авиационных акустических и магнитометрических комплексов, а также других систем поиска и слежения за подводными лодками, обладающих повышенной эффективностью по сравнению с гидроакустической аппаратурой первого и второго поколений, одновременно носители стали оснащаться мощным противолодочным оружием (в том числе крылатыми противолодочными ракетами).

Эффективность противолодочных мероприятий стала обеспечиваться формированием корабельных противолодочных соединений и частей морской авиации, обладавших большим поисково-ударным потенциалом, способных к длительным действиям в океанской зоне.

На первых порах эти соединения несли боевое дежурство в базах и на аэродромах, а затем они стали на постоянной основе привлекаться к несению боевой службы в море, с ведением систематических поисковых действий и поисковых операций.

Другой мерой организационного характера было постоянное совершенствование оперативного построения сил боевой службы, предназначавшихся для решения задач противолодочной борьбы. Как правило, состав их временных группировок должен был с заданной вероятностью обеспечивать поиск, слежение и уничтожение подводных лодок, а также необходимую для решения этих задач боевую устойчивость корабельных и других поисково-ударных групп. Главной целью их действий стало выявление районов боевого патрулирования атомных ракетных подводных лодок и системы обеспечения их деятельности.

К началу 70-х гг. число обнаружений подводных ракетносцев вероятного противника составляло 40—45, а многоцелевых атомных подводных лодок — 65—87 в год.

На периоды проведения мероприятий с массированным использованием противолодочных сил приходилось до 30% обнаружений иностранных атомных подводных лодок и до 50% суммарного времени слежения за ними. Неуклонный рост потенциала противолодочных сил и средств флотов позволял постоянно увеличивать продолжительность и пространственный размах противолодочных действий. К примеру, в 1975 г. была проведена поисковая противолодочная операция в Северо-Восточной Атлантике, в ходе которой одновременно вели поиск подводных лодок вероятного противника несколько атомных многоцелевых и 10 дизельных подводных лодок, 8 корабельных поисково-ударных групп и группы самолетов противолодочной авиации, совершившие 58 самолето-вылетов.

В следующем году в районах Норвежского и Баренцева морей были спланированы и проведены две поисковые операции.

Начиная с 1977 г. поиск и слежение за подводными лодками ВМС стран НАТО проводились и в порядке повседневной деятельности флотов, и в периоды ведения специальных поисковых операций. В ходе последних массированное применение противолодочных сил осуществлялось от 3 до 12 суток, а во время систематических поисковых действий и при ведении поиска по вызову — от 2 до 5 суток.

Наибольшего размаха противолодочные действия достигли в 1983 г., когда в Норвежском море, Северо-Восточной и в Западной Атлантике, в Средиземном море, в районах Тихого и Индийского океанов было проведено 12 поисковых противолодочных мероприятий различного масштаба. В них участвовали 32 атомные, 26 дизельных подводных лодок, 31 надводный корабль. Противолодочная авиация в ходе этих действий совершила более 80 самолето-вылетов. Результат оказался впечатляющим: было обнаружено 10 атомных подводных ракетоносцев и 19 многоцелевых атомных подводных лодок. В 1985 г. впервые были проведены поисковые противолодочные операции дивизиями многоцелевых подводных лодок в Атлантике и на Тихом океане.

Так, шаг за шагом, силы и средства, составляющие основу боевой мощи ВМФ, приводились в состояние, отвечающее требованиям выполнения стоявших перед ВМФ задач. В 1976 г. на боевой службе находилось 38 ракетных подводных лодок с баллистическими ракетами, 30 атомных многоцелевых подводных лодок, 60 дизельных торпедных подводных лодок и 111 надводных кораблей. Число дальних походов, совершаемых за год многоцелевыми подводными лодками, с середины 60-х гг. возросло в 20 раз, а надводными кораблями — в 10 раз. Многократно увеличилось (более чем в 120 раз) количество подаваемых кораблям в море запасов и материальных средств всевозможных видов.

В 1985 г. боевую службу в оперативно важных районах Мирового океана несли ежедневно около 160 боевых кораблей и судов обеспечения (в том числе до 40 подводных лодок), а военно-воздушными силами флотов в этом году было совершено более 4500 самолето-вылетов в океанскую зону¹.

Задачи постоянного наблюдения за надводными ударными группировками иностранных ВМС по планам, разработанным ГШ ВМФ, решались также средствами береговой и корабельной радиоразведки. Наиболее интенсивное слежение осуществлялось за авианосными и другими корабельными ракетными ударными группами вероятного противника, развернутыми в Средиземном море. Оно велось двумя способами: непосредственно, по информации собственных средств наблюдения и по данным целеуказания, поступавшим от внешних источников ракетным и другим комплексам оружия дальнего действия. Второй способ в конце 80-х гг. стал основным (85% суммарного времени слежения).

Выходу разведки ВМФ на принципиально новый качественный уровень предшествовала длительная и напряженная организационно-техническая деятельность, проводимая под руководством центральных органов управления.

На этом пути допускались отдельные ошибки.

Выше уже упоминалось о том, что в апреле 1953 г. разведка в очередной раз была выведена из состава ГШ ВМФ, хотя именно в это время началось интенсивное наращивание ее сил и средств, а роль разведывательного обеспечения всех видов боевой и повседневной деятельности флотов стала неуклонно повышаться.

Первые разведывательные корабли (рзк) переоборудовались из гражданских промысловых и гидрографических судов: траулеров, парусно-моторных зверобойных шхун, тунцеловов. Они имели небольшое водоизмещение — 200—250 т и скорость не более 11 уз.

В 60-е гг. состав и вооружение разведывательных частей и кораблей в значительной мере обновились. На флоты начали поступать новые рзк, переоборудованные из океанских больших морозильных траулеров (БМРТ), обладавшие водоизмещением в несколько тысяч тонн и высокими мореходными качествами, а также средние рзк типа «Гавриил Сарычев», переоборудованные из гидрографических судов. В 1968 г. в строй вошли океанские разведывательные корабли проекта 861М, а с конца 60-х г. началось строительство больших кораблей типа «Запорожье».

К середине 80-х гг. разведывательными кораблями ежегодно совершалось до 45 походов средней продолжительностью около 90 суток, самолетами разведывательных частей морской авиации, подчиненных Разведывательному управлению ВМФ в специальном отношении, в течение года выполнялось до 1500 самолето-вылетов, в том числе до 400 — с зарубежных аэродромов. В 1988 г. задачи разведки решались 15 береговыми частями, 100 надводными кораблями, 75 подводными лодками, а кроме того, к их решению привлекалось 90 судов обеспечения.

Постоянно улучшалась структура органов разведки как в Главном штабе, так и на флотах, в частности были сформированы специальные информационные центры.

В конце 1965 г. был запущен первый космический разведывательный аппарат. С 1985 г. система начала функционировать в штатном режиме, а ее личный состав приступил к несению боевого дежурства. В орбитальной группировке действовало до четырех космических аппаратов.

Благодаря тщательно продуманным планам применения разведывательных кораблей и самолетов дальней авиации, дополняемых космическими средствами наблюдения, удалось почти полностью закрыть «белые пятна» в освещении обстановки на обширных океанских пространных.

В отработке сложной системы разведывательного обеспечения сил ВМФ в те годы была особенно плодотворна целеустремленная деятельность вице-адмиралов Ю.В. Иванова, И.К. Хурса, Ю.П. Квятковского, капитанов 1 ранга В.М. Адамова и В.А. Давыдова.

Становление и развитие системы боевой службы решающим образом повлияло на эволюцию всех родов сил флота.

В 1965—1985 гг. качественно изменились морские стратегические ядерные силы ВМФ СССР. Первыми в районы боевого патрулирования вышли дизельные ракетные подводные лодки проектов 629, 629А и 629М, имевшие на вооружении ракетные комплексы с дальностью стрельбы до 750 км и всего по три шахты пусковых установок (ПУ) для ракет с моноблочными боеголовками. В течение 1967—1985 гг. было введено в строй около 70 атомных ракетных подводных лодок, имевших на вооружении комплексы с 12—20 пусковыми установками для стрельбы баллистическими ракетами, снаряженными моноблочными боеголовками и разделяющимися головными частями индивидуального наведения, способными поражать цели, удаленные на расстояние от 3000 до 8000 км. К середине 80-х гг. ракетно-ядерный потенциал сил, развернутых в море, по сравнению с концом 60-х гг., повысился более чем в 200 раз, дальность стрельбы ракетами увеличилась в десятки раз.

Не менее впечатляющей была эволюция подводных лодок в составе сил общего назначения. Среди них преимущественное развитие получили атомные подводные лодки, вооруженные комплексами крылатых ракет. Именно они представляли собой асимметричный ответ нашей страны на развертывание США группировки ударных авианосцев. Первые имели четыре—восемь пусковых установок для стрельбы из надводного положения на дальность до 350 км, а ко-

рабли последних проектов были вооружены ракетными комплексами с 24 пусковыми установками для стрельбы ракетами из-под воды. Первыми торпедными подводными лодками, начавшими несение боевой службы, стали большие дизельные подводные лодки проектов 641 и 611, а также «эски» проекта 613. Почти одновременно с ними автономные походы в районы несения боевой службы стали систематически совершать атомные подводные лодки, имевшие на вооружении аналогичные комплексы торпедного оружия. К середине 80-х гг. в океан вышли атомные подводные лодки с улучшенной энергетикой, скоростные, малозумные, с глубиной погружения, в 1,8—2,6 раза превышавшей предельную глубину погружения многоцелевых атомных подводных лодок первого и второго поколений, вооруженные новыми комплексами оружия, позволявшими стрелять торпедами, ракетно-торпедами и крылатыми ракетами. Подводные лодки проектов 705, 671, 641Б и 651 позволили значительно продвинуться в создании эффективной системы противолодочной борьбы.

Среди крупных артиллерийских кораблей, в 1967 г. начинавших осваивать маршруты боевой службы в Средиземноморье, был даже ветеран Великой Отечественной — крейсер «Слава» проекта 26бис (бывший «Молотов»). В те же годы в составе оперативных эскадр действовали крейсера проекта 68бис, эсминцы проектов 56 и 30бис, сторожевые корабли проектов 35, 35А, 50, 159 и 159А. Наиболее современными кораблями в составе сил боевой службы к концу 60-х гг. стали ракетные крейсера проектов 1134 и 58, крейсера-вертолетоносцы проекта 1123 и большие противолодочные корабли проекта 61. На рубеже 60—70-х гг. основную нагрузку при выполнении задач боевой службы стали нести большие противолодочные корабли проектов 1134А и 1134Б, сторожевые корабли проекта 1135, а во второй половине 70-х гг. в составе оперативных соединений ВМФ появились авианесущие противолодочные крейсера проекта 1143. В начале 80-х гг. в море вышли атомные ракетные крейсера проекта 1144, ракетные крейсера проекта 1164, эсминцы проекта 956 и большие противолодочные корабли проекта 1155.

Крейсера проектов 58 и 1134 имели ракетные комплексы с четырьмя—восемью пусковыми установками для стрельбы крылатыми противокорабельными ракетами на дальность до 300 км. Ракетные крейсера третьего и четвертого поколений имели от 16 до 20 пусковых установок и могли стрелять в два раза дальше.

Большие противолодочные корабли проектов 1134А, 1134Б, противолодочные крейсера-вертолетоносцы проекта 1123, сторожевые корабли проекта 1135 во взаимодействии с другими родами сил проводили многодневные поисковые операции, вскрывая районы патрулирования ракетных атомных подводных лодок противника и обнаруживая его многоцелевые подводные лодки, вели за ними длительное слежение, обеспечивая реальную возможность их поражения с заданной вероятностью.

В середине 60-х гг. разведывательная морская авиация получила на вооружение самолеты Ту-16р и Ту-22рц. Кроме того, для ведения разведки в океанской зоне и наведения надводных кораблей и подводных лодок разведывательные авиационные полки СФ и ТОФ были вооружены комплексами Ту-95рц. К середине 80-х гг. на флоты поступили новые модификации самолетов-разведчиков Ту-16рм-1 и Ту-16-рм-2, самолет радио- и радиотехнической разведки Ан-12рр.

Морской ракетоносец Ту-16 находился на вооружении до конца 80-х гг., однако за эти годы постоянно совершенствовался его ударный комплекс. В 1969 г. на вооружение был принят комплекс Ту-16к-26 со сверхзвуковой ракетой, который значительно повышал эффективность действий ударных групп

морской ракетноносной авиации против корабельных группировок вероятного противника, обладавших сильной ПВО. Для увеличения радиуса действия самолетов была отработана организация их дозаправки в воздухе.

С 1964 г. начался новый этап в развитии морской противолодочной авиации. К 1970 г. в дополнение к самолетам Бе-12, Ил-38, вертолетам Ми-14пл и К-25пл были освоены самолет Ту-142 и вертолет К-27пл. Ту-142 имел поисковую производительность 3500—4000 кв. км/ч.

В 1975 г. началось освоение палубного штурмовика Як-38, предназначавшегося для поражения надводных и воздушных целей и обеспечения высалки морских десантов.

Это развитие было результатом многолетней напряженной работы коллектива ГШ ВМФ, руководившего разработкой оперативно-тактических заданий на проектирование боевых кораблей, самолетов и комплексов морских вооружений.

Приоритет отдавался таким качественным характеристикам, как дальность плавания (полета), автономность, мореходность, обитаемость, поисковый и ударный потенциалы, потенциал самообороны.

Значительное внимание уделялось развитию средств связи, совершенствованию главных энергетических установок и вспомогательных механизмов.

Одной из ключевых проблем развития сил ВМФ в 60—80-е гг. была проблема снижения шумности атомных подводных лодок.

Подводные лодки первых двух поколений из-за конструктивных и технологических недоработок обладали весьма высокой шумностью и без труда обнаруживались противолодочными силами и средствами стран НАТО (в первую очередь — стационарными гидроакустическими комплексами).

Для решения этой проблемы были сформированы специальные группы офицеров, состоявшие из представителей ОУ ГШ, Разведывательного управления, НИИ ВМФ, специалистов-кораблестроителей и корабельных инженеров. Были изучены характеристики акустических полей американских ПЛАРБ и проведен сравнительный анализ соответствующих характеристик американских и советских подводных лодок. Выявленное при этом соотношение не в нашу пользу произвело ошеломляющий эффект на специалистов Минсудпрома. По представлению главнокомандующего ВМФ Адмирала флота Советского Союза С.Г. Горшкова был принят ряд правительственных решений по реализации срочных организационных мер, направленных на существенное повышение качества подводного кораблестроения и производства комплектующих механизмов и материалов. На основе полученных результатов комплексных научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, проведения крупномасштабных технологических мероприятий удалось добиться резкого снижения акустического и других физических полей советских атомных подводных лодок. В середине 70-х гг. вероятность обнаружения наших атомных ракетных подводных лодок приближалась к 0,8. Через десять лет она стала меньше вдвое, в результате чего значительно упало число обнаружений и сократилось время слежения за нашими подводными лодками маневренных противолодочных сил ВМС стран НАТО.

Другой причиной снижения уязвимости наших подводных ракетносцев стало вооружение их межконтинентальными ракетами, которые устранили необходимость форсирования противолодочных рубежей на маршрутах разветывания советских ПЛАРБ.

Существенным достижением в эти годы стало то, что удалось примерно вдвое сократить время прохождения сигналов боевого управления. Вероятность решения задач морскими стратегическими ядерными силами, выраженная через

математическое ожидание нанесения агрессору неприемлемого ущерба, значительно возросла.

Выдающуюся роль в становлении системы боевой службы сыграл начальник ГШ ВМФ адмирал Н.Д. Сергеев, вступивший в должность незадолго перед началом широкомасштабного развертывания сил ВМФ в Мировом океане. Значительный вклад в эту работу внесли руководители Оперативного управления ГШ ВМФ Н.И. Смирнов (1965 — 1969) и П.Н. Навойцев (1970 — 1976), которые обладали обостренным чувством нового, нестандартным мышлением, умением видеть перспективу и материализовать задуманное, активно способствовали решению проблем, возникавших по мере освоения силами ВМФ новых районов боевой службы.

Одной из приоритетных в течение 60—80-х гг. оставалась проблема организации непрерывного, надежного и скрытого управления силами, решающими задачи боевой службы.

В марте 1967 г. Командный пункт главнокомандующего ВМФ был преобразован в Центральный КП ВМФ.

К началу 70-х гг. была создана опорная сеть основной системы управления силами ВМФ на базе защищенных командных пунктов ВМФ, флотов и флотилий, оснащенных современными средствами связи и автоматизированными системами управления (АСУ).

В те же годы под руководством ГШ ВМФ были развернуты научные исследования, научно-экспериментальные и опытно-конструкторские работы, направленные на дальнейшее совершенствование системы управления ВМФ, обеспечение надежного функционирования системы управления морскими стратегическими ядерными силами и силами общего назначения в любых условиях обстановки. Решающую роль при этом играло ОУ ГШ ВМФ, которое было генератором идей и координатором этой работы.

В боевой состав ВМФ были введены переоборудованные из крейсеров проекта 68бис корабли управления, а также воздушные пункты управления и ретрансляторы на самолетах Ил-22 и Ту-142 МР.

Ввод в эксплуатацию автоматизированной системы управления силами флота типа “АС-4” в ГШ ВМФ, в штабах СФ и ТОФ позволил обеспечить интенсивный информационный обмен, существенно упростить решение задач управленческой деятельности командования и личного состава оперативных органов ВМФ.

Система управления силами боевой службы сочетала в себе централизованный и децентрализованный методы руководства.

Главнокомандующий ВМФ через ГШ управлял ПЛАРБ, а также силами их обеспечения, находившимися в районах боевого патрулирования и на маршрутах развертывания подводных ракетноносцев. Кроме того, он непосредственно управлял силами подчиненных ему оперативных эскадр.

Командующие флотами управляли силами боевой службы в операционных зонах своих флотов как непосредственно, так и через командующих военно-морскими зонами и объединениями, а также через командиров соединений и частей. Управление авиацией флотов осуществлялось командующими флотами.

Командующие военно-морскими зонами управляли надводными силами, находившимися в пределах их ответственности. Командиры оперативных эскадр управляли надводными кораблями и судами, входившими в состав этих соединений. Подводные лодки управлялись с ЦКП ВМФ или командных пунктов флотов. В управление ими командиры оперативных соединений вступали по приказанию главнокомандующего ВМФ или командующего флотом.

Силами боевого дежурства в пунктах базирования флотов (кроме ракетных подводных лодок с баллистическими ракетами, несущих боевое дежурство в базе) управляли командующие флотами через командиров объединений и соединений и командиров групп дежурных сил.

ЦКП как ведущий пункт управления ВМФ постоянно совершенствовался. В 1974 г. вступили в строй повседневный и запасный командные пункты. Оперативное дежурство ВМФ возглавил дежурный адмирал, и в штате ЦКП появилась должность с соответствующим названием. В 1975 г. в состав резервной системы управления вошло три самолета Ил-22 воздушного пункта управления с бортовыми узлами связи и боевыми расчетами. В 1980 г. были приняты в эксплуатацию основные командные пункты ВМФ, флотов и некоторых объединений ракетных подводных лодок. В августе того же года на боевое дежурство была поставлена командная система боевого управления. С 1988 г. начальник ЦКП стал заместителем начальника ГШ ВМФ по боевому управлению.

Структурой командных пунктов обеспечивалась не только непрерывность, но и гибкость управления. Главкомандующий ВМФ мог в любое время принять руководство всеми силами на себя и непосредственно руководить применением группировок, развернутых в оперативно важных районах Мирового океана.

В новых условиях изменялся характер рутинной работы руководящего состава и офицеров Главного штаба. Вместо относительно простых расчетов по эмпирическим формулам внедрялись новые методы, разработанные учеными ВМФ на основе достижений математической школы академика А.Н. Колмогорова. Повышение эффективности управления пошло по пути комплексной автоматизации всех его звеньев на базе быстродействующей электронно-вычислительной техники (ЭВТ).

Вначале ЭВТ вошла в практику работы ГШ ВМФ, затем штабов флотов, а на последнем этапе реализации программы автоматизации управления силами — в повседневную деятельность штабов соединений. С внедрением ЭВТ были созданы библиотеки методик для оценки вариантов использования сил ВМФ.

Надежность управления силами флота обеспечивалась превращением всех составных элементов системы связи в единый автоматизированный комплекс. Была в основном решена проблема связи с подводными лодками в любом районе Мирового океана.

Правомерно сделать вывод, что к середине 80-х гг. ВМФ уже обладал развитой, современной и высокоэффективной автоматизированной системой управления силами. Вместе с тем автоматизация обусловила более высокую степень зависимости результатов применения сил флота от надежности функционирования средств управления и связи. С конца 60-х гг. стало очевидно, что боевая устойчивость системы управления является одним из важнейших условий, определяющих эффективность действий сил флота в вооруженной борьбе на море. Это привело руководство ВМФ и Главного штаба к заключению о необходимости приоритетного развития сил и средств радиоэлектронной борьбы (РЭБ).

Перед начальником Управления РЭБ контр-адмиралом В.С. Пирумовым была поставлена задача разработать концепцию РЭБ как организационно-технической системы, способной воздействовать на всю совокупность радиоэлектронных систем и средств противника.

К 1974 г. Управление РЭБ насчитывало пять отделов, ведущих организационную работу по всем основным направлениям РЭБ, от разведки до подавления технических средств противника.

Был проведен ряд экспериментальных работ и научных исследований в области боевой эффективности средств РЭБ, с тем чтобы определить влияние

РЭБ на эффективность боевых действий в целом, проведены специальные учения под руководством начальника ГШ ВМФ. Активизировалась подготовка офицеров нижестоящих штабов, командиров соединений и объединений по вопросам использования средств РЭБ в действиях на море.

Одновременно велась ускоренная разработка систем и комплексов РЭБ, способных в реальном масштабе времени реагировать на изменение радиоэлектронной обстановки, обеспечивать поражение целей своим оружием и защиту своих радиоэлектронных средств, т. е. обеспечивать радиоэлектронное превосходство. Это требовало больших усилий не только Управления РЭБ, но и других управлений ГШ ВМФ.

В результате появились специальные корабли, пять полков наземного базирования и авиационный полк РЭБ, была разработана современная концепция РЭБ и система боевых руководящих документов, регламентирующих применение сил и боевое использование средств РЭБ.

Особенность строительства ВМФ в 60 — 80-е гг. состояла в том, что, может быть, впервые за всю историю отечественного флота эволюция военно-морского искусства опережала развитие родов сил и средств вооруженной борьбы на море. Ведущая роль в развитии теории ВМФ принадлежала ГШ ВМФ. Она выражалась в своевременном выявлении назревающих теоретических проблем и постановке задач по совершенствованию форм и способов применения сил флота, соответствующих быстро меняющимся условиям вооруженной борьбы на море.

Если строго придерживаться хронологии событий, то сначала в центре внимания руководства Главного штаба и теоретиков ВМФ находились проблемы организации эффективных действий против авианосных соединений противника, а затем на первый план вышли вопросы борьбы с ракетными подводными лодками.

Традиционным для советского военного искусства был повышенный интерес к исследованию особенностей начального периода войны. С появлением атомного, а затем ракетно-ядерного оружия актуальность разработки этой темы значительно возросла. Применительно к теории ВМФ это означало особое внимание к разработке проблем подготовки и ведения первых операций сил флотов.

Заново были осмыслены основные положения теории ВМФ. В середине 70 — начале 80-х гг. ученые ВМФ приняли участие в дискуссии о советской военной науке, которая имела для ВМФ неоднозначные последствия. С одной стороны, понятие «военно-морские науки» стало историческим, поскольку советская военная наука была признана единой, а теория ВМФ — одним из ее составных элементов, с другой — именно в эти годы окончательно определились предмет, структура и задачи военно-морской теории.

Коренным образом изменились взгляды на содержание морской операции, в частности на оперативное построение сил, привлекаемых к их ведению. Последнее в большей степени стало соответствовать конкретному замыслу действий, включая в себя, как правило, группировки, предназначенные для решения главной, вспомогательных и обеспечивающих задач, а также оперативный резерв. Предполагалось, что в ходе операций назначенные для их ведения объединения и соединения будут усиливаться за счет сил, которые к данному времени решат свои задачи на других направлениях, и за счет резерва.

Одновременно Главный штаб и руководимые им коллективы теоретиков ВМФ постоянно вели поиск новых способов применения родов сил флота, прежде всего подводных лодок как главного из них. Результатом этой работы стали новая тактика групповых действий подводных лодок и методы управле-

ния ими. Было найдено удовлетворительное решение вновь возникших проблем в области взаимодействия родов сил флота между собой и с группировками других видов Вооруженных Сил.

Появление стратегического и тактического ядерного оружия, рост дальности и могущества обычных средств поражения заставили заново осмыслить содержание такого привычного понятия, как удар. В новых условиях ударом стало возможно добиваться решения оперативных и даже стратегических задач.

Качественно изменилось содержание такой формы применения сил флота, как морской бой, известной с глубокой древности. Для него в еще большей степени, чем раньше, стали характерны скоротечность, массирование сил и средств на главном направлении, сочетание огня и маневра, внезапность применения оружия из всех трех сред — с воздуха, с поверхности моря, из-под воды.

Увеличение пространственного размаха боевых действий на море наполнило новым смыслом содержание таких понятий, как боевой порядок, развертывание, сосредоточение, охват и окружение.

Изменилось содержание категорий, имеющих непосредственное отношение к вопросам управления, таких, как организация, взаимодействие, темп.

Вместе с тем развитие взглядов на применение сил флота в новых условиях происходило не без ошибок. К примеру, в середине 60-х гг. отсутствие у вероятных противников эффективных средств и методов борьбы с противокорабельными ракетами, а также завышенные ожидания относительно оперативных результатов от применения ядерного оружия привели к временному ослаблению внимания к вопросам взаимодействия разнородных сил флота. Многие считали, что ударом подводной лодки или группы самолетов-ракетоносцев можно уничтожить авианосец, десантный отряд, конвой и т.д. без взаимодействия с другими силами, и только в начале 70-х гг., когда ошибка стала очевидной, к проблеме организации взаимодействия разнородных сил флота возвратились вновь, на более высоком уровне.

Развитие советского военно-морского искусства в период 1975—1985 гг. происходило в условиях примерного стратегического паритета между СССР и США. При этом почти половина пусковых установок баллистических ракет к этому времени была размещена на атомных ракетных подводных лодках. В связи с этим среди общих стратегических задач ВМФ главной стала задача по уничтожению целей на территории вероятного противника. На этом этапе появилась новая форма оперативного применения сил — операция флота (флотилии), которая рассматривалась как совокупность согласованных и взаимосвязанных по цели, месту и времени сражений, боев и ударов, проводимых по единому замыслу и плану оперативно-стратегическими (оперативными) объединениями ВМФ на океанском (океанско-морском) театре военных действий или стратегическом (операционном) направлении самостоятельно и во взаимодействии с другими видами ВС для решения стратегических, оперативно-стратегических или оперативных задач.

В ходе операций флота (флотилии) могли проводиться отдельные морские операции, к которым относили: разрушение важных наземных объектов на территории противника; уничтожение сил флота противника в море и базах; нарушение океанских (морских) коммуникаций; действия по обороне системы базирования и своих морских (океанских) коммуникаций. К совместным операциям относили десантные и противодесантные операции. Считалось также, что флот будет участвовать во фронтовых (армейских) операциях, проводимых на приморских направлениях, и в стратегических операциях на континентальных и океанских ТВД. При этом ожидалось, что к участию в

стратегической операции на океанском ТВД будут привлекаться один или несколько флотов, воздушная армия Верховного Главнокомандования, соединения воздушно-десантных войск и военно-транспортной авиации, а на приморском направлении — соответствующее объединение Сухопутных войск.

Опыт учений и маневров показал, что стратегическая операция на океанском театре военных действий может проводиться с различными целями. В начальный период войны в качестве наиболее вероятной рассматривалась стратегическая операция, проводимая в целях разгрома группировок военно-морских сил противника, срыва его ударов с океанских и морских направлений, завоевания господства на море в оперативно важных районах при одновременном решении частью сил задач по нарушению океанских и морских коммуникаций за их пределами.

Развитие взглядов на совместные операции способствовало пересмотру ошибочных решений, принятых в отношении морской пехоты, которая в середине 50-х гг. вопреки мнению командования ВМФ была расформирована.

Руководство армии при этом утверждало, что задача высадки морских десантов вполне может быть решена мотострелковыми формированиями приморских военных округов. Первые же учения Тихоокеанского флота и Краснознаменной Каспийской флотилии, в которых предпринимались попытки отработки совместных десантных действий подразделений Сухопутных войск и сил флота, показали, мягко говоря, неправомерность подобных утверждений (по мнению Маршала Советского Союза Р.Я. Малиновского, наблюдавшего за действиями войск на одном из этих учений, “десант не получился”).

Осенью 1962 г. в ГШ ВМФ было проведено совещание по проблемам десантной подготовки флотов и оснащению их современной техникой. Выработанные его участниками рекомендации дали первый толчок развитию десантных сил и средств на новом этапе строительства ВМФ. Весной 1963 г. Главным штабом был подготовлен проект доклада главнокомандующего ВМФ министру обороны с предложениями о передаче флоту двух мотострелковых полков Сухопутных войск. Р.Я. Малиновский с большим трудом согласился на это, оговорив решающее условие, в соответствии с которым полки подлежали возвращению армии, если через год по результатам проверки они окажутся неподготовленными.

Основная работа по воссозданию морской пехоты пришлось на вторую половину 60-х гг. Она велась при непосредственном участии личного состава Оперативного и Организационно-мобилизационного управлений ГШ ВМФ. Нужно было разработать концепцию применения морской пехоты, соответствующую новым взглядам на ведение совместных операций, создать и усовершенствовать ее организационно-штатную структуру, определить наиболее приспособленные к использованию в морских десантных действиях существовавшие образцы оружия и техники, сформулировать тактико-технические требования на разработку новых систем вооружений, специально предназначенных для морской пехоты, разработать систему взглядов на подготовку и воспитание морских пехотинцев.

Нашлись в Главном штабе и ветераны береговых войск — полковники Б.И. Сергеенко и А.П. Сериков, способные взять на себя ответственность за восстановление “хорошо забытого старого” и разработку новых руководящих документов. Группа офицеров ГШ ВМФ была включена в состав флотской комиссии по приему первого мотострелкового полка в Минске, предназначенного для включения в состав КБФ. Полк, местом постоянной дислокации которого был избран Балтийск, уже в июле 1964 г. успешно высадился в мор-

ском десанте на учении "Прилив". Осенью того же года вблизи Владивостока разместился второй полк морской пехоты. Вскоре по одному полку было сформировано в составе СФ и ЧФ, а в 1968 г. на ТОФ была образована первая дивизия морской пехоты.

Развитие военно-морского искусства и других составных элементов теории ВМФ находило свое отражение в системе боевых руководящих документов, разработка и уточнение которых велись под руководством командования ВМФ и при участии личного состава ведущих структурных подразделений ГШ ВМФ. До начала 80-х гг. были коренным образом переработаны или изданы впервые руководства, уставы, наставления, с вводом в действие которых система новых официальных взглядов на применение ВМФ приобрела устойчивый нормативный характер.

В этой системе взглядов по-новому рассматривались вопросы организации тылового обеспечения сил, которые приобрели особую остроту, как только ВМФ СССР вышел в океан.

Главком ВМФ С.Г. Горшков требовал от Главного штаба, чтобы планами развития вспомогательного флота предусматривалось тыловое обеспечение кораблей в районах несения боевой службы. Было принято решение создать в океанской зоне систему, основу которой должен был составить маневренный тыл, включающий соединения (дивизионы) эскадренных судов снабжения, суда хранения и суда технического обеспечения.

С 1964 до 1975 г. маневренное базирование сил боевой службы в океанской зоне постоянно наращивалось. С этой целью по дипломатическим каналам были достигнуты соглашения о заходах советских кораблей в порты Египта и Сирии (1967 г.), Алжира (1969 г. и 1978 г.), Кубы (1970 г.).

Начиная с 1971 г. по просьбе гвинейского правительства отряд кораблей ВМФ стал постоянно базироваться в Конакри, с 1972 г. совершались систематические заходы кораблей и судов боевой службы, развернутых в Индийском океане, в порты Сомали, в 1977 г. было подписано соглашение о деловых заходах в порты Бенина, а в 1978 г. — в порты Республики Сан-Томе и Принсипи.

В результате этого стало возможным увеличить число и пространственный размах поисковых операций и других действий наших сил в Северо-Восточной и Западной Атлантике, в Средиземном море. В частности, совместно с ВМС Кубы были проведены учения в Мексиканском заливе. Затем кораблями СФ был совершен переход вдоль восточного побережья США, а кораблями ТОФ совершили поход по Тихому океану вдоль западного побережья США. Вошла в практику отработка задач боевой подготовки в Индийском океане у Бахрейна и о. Диего-Гарсиа.

На Кубе (порт Сьенфуэгос) для кораблей ВМФ был выделен причальный фронт, на котором удалось сосредоточить необходимые запасы материальных средств. Туда же были перебазированы плавмастерские.

В порту Конакри (Гвинея) был создан пункт материально-технического обеспечения (ПМТО) для сил, выполнявших задачи боевой службы у западного побережья Африки. Деятельность его обеспечивалась вспомогательными судами СФ.

В порту Луанда (Ангола) в это время готовился к развертыванию ПМТО для сил ВМФ, действующих в Восточной Атлантике, а на о. Дахлак (Эфиопия) велись работы по созданию ПМТО для оперативных соединений, действующих в районе Красного моря. Там строились береговые сооружения и оборудовались места стоянки для плавмастерских и плавдока.

В Индийском океане отрядом судов обеспечения тыла ТОФ маневренное базирование кораблей оперативной эскадры было организовано в Сомали

(ПМТО Бербера) и в Народной Демократической Республике Йемен (НДРЙ) на рейде о. Сокотра.

В Средиземном море нашими силами использовались ПМТО Мерса-Матрух и Порт-Саид (Египет), Тартус и Латакия (Сирия). Тыловое и техническое обеспечение осуществлялось береговыми складами, ремонтными базами этих пунктов с усилением их плавмастерскими и плавбазами флота. Кроме того, для тылового обеспечения и судоремонта использовались порты Камрань (Вьетнам), Сплит и Тиват (Югославия), Александрия (Египет), Триполи и Тобрук (Ливия), Бизерта и Сфакс (Тунис).

Во второй половине 60-х гг. главком ВМФ С.Г. Горшков вынашивал идею использования принципа свободы открытого моря для создания искусственных островов, где возможно было бы размещать пункты базирования и тылового обеспечения. Над ее проработкой трудился Морской научный комитет. В целях проверки реальности этих планов Главным штабом в 1968 г. была организована экспедиция в Индийский океан “Прилив-2”, которой руководил адмирал Л.А. Владимирский. В экспедиции принимали участие подводные лодки СФ “Б-95” и “Б-98”. Этот эксперимент продолжался в течение 22 месяцев.

Параллельно наращивался потенциал плавучего тыла. Если в начале 60-х гг. ВМФ СССР имел лишь семь судов обеспечения суммарным водоизмещением 48 тыс. т, то в конце 70-х гг. он располагал 38 судами водоизмещением 332 тыс. т. В их число входили танкеры, корабли комплексного снабжения водоизмещением до 25 тыс. т каждый, транспорты-ракетовозы, плавмастерские, плавбазы и другие суда.

В итоге опыт боевой службы и специальных учений позволил ГШ ВМФ обосновать и отработать следующие способы организации маневренного базирования сил в океане: подвижный (дрейфовый) — с использованием плавучих баз и других судов обеспечения в зонах со слабым волнением и зыбью, а также у кромки льдов; рейдовый — с использованием кораблями и судами глубоководных (собственных) якорей или тяжелого рейдового оборудования (рейдовых бочек с якорными массивами массой не менее 75 т) на рейдах и банках с глубинами до 300 м, а также на рейдах и у причальных стенок в пунктах маневренного базирования, развертываемых в арендуемых портах.

Аварийность всегда была неустранимой проблемой в деятельности флотов, особенно в периоды их интенсивных действий. Рост масштабов боевой службы привел к увеличению числа аварий и даже катастроф. Их причины тщательно анализировались, делались определенные выводы, принимались меры. Однако по разным обстоятельствам объективного и субъективного порядка радикальных изменений к лучшему в этой области не происходило.

Поэтому ГШ ВМФ были предприняты энергичные меры для усиления поисково-спасательного обеспечения сил боевой службы. При наличии в районах действий наших сил пунктов маневренного базирования или пунктов маневренного технического обеспечения туда направлялись пожарные и водолазные суда. Из группы спасательных судов формировались маневренные спасательные отряды или же из этих судов вместе с плавучими мастерскими и госпитальными судами (санитарными транспортами) — дивизионы технического обеспечения, которые входили в состав маневренного тыла объединения (соединения) кораблей, несущих боевую службу. Суда маневренного тыла, как правило, сосредоточивались в пунктах маневренного технического обеспечения с подчинением заместителю командующего объединением (командира соединения) по тылу. Ввиду недостаточного количества спасательных судов к поисково-спасательному обеспечению привлекались также другие корабли и морские суда обеспечения, заблаговременно подготовленные для этой цели.

Общее руководство организацией поисково-спасательного обеспечения кораблей на боевой службе осуществлял ГШ ВМФ через поисково-спасательную службу.

Главный штаб контролировал обеспечение и оказание помощи кораблям и судам группировок, управляемых с ЦКП ВМФ; штабы флотов руководили обеспечением и спасательными работами в своей операционной зоне и за пределами этой зоны, в районах, где периодически несли боевую службу силы, управляемые с КП данного флота; штабы объединений и соединений, несущих боевую службу, — в районах действий своих сил.

Приведенные выше примеры показывают, как в ходе решения задач боевой службы заново формировалась система взглядов на сбалансированность ВМФ по родам сил и кораблям основных классов. Бурное развитие ВМФ еще ярче высветило то, что время от времени забывалось, а то и вовсе отрицалось военно-политическим руководством Советского государства, а именно то, что все элементы, составляющие основу боевого могущества ВМФ, а также силы и средства их обеспечения должны постоянно находиться в оптимальном сочетании.

Между тем, как было отмечено ранее, в конце 50-х гг. во взглядах на роль надводных сил, авиации и береговых войск возник кризис, обусловленный субъективизмом, присущим Н.С. Хрущеву и первым лицам в руководстве Министерства обороны. Из-за этого были уничтожены недостроенные крейсера, на несколько лет прекращено проектирование авианесущих и больших ракетных кораблей, возник недопустимый перерыв в развитии корабельной артиллерии. К чести командования ВМФ, коллектива Главного штаба, руководящего состава флотов, научных и научно-исследовательских учреждений, ответ на извечный вопрос: “Каким быть флоту?” — был дан сразу, как только были осознаны пагубные последствия радикальных решений, принимавшихся в начале эпохи ракетно-ядерного противостояния. Во второй половине 60-х гг. был выполнен ряд комплексных научно-исследовательских работ (НИР) по обоснованию программ развития систем вооружения. В них приняли участие десятки выдающихся теоретиков и специалистов ВМФ. По основной НИР Оперативным управлением ГШ ВМФ неоднократно проводились исследовательские командно-штабные учения. Разумеется, путь от теоретических разработок до реализации проектов, как правило, был нелегкий и препятствий на нем оказывалось много. Случались и ошибки, но работа шла и проблемы решались.

Развитие военно-морского искусства, интенсивный рост боевого и численного состава сил флотов требовали дальнейшего совершенствования системы оперативной и боевой подготовки. С середины 60-х гг. и эта работа пошла по восходящей линии при организующей и направляющей роли ГШ ВМФ. Как и прежде, основным руководящим документом, определявшим содержание оперативной и боевой подготовки на очередной учебный год, был соответствующий приказ (или директива) министра обороны СССР. На его основе разрабатывались организационные указания главнокомандующего ВМФ. Конкретные требования к боевой подготовке кораблей и частей излагались в соответствующих курсах.

Одним из приоритетных направлений в оперативной подготовке 70-х гг. была отработка командных пунктов, особенно в вопросах руководства ведением разведки и организации управления подводными лодками, действующими в поисковых и ударных группах (завесах).

По-новому формулировались учебно-боевые задачи по совершенствованию управления соединениями надводных сил, суммарный боевой потенциал и боевая устойчивость которых значительно повысились после ввода в строй

авианесущих крейсеров. Последние обеспечивали ПВО корабельных ударных групп в море, а также обладали мощным противокорабельным ракетным комплексом. Применение этих кораблей отрабатывалось с учетом того, что они должны были составлять боевое ядро группировок разнородных сил флота, включавших в себя кроме корабельных ударных групп тактические группы морской ракетноносной авиации и дальней авиации ВВС. Эти группировки готовились к ведению морского боя с авианосными ударными группами и другими корабельными соединениями противника в удаленных районах морей и океанов. На закрытых морях и в прибрежных зонах Главным штабом была организована подготовка к борьбе с надводными кораблями противника разнородными силами, включавшими корабельные ударные группы, состоявшие из ракетно-артиллерийских кораблей и катеров, авиационные ударные группы, части и подразделения береговых ракетно-артиллерийских войск.

Основным содержанием оперативной и боевой подготовки объединений ВМФ в конце 70 — начале 80-х гг. стала отработка действий сил в операциях флотов, флотилий, эскадр, фронтовых и армейских операциях, а также в морских десантных, воздушно-десантных, противодесантных, воздушных и противовоздушных операциях на своих ТВД, в совместных действиях с объединениями и соединениями других видов Вооруженных Сил, подчиненных главнокомандующим войсками стратегических направлений.

Важное место в оперативной подготовке ВМФ в начале 80-х гг. занимала отработка организации и ведения стратегической операции на океанских ТВД. При этом основной формой подготовки сил ВМФ в эти годы были крупные учения и маневры, замыслы и планы которых разрабатывались в Оперативном управлении ГШ ВМФ. В ходе этих учений, как правило, отрабатывалось решение всех задач, свойственных ВМФ, включая борьбу с ракетными подводными лодками, авианосными и другими ударными группировками вероятного противника, действия сил по нарушению океанских и морских коммуникаций, обороне своих коммуникаций, содействию группировкам Сухопутных войск, решающим задачи на приморских направлениях.

Такие мероприятия планировались ежегодно, причем с участием сил двух и более оперативно-стратегических объединений под руководством главнокомандующего ВМФ. Наиболее ответственными маневрами и учениями руководил министр обороны.

В период подготовки к большим учениям проводились сборы руководящего состава флотов и центральных органов управления ВМФ, в ходе которых проходили военные игры, командно-штабные учения и тренировки.

В тех объединениях, силы которых в текущем году не привлекались к участию в мероприятиях под руководством главнокомандующего ВМФ, проводились учения или военные игры под руководством соответствующих командующих.

Для этого периода развития советского ВМФ характерны постоянно возрастающие масштабы оперативной подготовки, их сочетание с повседневными действиями сил боевой службы по поиску и слежению за группировками сил вероятного противника, проведение совместных учений и маневров с другими видами Вооруженных Сил.

Наиболее крупными по составу привлекавшихся сил и пространственному размаху были маневры "Океан-70". Штаб руководства ими, сформированный из адмиралов и офицеров ведущих структурных подразделений ГШ ВМФ, первоначально размещался на КП СФ, а затем по ходу маневров был переведен на КП БФ. Запасный пункт управления оставался в Москве. Впервые в отечественной истории все наши флоты действовали по единому замыслу на

громadных пространствах Атлантики, Тихого океана и прилегающих к ним морях — Баренцевом, Норвежском, Северном, Охотском, Японском, Филиппинском, Средиземном, Черном и Балтийском. Свыше 200 наводных кораблей и подводных лодок и несколько сотен самолетов морской авиации, составлявшие две противоборствующие группировки — “северных” и “южных”, вели действия против друг друга.

Маневры “Океан-70” занимают особое место в истории оперативной и боевой подготовки ВМФ в послевоенные годы. Их огромный пространственный размах не имел прецедента и до сих пор не превзойден ни одним из флотов мира. Сам факт их проведения был наглядным свидетельством бурного роста боевого потенциала нашего флота, его способности успешно выполнять свойственные ему задачи. Никогда ранее и после этого к учениям одновременно не привлекались такие многочисленные силы.

О сложности организации управления ими лучше всего свидетельствует беспристрастная статистика, которая утверждает, что во время маневров «Океан-70» в удаленных районах океанов и морей было развернуто около 80 подводных лодок, в том числе 15 атомных, 84 надводных корабля и 45 вспомогательных судов. К участию в маневрах было привлечено более двадцати полков морской авиации и два полка морской пехоты. От войск ПВО страны привлекалось три корпуса и три дивизии ПВО, в составе которых было 14 зенитных ракетных бригад и полков, 13 истребительных авиаполков, 7 радиотехнических бригад и полков и авиаэскадрилья самолетов радиолокационного дозора. От дальней авиации в маневрах приняли участие восемь полков с ресурсом 14 полковых вылетов. Авиация, принимавшая участие в маневрах, произвела свыше 5500 самолето-вылетов, а дальность полетов с дозаправкой в воздухе зачастую составляла более 7000 км. За это время было проведено 31 тактическое и командно-штабное учение, в том числе на СФ — 11, ТОФ — 8 и по 6 учений на БФ и ЧФ. Подводными лодками и надводными кораблями было выполнено около 1000 боевых упражнений, из них 64 — ракетные, 430 — артиллерийских и 352 торпедные стрельбы, 84 глубинных бомбометания, 57 минных постановок. При этом было применено 416 торпед, 68 ракет и 298 мин. В четырех десантах на берег было высажено свыше 2500 морских пехотинцев и более 420 единиц боевой техники, в том числе около 90 танков и свыше 200 артустановок и бронетранспортеров. В противодесантной обороне на берегу было развернуто около 3400 человек, 470 единиц боевой техники, включая 80 танков и 90 орудий, были оборудованы учебные минные поля в воде и на берегу и использованы другие противодесантные заграждения. Экипажи самолетов морской авиации произвели 860 бомбометаний, 219 торпедометаний, поставили 209 мин. При этом было использовано 788 бомб, торпед и мин².

Проведенные учения позволили уточнить некоторые положения теории стратегического применения ВМФ, дали содержательный материал для дальнейшего совершенствования системы оперативной и боевой подготовки сил ВМФ.

Решающий вклад центральных органов управления в подготовку и проведение этих учений был очевиден, поэтому закономерно, что на расширенной военно-научной конференции руководящего состава ВМФ, созванной в 1971 г. для обсуждения ключевых проблем военно-морского искусства, с основным докладом выступил начальник Главного штаба адмирал флота Н.Д. Сергеев.

Участники конференции провели глубокий анализ военно-политической и военно-стратегической ситуации и пришли к единому мнению относительно того, что ВМФ должен быть готов решать стоящие перед ним задачи на четырех океанских ТВД: Атлантическом, Тихоокеанском, Индийском и Арктическом. При этом главными из них были названы Атлантический и Тихооке-

анский ТВД, где, как ожидалось, развернутся главные события будущей войны на море.

Адмирал флота Н.Д. Сергеев отметил, что в Советском Союзе создан современный сбалансированный океанский флот, в составе которого имеются как стратегические, так и оперативно-тактические силы.

Применение морских стратегических ядерных сил предусматривалось в ходе стратегических операций по планам Верховного Главнокомандования. Уничтожение ударных группировок ВМС вероятного противника признавалось приоритетной задачей сил общего назначения.

В этих условиях значительно усложнилась деятельность Главного штаба по определению перспектив развития ВМФ на 10 — 20 лет вперед. Работа эта проводилась с участием институтов ВМФ и Министерства обороны, научных учреждений и работников центрального аппарата Министерства судостроительной промышленности, других организаций и учреждений страны.

На первом этапе прогнозировались перспективы развития средств вооруженной борьбы на море и системы взглядов на применение ВМФ, оценивалась эволюция технологической базы у нас и за рубежом, внимательно изучались результаты исследовательских работ, проводимых учеными, работавшими в области фундаментальной науки, и прикладные исследования. Одновременно готовилась новая научно-исследовательская база: модели и методики для исследований, в том числе и математические. По возможности решались проблемы, возникавшие из-за недостаточного оснащения наших институтов электронно-вычислительной техникой и другими средствами автоматизации проектно-конструкторских работ. Методики и математический аппарат рассматривались на расширенном координационном совете с участием разработчиков, поскольку ошибка, допущенная на этом этапе, могла привести к искажению конечных результатов исследований. Исходная информация по прикладным и фундаментальным НИР была объектом отдельного изучения, в нем активно участвовали офицеры Научно-технического комитета ВМФ, Оперативного и других управлений Главного штаба.

Отчет по работе на предварительном этапе рассматривался Военным советом ВМФ и коллегией Минсудпрома, утверждался главнокомандующим ВМФ и министром судостроительной промышленности. Лишь после этого он становился основой для выдачи оперативно-тактических заданий на проектирование кораблей и самолетов морской авиации, новых комплексов и систем вооружений. В последующем к оперативно-тактическим заданиям прилагались записки с военно-экономическим обоснованием строительства кораблей и производства новых систем вооружений.

Разумеется, как в любом большом деле, не обходилось без ошибок. Так, рассчитав боевой и численный состав ВМФ на два десятилетия вперед, забыли о том, что когда-то начнется массовая сдача на утилизацию кораблей, строившихся в сжатые сроки крупными сериями. Традиционным был остаточный принцип выделения средств на развитие береговой инфраструктуры флотов, в первую очередь жилого и казарменного фондов, учебной и ремонтной баз, а также вспомогательного флота.

Тем не менее в результате этой работы к 1986 г. был создан самый мощный в истории Российского государства ВМФ, в составе которого имелось более 1000 надводных кораблей и подводных лодок, в том числе 76 атомных подводных лодок с баллистическими ракетами. Четыре флота, шесть флотилий разнородных сил, пять флотилий атомных подводных лодок, шесть эскадр, свыше 100 дивизий и бригад боевых кораблей, мощная морская авиация, береговые войска, огромная инфраструктура составляли необозримое

поле деятельности руководства и личного состава ГШ ВМФ. И если опыт управления огромными океанскими флотами традиционных морских держав накапливался веками, то советские моряки периода “холодной войны” овладели этим искусством в считанные годы.

Помимо этого они овладели другим искусством — научились защищать национально-государственные интересы своей страны специфическими методами, характерными только для мирного времени, обеспечивая не только поддержание благоприятного оперативного режима в стратегически важных районах мира, но и соответствующего политического климата, в периоды кризисного развития предотвращая дальнейшее ухудшение обстановки, чреватой угрозой новой мировой войны.

К примеру, в 1967 и 1973 гг. быстрое наращивание сил боевой службы в Средиземном море по-своему повлияло на стабилизацию обстановки на Ближнем Востоке — не позволило США силами 6-го флота непосредственно вмешаться в арабо-израильские войны. При этом нужно было обладать чувством величайшей ответственности и руководить действиями своих сил настолько расчетливо, чтобы в периоды активных боевых действий на Ближнем Востоке не перейти грань допустимого, не привести к эскалации конфликта.

А такая опасность была реальной. Наши средства массовой информации в те годы умалчивали о том, насколько близко мы подходили к краю пропасти, в частности в сирийском порту Латакия морскому тральщику “Рулевой” и среднему десантному кораблю “СДК-37”, охранявшим советские транспорты с военными и гражданскими грузами, совместно с сирийскими военными кораблями и береговыми зенитными ракетными подразделениями приходилось непосредственно участвовать в отражении атак израильских самолетов.

Росту международного авторитета СССР способствовали демонстрации флага и визиты кораблей в иностранные порты. Только во втором полугодии 1978 г. и зимой 1979 г. 120 кораблей и судов из состава сил боевой службы совершили 13 официальных визитов и 367 деловых заходов в 61 порт 38 иностранных государств. И вся повседневная работа по обеспечению и согласованию этих мероприятий с десятками организаций лежала на плечах офицеров и служащих ГШ ВМФ.

Расширение районов плавания кораблей и полетов авиации потребовало соответствующей работы по налаживанию взаимодействия ГШ ВМФ с Министерством иностранных дел и зарубежными представительствами. 31 мая 1971 г. в ГШ был сформирован международно-правовой отдел, руководителем которого стал полковник П.Д. Бараболя.

Международно-правовой деятельности в ГШ ВМФ всегда уделялось много внимания. Многие аспекты международно-правового обеспечения боевой службы вошли в Руководство по боевой службе ВМФ 1970 г., а затем — в Руководство по взаимоотношениям с иностранными военными кораблями и властями, введенное в действие в 1972 г. приказом министра обороны СССР и переедававшееся в последний раз в 1987 г.

Особой заботой руководства ГШ ВМФ и личного состава международно-правового отдела было международно-правовое обеспечение прохода военных кораблей через проливные зоны Черного и Балтийского морей.

Поскольку через эти проливы разворачивались силы боевой службы и силы их наращивания, перед ГШ ВМФ стояла задача по максимуму использовать права СССР как балтийского и черноморского государства для обеспечения силового присутствия в оперативно важных районах. Особенно скрупулезно соблюдался режим прохода черноморскими проливами, учитывая ограничения, предусмотренные Конвенцией 1936 г. Лояльное отношение Турции к

проходу черноморскими проливами авианесущих крейсеров явилось зримым подтверждением правильности этой линии. Не меньший объем работы пришлось выполнить и по соблюдению военными кораблями ВМФ СССР режима плавания балтийскими проливами, особенно после 1966 г., когда в связи с принятием соответствующих законодательных актов Швецией и Данией порядок прохода балтийскими проливами значительно осложнился. Режим использования этой проливной зоны стал объектом тщательного изучения и также был по максимуму использован в интересах международно-правового обеспечения деятельности ВМФ.

Активизация военно-морской деятельности СССР в Мировом океане вызвала крайне негативную реакцию со стороны США и их союзников. Во время взаимного слежения кораблей и самолетов противостоящих друг другу флотов нередко возникали опасные ситуации, чреватые не только авариями и катастрофами, но и несанкционированным применением оружия. ГШ ВМФ стал инициатором переговорного процесса, направленного на предотвращение опасных инцидентов, способных перерасти в широкомасштабный военный конфликт.

В результате совместных действий сотрудников Министерства иностранных дел, руководства и личного состава ГШ ВМФ и доброй воли, проявленной представителями ВМС США, в 1972 г. между СССР и США было заключено Соглашение о предотвращении инцидентов в открытом море и в воздушном пространстве над ним. Оно оказало положительное влияние на общую обстановку в районах несения боевой службы, однако не привело к устранению опасных ситуаций, американские подводные лодки как до, так и после заключения этого соглашения неоднократно обнаруживались в советских территориальных водах (в районе Кольского полуострова и Камчатки). Тем не менее практика заключения подобных соглашений была признана правильной и продолжена в отношениях с другими морскими державами.

60 — 80-е гг. стали новым этапом в развитии военного и военно-технического сотрудничества с зарубежными странами по военно-морской линии. Советские моряки привлекались к оказанию непосредственной военной помощи правительствам дружественных стран. С марта 1972 г. специальная экспедиция кораблей ВМФ под командованием контр-адмирала С.П. Зуенко провела расчистку фарватеров и каналов от затонувших судов, а также траление, поиск и уничтожение мин на подходах к главным морским воротам республики Бангладеш — порту Читтагонг. Работы по расчистке порта, по своим масштабам не имевшие прецедента в продолжение предшествующих двадцати лет, были завершены в июне 1973 г. Значительно больший объем работ по уничтожению минных заграждений из якорных и донных мин в Суэцком заливе был выполнен в период с июля по ноябрь 1974 г. соединением под командованием капитана 1 ранга А.Н. Аполлонова, в состав которого были включены корабли ЧФ и ТОФ, в том числе противолодочный крейсер “Ленинград”, шесть морских, два базовых, два рейдовых тральщика и группа вертолетов, предназначенных для борьбы с минами.

Еще шире были масштабы военно-технического сотрудничества. На этом направлении напряженно работал отдел ГШ ВМФ, возглавляемый контр-адмиралом В.С. Козловым. Возродившись на новых условиях в середине 50-х гг., с выходом ВМФ СССР в Мировой океан он значительно расширил масштабы своей деятельности, в том числе поставки на экспорт кораблей и военно-морской техники; подготовки национальных военных кадров в военно-учебных заведениях ВМФ СССР, а в зарубежных странах — с помощью советских инструкторов; оказание практической помощи в строительстве и подготовке

зарубежных флотов путем направления в дружественные страны военных советников и специалистов; оказание технического содействия в развитии систем управления силами и подготовке национальных военно-морских кадров, учебных центров и классов, а также системы базирования и береговой инфраструктуры; выполнение ремонта кораблей и судов на советских судоремонтных заводах и в пунктах материально-технического обеспечения ВМФ; взаимные визиты руководства военно-морских флотов и делегаций.

Возможности советской промышленности не позволяли полностью удовлетворять запросы дружественных стран как по количеству (не более чем на 50 — 60%), так и по номенклатуре боевых кораблей, катеров, систем вооружений и военной техники. Правительства большинства стран, сотрудничавших с Советским Союзом в военно-морской области, особенно развивающихся, чаще всего изъявляли желание приобрести простые в эксплуатации сторожевые (патрульные) катера водоизмещением от 100 до 400 т с хорошим артиллерийским вооружением. Однако в 60-е — начале 70-х гг. такие катера в СССР почти не строились. Их проектирование и серийное строительство пришлось осваивать заново.

Зарубежным странам поставлялись подводные лодки проектов 613, 633, 641, 877Экм, большие ракетные корабли проекта 61мэ, малые ракетные корабли проекта 1234, ракетные катера проектов 205, 205у, 183р, 1241.1, эскадренные миноносцы проекта 30бис, артиллерийские катера проектов 191м, 368рс, 368п, торпедные катера проектов 123, 183, 206, сторожевые корабли проектов 50, 159, малые противолодочные корабли проектов 1226бис, 204, тральщики проектов 254, 266, 255к, 257дм, 1265, 1258, а также десантные корабли и катера.

Всего из состава ВМФ было поставлено на экспорт более 40 подводных лодок, свыше 900 надводных кораблей и катеров, а вместе с поставками непосредственно с предприятий судостроительной промышленности ВМФ обеспечил продажу за рубеж более 110 подводных лодок и около 1600 надводных кораблей и катеров. К 1985 г. сотрудничество по линии ВМФ осуществлялось с 30 дружественными странами, при этом оно все в большей степени приобретало двусторонний характер.

Другая сторона военно-технического сотрудничества состояла в том, что с середины 60-х гг. Польша и ГДР, успешно развивая с помощью Советского Союза свою судостроительную промышленность, смогли взять на себя постройку десантных кораблей, малых противолодочных кораблей и океанографических судов, предназначенных для пополнения корабельного состава ВМФ СССР.

«Морская мощь государства» — так назвал главный труд своей жизни Адмирал флота Советского Союза С.Г. Горшков, бессменно стоявший во главе ВМФ в продолжение почти 30 лет. Его соратниками были выдающиеся руководители ГШ ВМФ адмиралы флота Н.Д. Сергеев (1964 — 1977), Г.М. Егоров (1977 — 1981) и В.Н. Чернавин (1981 — 1985).

Адмирал флота Н.Д. Сергеев по праву может претендовать на наивысший результат по продолжительности руководства Главным штабом, причем в самые триумфальные его годы. До назначения на этот пост он приобрел огромный опыт штабной деятельности, блестяще руководил Организационным и Оперативным управлениями ГШ ВМФ, находился в центре всех главных событий своего времени. Большая работоспособность, исключительная личная организованность, умение схватывать мысли буквально на лету снискали ему уважение среди профессионалов, а доброжелательное отношение к подчиненным, флотский юмор и коммуникативность — любовь подчиненных.

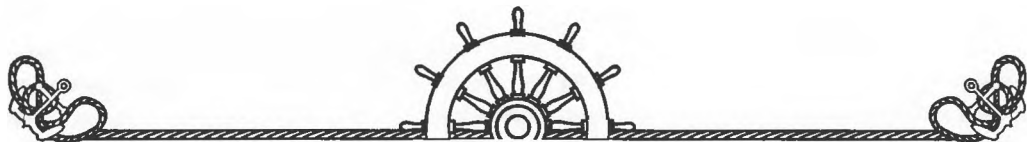
Тонкое понимание сути требований высших инстанций, увязка их с поставленными руководством страны задачами, природный такт в сочетании с высокой требовательностью выдвинули его в число наиболее авторитетных руководителей ГШ ВМФ.

Адмирал флота Г.М. Егоров, имевший за плечами огромный опыт службы на подводных лодках, командования соединениями и руководства боевой подготовкой ВМФ, став командующим СФ, был непосредственным организатором практического освоения атомных подводных лодок в период их бурного развития. Под его руководством велась подготовка к дальним походам, разработка теории применения сил ракетно-ядерного флота. Он проделал большую работу по созданию и совершенствованию системы базирования атомных подводных лодок и по подготовке их экипажей.

Адмирал флота В.Н. Чернавин стал первым из советских военных моряков послевоенных поколений, поднявшимся на высшую ступень штабной службы в ВМФ. До этого он служил на СФ, где за 30 лет занимал ряд ответственных должностей, и в том числе должности начальника штаба дивизии, флотилии и флота. Богатый опыт помог ему и на новом поприще в полной мере проявить свои недюжинные способности и блестящую профессиональную подготовку. Его отличали тактичный и интеллигентный стиль отношений с подчиненными, личная организованность, высокая требовательность, умение находить контакт с руководством. Его талант был оценен по достоинству. В середине 80-х гг. он стал первым начальником ГШ ВМФ, выдвинутым на должность главнокомандующего ВМФ.

ГШ ВМФ в 1966 — 1986 гг. представлял собой великолепный, слаженно работающий коллектив, служить в нем считалось высокой честью для каждого адмирала и офицера ВМФ. Его структура и функции соответствовали требованиям времени и должным образом учитывали опыт предшествующего развития центральных органов управления русского и советского флотов. ГШ ВМФ обеспечивал строительство и подготовку ВМФ. Его личный состав внес достойный вклад в развитие теории применения ВМФ, в практическое освоение форм и способов решения свойственных ему задач.

Опыт, накопленный ГШ ВМФ в период глобального противостояния в Мировом океане, разумеется, не поддается однозначным оценкам, однако это был один из самых ярких периодов в трехсотлетней истории Российского флота, и потому он является неоценимым источником для дальнейшего развития военно-морской мысли и определения перспектив строительства ВМФ в XXI столетии.

НА ПЕРЕЛОМЕ 1987 — 1997 гг.

Во вторую половину 80-х гг. ВМФ СССР вступил в зените своего могущества, но с грузом проблем, обусловленных нарастанием кризисных явлений в плановой экономике и в жизни советского общества. Несмотря на это, высшее военно-политическое руководство страны и командование Вооруженных Сил уверенно смотрели в будущее, полагая, что соперничеству с Соединенными Штатами альтернативы нет. Конечно, они понимали, что ракетно-ядерное противостояние уже приобрело запредельный характер, и, сталкиваясь с нараставшими год от года экономическими и политическими проблемами, искренне стремились понизить его уровень.

В соответствии с планами развития Советских Вооруженных Сил после 1990 г. предусматривалось ввести в состав ВМФ шесть авианесущих кораблей и атомный авианосец, вооруженный палубными самолетами нового поколения. Реализация этой программы начиналась успешно.

Важное место в рамках общего замысла применения ВМФ, как и прежде, отводилось ракетно-артиллерийским кораблям океанской зоны, предназначенным для обеспечения боевой устойчивости группировок сил флота, уничтожения боевых кораблей и судов, наземных целей, огневой поддержки морских десантов и выполнения других задач.

В отличие от ВМС США в составе ВМФ СССР уделялось значительное внимание развитию кораблей и катеров морской зоны. Поэтому наряду с тяжелыми атомными ракетными крейсерами водоизмещением свыше 23 тыс. т и ракетными крейсерами с обычной энергетической установкой на вооружение ВМФ поступали малые ракетные корабли, ракетные и артиллерийские катера, вооружение, энергетика и тактические свойства которых быстро совершенствовались.

Класс противолодочных кораблей был представлен противолодочными крейсерами, большими противолодочными, сторожевыми и малыми противолодочными кораблями.

Впервые в истории отечественный флот располагал соединениями современных десантных кораблей.

Шли испытания кораблей принципиально новых проектов, обладавших огромными потенциальными возможностями. Среди них, в частности, были корабли-экранопланы.

В целом развитие боевых надводных кораблей шло по пути их универсализации, что обещало в будущем значительное сокращение корабельного состава.

ва при сохранении и даже наращивании суммарного боевого потенциала сил ВМФ, поскольку предусматривался многократный рост эффективности ударных и оборонительных комплексов морского оружия, предназначенных для размещения на борту носителей всех классов, в том числе и за счет внедрения многофункциональных систем.

Важным родом сил ВМФ оставались береговые войска, состоявшие из войск береговой обороны, морской пехоты и береговых ракетно-артиллерийских войск. На их вооружение поступали специальные боевые и технические средства, а также армейские комплексы и системы. Взгляды на применение морской пехоты, их подготовка и состав вооружения адаптировались к современной концепции мобильных сил. Развитие береговых ракетно-артиллерийских войск шло в направлении создания высокоточных разведывательно-ударных комплексов.

Класс кораблей специального назначения пополнялся разведывательными кораблями, плавучими базами подводных лодок и надводных кораблей. Строились плавучие ракетно-технические базы, плавучие технические базы, корабли комплексного снабжения, поисково-спасательные и другие корабли. Для обеспечения действий сил флота использовались специальные суда (радиационной безопасности и химической защиты, навигационного и гидрографического обеспечения, аварийно-спасательные, технического и медицинского обеспечения).

Концепцией развития корабельных и авиационных комплексов оружия предусматривалось повышение точности выхода на цель, уменьшение радиолокационной заметности, повышение помехозащищенности систем самонаведения, снижение массогабаритных характеристик, унификация.

В основу развития средств борьбы с подводными лодками было положено повышение эффективности обнаружения и поражения малозумных подводных лодок во всем диапазоне их скоростей и глубин погружения. Наряду с совершенствованием гидроакустических комплексов создавались многоканальные системы неакустических средств обнаружения подводных лодок, регистрирующие их физические поля (магнитное, электромагнитное, гравитационное, оптическое и др.), а также поля кильватерного следа. По многим направлениям развития военно-морской техники СССР уверенно лидировал в группе ведущих морских держав мира.

В повседневной и боевой деятельности сил флота все большее значение приобретали сложные межвидовые системы, прежде всего космические. Масштабы использования ВМФ космических средств в интересах связи, разведки, целеуказания и навигации непрерывно возрастали.

Вместе с тем оставались проблемы, над решением которых приходилось работать годами. Тем более что соперники ВМФ СССР не желали уступать ни в чем и располагали для этого почти неограниченными возможностями.

К примеру, только на совершенствование глобальной системы обнаружения советских подводных лодок США в 1977 — 1982 гг. израсходовали свыше 30 млрд долларов, а в середине 80-х гг. вновь заявили о своей готовности выйти на новый виток гонки морских вооружений.

В этих условиях приходилось искать новые способы решения общих стратегических задач, свойственных ВМФ.

И эти способы были найдены. Ярким подтверждением тому стала проведенная в начале 1987 г. операция подводных сил, инициатором которой был главнокомандующий ВМФ адмирал флота В.Н. Чернавин.

Замыслом ее предусматривалось скрытное развертывание дивизии атомных подводных лодок СФ в Западной Атлантике в целях вскрытия оперативной обстановки в этом важном районе Мирового океана.

Операция удалась блестяще. Когда подводные лодки в назначенное время покинули Западную Лицу и обычным маршрутом вышли в Норвежское море, противолодочные силы и средства стран НАТО обнаружили их, однако активности выше обычной не проявили. А затем случилось то, что надолго осталось в памяти компьютеров вероятного противника СССР в качестве кошмарного примера бессилия высокоэффективной системы противолодочной войны, разработанной блестящими теоретиками ВМС США и НАТО.

В установленное время пять подводных лодок как будто растворились в темных глубинах Атлантики. В течение восьми суток, пока продолжалось их развертывание в Саргассовом море, многочисленные противолодочные силы США и их союзников по НАТО метались по океану, но успеха не имели.

Это была победа!

На пути в свою базу, даже будучи обнаруженными, советские подводники легко отрывались от преследования.

Анализируя результаты операции, в Главном штабе пришли к однозначному выводу: сил и средств для тотального контроля над Атлантикой в случае массового выхода наших атомных подводных лодок у ВМС США и НАТО уже не хватит, что, несомненно, означало — за четверть века подводные силы ВМФ СССР смогли выйти на новый качественный уровень. Абсолютное превосходство Соединенных Штатов на море уже не казалось неоспоримым.

Между тем стремительно приближалось время заката социалистического содружества и его военной организации — Варшавского Договора.

Пытаясь ответить на вызов времени, руководство СССР во главе с М.С. Горбачевым предпринимало отчаянные усилия для сохранения своего лидирующего положения в мире и одновременно — для снижения расходов на оборону, которое рассматривалось в качестве решающего условия для вывода советской экономики из кризиса.

Мировому сообществу было предложено так называемое «новое мышление», а советскому народу и его Вооруженным Силам — «оборонительная» доктрина как неотъемлемая составная часть этого политического курса.

Теоретические конструкции, в соответствии с которыми десятилетиями велись строительство и подготовка сил армии и флота, обрушивались на глазах. Попытки найти способы решения стратегических задач, адекватные расплывчатым установкам нового партийно-государственного руководства, сразу же завели советскую военную науку в тупик. Начались бесплодные дискуссии о соотношении наступательных и оборонительных действий. Организация Варшавского Договора и Советский Союз остались без военной доктрины, что не в последнюю очередь стало причиной их крушения.

События начала 90-х гг. поставили Вооруженные Силы распавшегося СССР и, в частности Военно-Морской Флот, в чрезвычайно сложное положение. На

Балтике с 1991 г. ВМФ безвозвратно потерял 80% военно-морских баз, в том числе 11 из 16 пунктов рассредоточенного базирования, и 60% причального фронта. Морская авиация лишилась третьей части своих аэродромов. Под юрисдикцией образовавшихся независимых государств оказалось 80% объектов системы берегового наблюдения, половина жилого фонда, 60% складов оружия и других материальных средств бывшего единым ВМФ.

На юге Россия оказалась отброшенной к рубежам, с которых когда-то начиналась ее борьба за выход в Черное море.

На Каспии была потеряна почти вся инфраструктура флотилии, а также более половины запасов оружия и технических средств.

Беспорядочному разделу подверглась промышленно-технологическая база развития ВМФ, созданная трудом всего советского народа. Была уничтожена единая система обеспечения безопасности мореплавания, созданная в течение нескольких веков. Только на Балтике 75% маяков и других навигационных средств, входивших в состав Главного управления навигации и океанографии Министерства обороны, оказались за границей.

Прекращение деятельности десятков полигонов и учебных центров пагубно отразилось на качестве боевой подготовки.

Ни одна война за 300 лет истории отечественного флота не приводила к таким безвозвратным потерям, в том числе и в системе управления военно-морскими силами.

Тем не менее наиболее распространенным словом, характеризующим деятельность Вооруженных Сил в последнем десятилетии века, стало слово «реформа».

Впервые оно было произнесено вслух в июле 1987 г., хотя о конкретных планах ее проведения речь еще не шла. Концепция реформы также оставалась неясной, очевидно было лишь то, что речь идет главным образом о снижении затрат на содержание Вооруженных Сил.

Это предположение вскоре подтвердилось. 4 сентября 1987 г. министр обороны СССР, выполняя указания ЦК КПСС, издал приказ «О сокращении численности и совершенствовании организационной структуры Центрального аппарата Министерства обороны СССР». В соответствии с ним органы центрального управления ВМФ подлежали сокращению на 15%. Это было первое значительное сокращение их численности за многие годы и даже десятилетия. В ходе крупных мероприятий, проводившихся до этого, снижение общей численности, как правило, не превышало 4—5%.

К тому же ранее никогда не ставилась цель кардинального пересмотра сложившейся структуры органов управления, а в 1988 г. мероприятия однозначно направлялись на это. К примеру, в отношении Главного штаба ВМФ их замыслом предусматривалось:

- когда численность управлений после сокращения оказывалась менее 35 человек, преобразовывать эти структурные подразделения в службы или отделы;
- отделы и направления, в которых оставалось менее 10 человек, сливать с другими родственными отделами (направлениями) или реформировывать в группы.

В результате преобразований, проведенных в соответствии с этой концепцией, Управление связи ВМФ было включено в состав Главного штаба, Управление РЭБ и ПЛБ были реформированы в службы, причем началь-

ник Службы противолодочной борьбы стал одновременно заместителем начальника Главного штаба по ПЛБ. В состав Оргмобуправления был включен отдел подготовки и комплектования.

На базе отдела АСУ была создана служба автоматизации системы боевого управления. Управление военно-технического сотрудничества было преобразовано в отдел, а международно-правовой отдел — в группу и включен в состав Оперативного управления. Другие управления и отделы ГШ ВМФ подверглись сокращению в меньшей степени и сохранили свою структуру.

В результате первой масштабной реорганизации численность центральных органов управления ВМФ сократилась на 246 человек.

В 1989—1991 гг. сокращения и реформирования были продолжены. В результате этих преобразований отдел подготовки водного транспорта был исключен из состава Главного штаба, переименован в службу военных сообщений и введен в состав тыла ВМФ, а метрологическая служба была исключена из состава аппарата управления кораблестроения и вооружения и включена в состав ГШ ВМФ.

События августа 1991 г. повлекли за собой ликвидацию политических органов, взамен которых в начале 1992 г. в центральном аппарате ВМФ был сформирован небольшой орган по работе с личным составом во главе с помощником главнокомандующего ВМФ по работе с личным составом. Помощник по работе с личным составом появился и у начальника Главного штаба.

7 мая 1992 г. Указ Президента Российской Федерации «О создании Вооруженных Сил Российской Федерации» подвел черту под дискуссиями о возможности сохранения единых Вооруженных Сил СНГ. Вновь был поднят вопрос о новой военной доктрине и о военной реформе. Были заявлены основные направления строительства Российских Вооруженных Сил, в рамки которых предстояло вписать концепцию развития ВМФ, которая предусматривала следующее:

1. Поэтапное сокращение численности Вооруженных Сил с 2 800 тыс. человек, находившихся под юрисдикцией России к маю 1992 г., до 1 500 тыс. к 2000 г. (последняя цифра была фактически произвольной, поскольку обоснована лишь тем, что страна якобы не может иметь Вооруженные Силы, по численности превышающие 1% ее населения);

2. Переход к смешанной системе комплектования Вооруженных Сил на основе призыва и добровольного поступления на службу по контракту, а в дальнейшем (с отменой призыва) — к системе, основанной исключительно на добровольной службе;

3. Сокращение и совершенствование системы управления, включая центральные органы. Автоматизация управления войсками и силами;

4. Приоритетное развитие видов Вооруженных Сил, имеющих на вооружении наиболее эффективные системы вооружений и обладающих наиболее высокой мобильностью (ВВС, ВМФ и ПВО);

5. Сокращение номенклатуры и количества выпускаемых вооружений и военной техники; внедрение в производство оборонной продукции высоких технологий; коренная реорганизация системы военных научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ; установление нового порядка размещения военных заказов на предприятиях промышленности.

Намеченные преобразования по сути своей были радикальными и прогрессивными. Их реализация в намеченные сроки обещала превращение Российских Вооруженных Сил в более компактный и лучше управляемый современный воинский организм, отвечающий самым высоким требованиям начала XXI в. Вместе с тем в конкретно-исторических условиях начала 90-х гг. они не были реальными и, как это уже подтверждено горьким опытом, совершенно не учитывали динамики развития кризисных явлений в российской экономике, обществе и государстве.

К тому же Россия приступила к реформированию Вооруженных Сил, еще не имея военной доктрины. Поэтому в силу сложившихся самым неблагоприятным образом политических, экономических и финансовых причин из всего перечня мероприятий по реформированию военной организации государства неукоснительно выполнялся только первый пункт — сокращение боевого и численного состава.

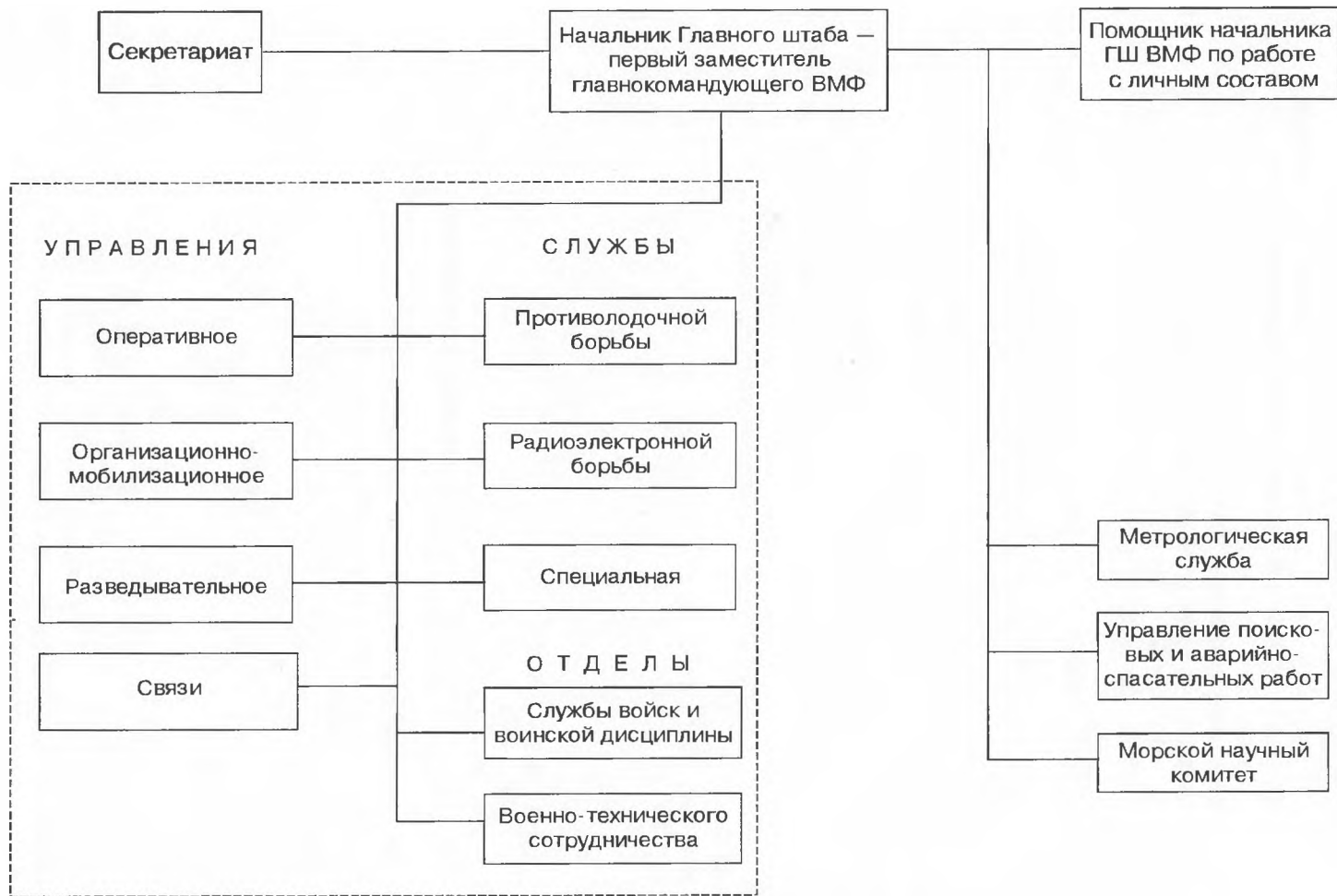
В период с 1992 по 1994 г. ВМФ был сокращен на 18%, а к началу 1997 г. уже на 50% (при сокращении общей численности Вооруженных Сил на 40%). Боевой состав ВМФ за эти годы также сократился почти вдвое, в том числе: подводные лодки — на 41%, надводные корабли — на 46%, боевые катера — на 54%, морская авиация — на 58%. При этом из состава ВМФ исключались не только морально устаревшие корабли, но также и не выслужившие установленные сроки, однако утратившие боеспособность из-за отсутствия средств на проведение планового ремонта.

Одновременно была значительно сокращена численность центральных органов, включая управления, службы и отделы ГШ ВМФ (рис. 20). Несмотря на это, усилия руководства Главного штаба неизменно направлялись на сохранение основных боевых соединений флотов, приведение структуры органов управления соединений, частей и учреждений обеспечения в соответствии с новым боевым и численным составом и содержанием стоявших перед ВМФ задач.

В этих целях предусматривалось перераспределение корабельного состава между флотами; оптимизация оргштатной структуры соединений и частей обеспечения в соответствии с боевым составом, создание комплексного и тылового обеспечения; сокращение количества баз и складов вооружения, слияние малочисленных частей и подразделений; реорганизация базы мобилизационного развертывания сил флотов.

При этом имелось в виду, что основу боевого потенциала ВМФ составляют и будут составлять впредь атомные подводные лодки с баллистическими ракетами, многоцелевые атомные и дизельные подводные лодки третьего поколения, авианесущие и ракетные крейсера, а также эскадренные миноносцы и большие противолодочные корабли.

Несмотря на тяжелое экономическое положение страны, командование ВМФ во главе с новым главнокомандующим адмиралом Ф.Н. Громовым сумело настоять на том, что продолжение строительства боевых кораблей новых проектов, хотя бы единичных, критически важно. Были достроены атомный ракетный крейсер проекта 1144 «Петр Великий», несколько кораблей проектов 956 и 1155. В 1993 г. было начато строительство головной атомной многоцелевой подводной лодки нового проекта, а в 1996 г. заложен первый ракетный подводный крейсер стратегического назначения четвертого поколения. В

Рис. 20. Структура Главного штаба ВМФ с января 1997 г.

конце 1997 г. завершалась подготовка к строительству дизельной подводной лодки, эскадренного миноносца и универсального корабля океанской зоны, а также морского тральщика новых проектов.

С учетом того, что перспективная кораблестроительная программа отсутствует, а строительство новых кораблей ведется по годовым планам, ГШ ВМФ принимались все возможные меры для сохранения существующего корабельного состава. В сложившейся ситуации с кораблестроением и судоремонтом к началу третьего тысячелетия в составе ВМФ России предполагалось иметь более 110 подводных лодок (в том числе не менее 20 ракетных подводных крейсеров стратегического назначения), около 250 надводных кораблей и свыше 100 боевых катеров.

После распада СССР ГШ ВМФ пришлось проделать огромную работу по пересмотру существовавших ранее мобилизационных планов.

Из схемы мобилизационного развертывания были исключены соединения и части, которые в новых условиях не могли осуществить отмобилизование и привести себя в боевую готовность в установленные сроки; из боевого состава флотов были выведены надводные корабли и подводные лодки, не способные выполнять боевые задачи.

В связи с восстановлением Балтийской военно-морской базы и формированием Новороссийского военно-морского района, а также переносом главной базы Каспийской флотилии в г. Астрахань были пересмотрены объемы их мобилизационного развертывания, увеличены задания комплектуемым военным комиссариатам на призыв и поставку мобилизационных людских и транспортных ресурсов.

Ведущие управления ГШ выполнили масштабные мероприятия по корректуре оперативных планов, коренной переработке планов боевой службы, пересмотру (в сторону сокращения) планов оперативной и боевой подготовки.

Тем не менее даже после этого Главному штабу ВМФ в основном удалось сохранить уровень мобилизационной готовности флотов.

Сокращение объемов ассигнований, направляемых на развитие Вооруженных Сил, началось уже в 1989 г. До 1991 г. оно в основном соотносилось с темпами сокращения численности армии и флота и составляло 5—10% ежегодно.

В то время ГШ ВМФ еще мог организовать планомерное сокращение номенклатуры и объемов заказов вооружения и военной техники при условии поддержания боевой готовности на требуемом уровне и сохранении научно-технической и производственной базы промышленности.

Однако с 1992 г. реальные масштабы ежегодного урезания бюджетных ассигнований, предназначавшихся для финансирования ВМФ, namного превзошли самые пессимистические прогнозы. К тому же оно стало произвольным и никак не соотносилось с фактическими потребностями и задачами, которые силам флота приходилось решать даже в этих почти невыносимых условиях.

В связи с этим было прервано многолетнее плодотворное сотрудничество с рядом предприятий и конструкторских бюро, которые отказались от размещения заказов ВМФ без твердых гарантий их оплаты. К этому следует прибавить, что ряд предприятий, выпускавших морские вооружения и военную технику, после распада СССР оказались за границей. Несмотря на это, Главному штабу и заказывающим управлениям ВМФ совместными усилиями удалось сохранить

основную номенклатуру кораблей, вооружения и военной техники и большую часть своей промышленно-технологической базы. Более того, формирование плана выпуска вооружения и военной техники в «особый период», его ежегодная корректировка и контроль за состоянием мобилизационной готовности предприятий промышленности по-прежнему стоят в ряду важнейших задач ГШ ВМФ и, что надо особо отметить, — решаются.

Проблем с распадом СССР возникло неисчислимое множество, некоторые в обозримой перспективе выглядят практически неразрешимыми. Выше уже отмечалось, что система базирования ВМФ в 1992—1996 гг. претерпела значительные изменения. Были сокращены 23 пункта базирования корабельных сил, 15 основных и 15 запасных аэродромов, что составляет 30% общего их числа в начале 90-х гг. Одновременно в целях удешевления содержания сил ВМФ практически все соединения и части флотов переведены из удаленных районов в наиболее обустроенные пункты.

Адмиралы и офицеры ГШ ВМФ — неизменные участники всех мероприятий, проводимых в рамках многолетнего и крайне сложного переговорного процесса по поводу судьбы Черноморского флота и его базирования в Крыму. Пока удалось лишь приблизиться к решению этой проблемы, а как она будет окончательно решена, покажет только будущее.

Организуя деятельность ГШ ВМФ, его руководство неизменно исходило из того, чтобы в развитии самих органов управления ВМФ не наступило перерыва даже в это сложное время.

25 января 1989 г. был создан Центральный вычислительный центр ВМФ. Его возглавил капитан 1 ранга В.В. Трошин. Четыре большие ЭВМ с отлаженным программным обеспечением, локальные вычислительные сети полностью обслуживают Центральный командный пункт ВМФ, Оперативное управление и другие структурные подразделения ГШ. Активно используются персональные ЭВМ, которые применяются для моделирования операций, решения оперативно-тактических задач, производства планово-статистических и других расчетов. С учетом ограничения средств, выделяемых на проведение мероприятий оперативной подготовки, прорабатываются предложения о более широком использовании в этих целях компьютерной техники и программ, моделирующих ведение боевых действий объединениями и соединениями родов сил флота.

В 1992 г. на базе Научно-технического комитета и Центра оперативно-тактических исследований ГШ ВМФ, образованного в 1988 г., был сформирован Морской научный комитет, подчиненный начальнику Главного штаба. В составе комитета значительно выросло число специалистов оперативно-тактического профиля. Его первым председателем стал контр-адмирал А.А. Паук.

Созданная в 1983 г. служба автоматизации средств боевого управления, начальник которой одновременно был одним из заместителей начальника ГШ ВМФ, в декабре 1994 г. была включена в состав Оперативного управления в качестве одного из его подразделений.

Произошли перемены и в деятельности ГШ ВМФ в области военно-технического сотрудничества с зарубежными странами, в первую очередь в связи с тем, что с переходом к рыночным отношениям Россия потеряла большинство своих традиционных партнеров, предпочитавших брать оружие на льготных условиях, в лучшем случае расплачиваясь за него бартерными поставками.

В новых условиях военно-техническое сотрудничество с зарубежными странами, которое ведется под руководством ГШ ВМФ, предусматривает:

— оказание содействия предприятиям промышленности силами и средствами ВМФ в обеспечении поставки на экспорт кораблей и военно-морской техники;

— поставку на экспорт кораблей и военно-морской техники из состава ВМФ (в ограниченном объеме и с учетом реальных возможностей);

— оказание помощи военно-морским силам иностранных государств в организации перехода кораблей, закупленных в России, к местам их постоянного базирования, а также в их освоении, эксплуатации и боевом применении, в том числе с помощью инструкторов и специалистов ВМФ;

— обучение экипажей поставляемых кораблей, специалистов-ремонтников для них;

— подготовку специалистов с оперативно-тактическим и тактическим уровнем образования в Военно-морской академии и высших военно-морских училищах;

— участие в создании и развитии береговой инфраструктуры иностранных ВМС;

— ремонт кораблей и судов ВМС иностранных государств на судоремонтных заводах ВМФ в России;

— участие в международных выставках вооружения и военной техники;

— организацию обмена официальными визитами должностных лиц руководства ВМФ России и командования военно-морских сил зарубежных государств, а также обмена военно-морскими делегациями.

Успешное решение перечисленных выше задач позволяет ВМФ иметь дополнительный источник внебюджетных поступлений, которые используются в основном для решения социальных проблем военнослужащих. Кроме того, это способствует сохранению научно-технического потенциала военно-промышленного комплекса и рабочих мест на предприятиях и в проектно-конструкторских учреждениях.

В эффективности системы военно-технического сотрудничества, отработанной ГШ ВМФ в течение десятилетий, сегодня вновь убеждаются бывшие традиционные партнеры Советского Союза, которые в период его распада и становления новой, российской государственности предпринимали попытки перевести вектор военно-технического сотрудничества на Запад, и те государства, с которыми у нас только налаживаются перспективные отношения в этой области.

В тяжелых условиях переходного периода перед руководством ГШ ВМФ встают неожиданные проблемы, о существовании которых еще десять лет назад не могло быть и речи.

В одну из самых трудновыполнимых превратилась некогда рутинная задача комплектования кораблей и частей личным составом, особенно матросами и старшинами.

Трудности с призывом стали нарастать лавинообразно с введением в 1991 г. отсрочек от призыва на военную службу для студентов дневных (очных) высших учебных заведений и учащихся учреждений профессионального образования, а также в связи с расширением льгот призывникам по состоянию здоровья и семейному положению. Причем острота этой проблемы усилива-

лась год от года, особенно после того как с 1 января 1995 г. права на отсрочку от призыва были даны студентам техникумов и профессионально-технических училищ.

Особенно тяжелыми оказались 1994 и 1995 гг., когда укомплектованность матросами и старшинами в среднем по ВМФ снижалась до 75%, а на флотах и того ниже. Так, на СФ она составляла 71,9%, на ТОФ — 72,7%, а на ЧФ — всего лишь 65,5%. Принятие в апреле 1995 г. поправки к Закону РФ “О воинской обязанности и военной службе” в части, касающейся отмены отсрочек от призыва граждан на военную службу, а также увеличения срока действительной военной службы до двух лет, коренным образом ситуацию с комплектованием флотов матросами и старшинами не изменило (пока преждевременно ждать эффекта и от принятия нового Федерального Закона, подписанного Президентом РФ 4 апреля 1998 г.). Во второй половине 1996 г. укомплектованность ВМФ матросами и старшинами командованию и руководству ГШ ВМФ удалось повысить до 84,7%, но уже к 1 января 1997 г. она вновь упала до 81%. При этом фактическая укомплектованность кораблей и воинских частей значительно ниже и составляет всего около 65%. Причинами этого является то, что около 5000 человек постоянно находятся в отпусках, около 2500 проходят стационарное лечение, а около 2000 человек в течение полугодия увольняются в запас по семейному положению, состоянию здоровья и другим причинам. Низкая укомплектованность кораблей и воинских частей матросами и старшинами привела к физическим и моральным перегрузкам личного состава, отрицательно влияет на боеготовность кораблей и воинских частей, увеличивает вероятность аварий и аварийных происшествий.

Для компенсации вредных последствий этих явлений ГШ ВМФ пришлось идти на вынужденные меры: комплектовать до установленных норм корабли и подводные лодки постоянной готовности и резко снижать уровень укомплектованности кораблей резерва и береговых частей. В результате этого укомплектованность кораблей резерва и береговых частей тылового обеспечения сегодня не превышает 40%. Из-за низкой укомплектованности некоторые части уже не способны в полном объеме решать возложенные на них задачи.

Анализ поступившего в 1995—1996 гг. молодого пополнения свидетельствовал о резком снижении качественных показателей призывников. Так, более 35% из них оказались негодными для службы в плавсоставе по состоянию здоровья, около 22% состояли на учете в милиции или имели судимость. В среднем значительно упал и образовательный уровень призывников. До 1991 г. подавляющее большинство из них (98,8%) имело среднее образование, в том числе 5—7% — среднее техническое. Уже в 1993 г. число призывников с образованием ниже 8—9 классов увеличилось до 21%, в 1994 г. — до 25,5%, а в 1996 г. — до 41%.

Изменился и социальный статус молодежи. Из призывников 1996 г. около 70% работали в промышленности, сельском хозяйстве, на частных предприятиях, 11,5% обучались в учебных заведениях, остальные нигде не работали и не учились. Имеет место устойчивая тенденция роста числа молодых матросов, не способных освоить за время действительной военной службы сложную военную технику и флотскую специальность. Это привело к увеличению числа полумок технических средств и вооружения, срывам сроков выполнения за-

дач боевой подготовки и снижению качества их отработки. И хотя учебная сеть ВМФ сохранила достаточное количество школ и учебных центров, опытных преподавателей и инструкторов, снижение уровня подготовки младших специалистов налицо.

Совершенно неожиданно для командования ВМФ в начале 90-х гг. возникла проблема с массовым ухудшением состояния здоровья молодых матросов. В 1996 г. по этой причине около 30% матросов были признаны негодными для службы на надводных кораблях и подводных лодках. Из года в год растет число призывников, имеющих дефицит веса, в 1994 г. таких было 14%, а в 1996 г. уже 20%.

В отличие от призывников периода 1966—1986 гг. нынешняя флотская молодежь выглядит слабо подготовленной к военной службе не только физически, но и морально. Поскольку оказывать прямое влияние на качество призывного контингента командование ГШ ВМФ не в состоянии, руководство ВМФ после тщательного анализа приказа министра обороны РФ 1995 г. № 315 вынуждено было информировать Генеральный штаб Вооруженных Сил и штабы военных округов о недостатках в работе военкоматов по отбору и направлению призывников для службы в ВМФ, понимая, что лишь принятие срочных мер в общегосударственном масштабе позволит надеяться на решение этих проблем в обозримом будущем.

А пока для ликвидации такого заболевания, как гипотрофия (дефицит веса), по указанию ГШ ВМФ на флотах были созданы специальные подразделения реабилитации. На улучшение качества комплектования кораблей была нацелена работа групп профессионально-психологического отбора.

Важнейшим этапом в реформировании флота стали Постановление Правительства РФ от 30 ноября 1992 г. № 918 и приказ министра обороны РФ от 12 декабря 1992 г. № 278 о переходе с 1 января 1993 г. на смешанный принцип комплектования кораблей и воинских частей ВМФ, в результате чего часть матросов, старшин и сержантов приобрела право проходить военную службу по контракту. Это позволило отчасти повысить уровень профессионализма младших специалистов, понизить процент ежегодной сменяемости личного состава воинских частей и экипажей кораблей, укрепить организованность, дисциплину и правопорядок в воинских коллективах.

К 1 января 1997 г. по контракту на должностях матросов, старшин и сержантов в ВМФ проходило военную службу более 27 тыс. человек, в том числе не менее 12 тыс. женщин. Однако к существенному повышению укомплектованности старшинами и матросами кораблей и частей это пока не привело. Учитывая это, ГШ ВМФ в начале 1996 г. разработал и направил в Генеральный штаб предложения по совершенствованию системы комплектования должностей младших специалистов военнослужащими, проходящими службу по контракту. Реализация этих предложений, по мнению командования ВМФ, должна была улучшить положение с комплектованием кораблей и частей.

Почти одновременно пришлось решать проблемы с подготовкой офицерских кадров, которые возникли в связи с распадом Советского Союза. Четыре высших военно-морских училища оказались за пределами территории Российской Федерации. Потеря Киевского и Каспийского училищ была компенсирована относительно легко, но утрата Черноморского высшего военно-морского училища им. П.С. Нахимова, где готовились специалисты-ракетчики, и Се-

вастопольского высшего военно-морского инженерного училища, готовившего специалистов по обслуживанию атомных энергетических установок, нанесла ощутимый удар по всей системе подготовки офицеров флота. Несмотря на эти потери, к 1995 г. удалось восстановить целостность системы военно-морского образования на учебной базе семи оставшихся в России высших училищ.

Эти меры в значительной степени позволили выправить кризисное положение с комплектованием кораблей и частей ВМФ личным составом.

Таким образом, несмотря на проведенные сокращения, сложности в материально-техническом обеспечении, постоянное сокращение бюджетных ассигнований и систематическое невыполнение бюджетных назначений, ВМФ удалось сохранить ядро боевого состава, основные объединения и соединения, системы управления силами, боевого, технического и тылового обеспечения. Военно-Морской Флот и в существующем составе способен решать свойственные ему задачи.

В самое сложное время переходного периода ГШ ВМФ возглавляли адмирал флота К.В. Макаров (1985 — 1992) и адмирал В.Е. Селиванов (1992 — 1996).

К.В. Макаров, имея большой опыт плавания на атомных подводных лодках, в последующем обогатил его работой в Оперативном управлении ГШ ВМФ, руководил штабом флота, а затем командовал КБФ. Этот опыт он успешно применил, будучи начальником ГШ ВМФ, решая проблемы планирования применения сил ВМФ и организационно-мобилизационных мероприятий, проводившихся в критической обстановке в сложный период распада СССР.

Адмирал В.Е. Селиванов приобрел немалый опыт службы на надводных кораблях, последовательно занимая должности от командира эсминца до командира 5-й эскадры кораблей ВМФ, был начальником штаба ЧФ, командовал Ленинградской военно-морской базой. Разносторонний опыт командования соединениями, штабной работы и выполнения задач боевой службы позволил ему грамотно руководить Главным штабом и в период сокращения ВМФ добиваться сохранения боеспособности ВМФ.

В 1996 г. начальником ГШ ВМФ был назначен адмирал И.Н. Хмельнов, который до этого командовал Тихоокеанским флотом.

С июля по декабрь 1997 г. Главный штаб возглавлял адмирал В.И. Куроедов. В качестве начальника штаба БФ и командующего ТОФ он приобрел опыт работы по сохранению и поддержанию боевой готовности крупных группировок сил флота в сложных условиях периода реформирования, что помогло ему быстро освоить обязанности начальника штаба. С ноября 1997 г. он возглавил ВМФ, став главнокомандующим.

На рубеже нового века, на основе комплексного анализа геополитической обстановки, вызовов и угроз, которые могут возникнуть для России с океанских и морских направлений, Главным штабом подготовлены и внесены предложения об уточнении задач ВМФ в мирное и военное время.

Идет работа по пересмотру основных положений теории применения сил ВМФ, и прежде всего взглядов на их участие в стратегических операциях на ТВД, содержание операций флота и флотилий и других форм действий, характерных для вооруженной борьбы на море в современных условиях.

Чрезвычайно важной проблемой является адаптация отечественной школы военно-морского искусства к требованиям новейшего времени, выдвинувшего на первый план задачи по предотвращению больших войн путем локализации региональных конфликтов в первую очередь на территории России и государств СНГ. Совершенно новые задачи перед ВМФ возникают в связи с участием нашей страны в миротворческих действиях самостоятельно и под эгидой ООН, а также в возвращающейся практике ограниченного военного присутствия в оперативно важных районах Мирового океана и акциям по обеспечению безопасности морской деятельности.

История и современность, которые сегодня сливаются в единое русло напряженной повседневной деятельности личного состава Главного штаба Военно-Морского Флота, дают нам уверенность, что эти задачи будут успешно решены.

⚓

⚓ ⚓

⚓ ⚓ ⚓

М.А. Петров. Видный теоретик Советского ВМФ. Отстаивал идею сохранения Морского генерального штаба.

⚓

Э.С. Панцержанский. Видный деятель Российского ВМФ. Выступал за стратегическую самостоятельность Военно-Морского Флота.

⚓ ⚓

⚓ ⚓ ⚓

Адмирал Л.М. Галлер. Начальник Главного морского штаба ВМФ СССР (1938—1940).

⚓

⚓⚓

⚓⚓⚓

Адмирал Флота Советского Союза И.С. Исаев. Начальник Главного Морского штаба (1940—1945), начальник штаба ВМС (1946—1947).

⚓

Адмирал В.А. Алафузов. ВРИД начальника Главного морского штаба (1942—1943, 1944—1945).

⚓⚓

⚓⚓⚓

Вице-адмирал Г.А. Степанов. ВРИД начальника Главного морского штаба (1942—1943).

⚓

⚓⚓

Главный штаб ВМФ (главный вход).

⚓

⚓⚓

Здание Главного морского штаба (1938—1945).

⚓

⚓⚓

⚓⚓⚓

Адмирал С.Г. Кучеров. Начальник Главного
морского штаба (1945—1946).

⚓

Адмирал А.Г. Головки. Начальник Главного
штаба ВМС (1947—1950) и Морского генераль-
ного штаба (1950—1952).

⚓⚓

⚓⚓⚓

Вице-адмирал И.Д. Елисеєв. ВРИО начальника
Морского генерального штаба (1952—1953) и
ВРИО начальника Главного штаба ВМС (1953).

Адмирал Флота Советского Союза Н.Г. Кузнецов. Народный комиссар ВМФ (1939—1946). Военно-морской министр (1951—1953). Главнокомандующий ВМС (1953—1955), Главком ВМФ — 1955—1956.

Адмирал Флота Советского Союза С.Г. Горшков. Главнокомандующий Военно-Морским Флотом (1956-1985).

⚓

⚓⚓

Адмирал В.А. Фокин. Начальник Главного штаба ВМС (1953—1958).

⚓

⚓⚓⚓

Адмирал Ф.В. Зозуля. Начальник Главного штаба ВМФ (1958—1964).

⚓⚓

⚓⚓⚓

Адмирал флота Н.Д. Сергеев. Начальник Главного штаба ВМФ (1964—1977).

⚓

⚓⚓

⚓⚓⚓

Адмирал флота Г.М. Егоров. Начальник Главного штаба ВМФ (1977—1981).

⚓

Адмирал флота В.Н. Чернавин. Начальник Главного штаба ВМФ (1981—1985). Главнокомандующий ВМФ (1985—1992).

⚓⚓

⚓⚓⚓

Адмирал флота К.В. Макаров. Начальник Главного штаба ВМФ (1985—1992).

⚓

⚓⚓

Вице-адмирал М.А. Воронцов. Начальник разведуправления ГМШ ВМФ (1942—1945). Начальник Второго Главного управления Морского генерального штаба (1950—1953).

⚓

Адмирал Н.А. Харламов. Начальник оперативного управления Главного морского штаба ВМФ (1945—1946).

⚓⚓

⚓⚓⚓

⚓⚓⚓

Адмирал Ю.А. Пантелеев. Начальник оперативного управления Главного штаба ВМС (1947-1948).

⚓

⚓⚓

Комплекс зданий Главного штаба ВМФ в Большом Козловском переулке.

⚓

⚓⚓

Адмирал В.Н. Алексеев. Первый заместитель начальника Главного штаба ВМФ (1965—1975).

⚓

⚓⚓

Адмирал флота Н.И. Смирнов. Начальник оперативного управления Главного штаба ВМФ в 1964—1969 гг.

⚓

Адмирал П.Н. Навойцев. Начальник оперативного управления Главного штаба ВМФ (1971—1975). Первый заместитель начальника Главного штаба ВМФ (1975—1987).

⚓⚓

⚓⚓⚓

⚓⚓⚓

Адмирал В.П. Иванов. Начальник оперативного управления Главного штаба ВМФ (1983—1986).

⚓

⚓⚓

Командно-штабное учение.

⚓

⚓⚓

Адмирал флота Ф.Н. Громов Главнокомандующий ВМФ в 1992—1997 гг.

На Центральном командном пункте ВМФ:
на *переднем плане* — начальник ЦКП контр-адмирал П. М. Авдейчик (справа) и оперативный
дежурный контр-адмирал А. А. Пасиницкий, 1998 г.

Трудное решение.

Первый заместитель начальника ГШ ВМФ вице-адмирал В. И. Ильин и контр-адмирал К. С. Колотыгин, 1998 г.

⚓

⚓⚓

⚓⚓⚓

Адмирал В.Е. Селиванов. Начальник штаба
ВМФ (1992—1996).

⚓

Адмирал В.И. Куроедов. Начальник Главного
штаба ВМФ (1997). Главнокомандующий ВМФ
с ноября 1997 г.

⚓⚓

⚓⚓⚓

Адмирал И.В. Касатонов. Возглавил Главный
штаб ВМФ с 1 апреля 1998 г.

Празднование 60-летия Главного штаба ВМФ (январь 1998 г.).

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Уважаемые читатели!

Перевернута еще одна страница трехсотлетней истории центральных органов управления флотом.

Впереди новые свершения, новые испытания и, надеемся, новые достижения и победы. Иначе не может быть, пока есть на свете российские моряки и корабли под Андреевским флагом.

Хочется верить, что эту книгу вы прочли с интересом. Рождалась она непросто, хотя тема представляется не слишком сложной. Но это лишь на первый взгляд.

Прикоснувшись к ней, мы пришли к выводу, что развитие органов управления отечественного ВМФ происходило не само по себе. Оно в продолжение XVIII—XIX веков было самым непосредственным образом связано с эволюцией политической и общественно-экономической системы Российского государства, а затем — с революционными катаклизмами XX века.

Система управления отечественным флотом всегда была результатом слияния двух школ, двух традиций, одной — уходящей корнями к истокам западноевропейской военно-морской мысли, и другой — самобытной, вбиравшей в себя многовековой опыт становления и развития российской цивилизации.

Исследование, проведенное авторами книги, свидетельствует, что эта самобытность была обусловлена не только огромными размерами, суровым климатом и относительной малонаселенностью нашей страны, но и тем, что ее исторический путь оказался весьма сложным, в результате чего развитие русского общества было сопряжено с постоянным преодолением территориальной и политической изоляции, отставания России в экономической и научно-технической сфере от передовых стран Запада.

Периодически это требовало мобилизации всех ресурсов страны, причем не столько на цели модернизации общества, сколько для сохранения целостности и независимости Российского государства, обеспечения физического выживания создавших его народов.

Последнее побуждало к предельной централизации власти, выстраиванию управленческой системы, пронизывающей государственный организм главным образом по вертикалям. Однако руководство из центра не могло учесть всего многообразия местных условий, а плохая связь столиц с территориями, удаленными от них на многие тысячи верст, давала широкий простор для неисполнительности и административного произвола. Все это в полной мере было характерно и для органов управления флотом, породив многие проблемы, к решению которых по-настоящему удалось подойти лишь в нынешнем веке.

С другой стороны, развитие основных функций центральных органов управления было самым непосредственным образом связано с развитием техники, прежде всего средств связи. В частности, говорить о полноценном боевом управлении силами флота с берега не приходилось до тех пор, пока не было изобретено радио, а о руководстве действиями ВМФ на всем пространстве Мирового океана (в реальном масштабе времени) — до появления космических средств связи.

Организация и функции органов управления во все времена соответствовали реальному уровню развития морских вооружений формам и способам применения сил флота. Пока боевые корабли были вооружены гладкоствольными пушками, стрелявшими на несколько сотен метров, а основной и практически единственной формой применения корабельных соединений был морской бой, боевое управление флотом с берега сводилось к составлению общих инструкций флагманам. Большого фактически не требовалось. С превращением военных флотов из однородных в разнородные стратегические объединения, использующие дальнобойные артиллерийские системы, торпеды, мины и оружие морской авиации, с ростом масштабов и пространственного размаха вооруженной борьбы на морских и океанских театрах, которая с этого времени велась главным образом в форме операций и систематических боевых действий, потребовалась четкая дифференциация функций органов боевого и повседневного управления силами флота и органов, обеспечивающих их деятельность. Тогда же была осознана необходимость в планомерной заблаговременной подготовке сил флотов к ведению войны с конкретным вероятным противником с разработкой и реализацией многолетних кораблестроительных программ, планов мобилизационного развертывания и оборудования морских театров.

Все это в конечном итоге привело к тому, что в системе управления флотом ведущая роль стала принадлежать тем органам, которые обеспечивали руководство его строительством и применением.

В Российском флоте первым таким органом стал Морской генеральный штаб, созданный в 1906 г. Однако его структура и функции еще не в полной мере отвечали потребностям руководства флотом в повседневных условиях.

Добиться целесообразного соотношения основных управленческих функций и подойти к наиболее оптимальной структуре центральных органов управления впервые удалось лишь в 1938 г., когда был создан Главный морской штаб. Однако, как показало исследование, проведенное авторским коллективом, при этом не были до конца решены вопросы организации стратегического руководства Военно-Морским Флотом в военное время, и только после того, как нарком ВМФ были даны права главнокомандующего, система управления силами флота приобрела устойчивый характер.

Новым этапом в развитии центральных органов ВМФ стали годы ракетно-ядерного противостояния в Мировом океане, когда была развернута глобальная система управления силами флота, обеспечивающая их массированное применение при внезапном развязывании войны, практически в любой момент времени.

История развития Главного штаба ВМФ в 1938—1965 гг. свидетельствует о том, что наша военно-морская мысль закономерно пришла к обоснованию теории управления в качестве самостоятельного элемента теории ВМФ.

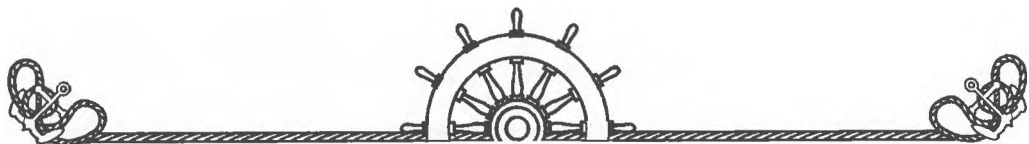
И в этой области мы шли своим путем. Может быть, поэтому в прошлом было совершенно немало ошибок, но объективный анализ позволяет утверждать, что чаще всего они совершались от того, что иных альтернатив у наших предшественников просто не было.

Этот вывод особенно актуален теперь, когда свобода выбора в принятии управленческих решений до крайности ограничена тяжелыми финансово-экономическими условиями, когда мы не можем не отдавать себе отчета в том, что всякое усилие, предпринимаемое в интересах укрепления обороны государства, должно быть соразмерно его реальным возможностям, иначе результат может быть прямо противоположным. Вместе с тем опыт последних лет учит нас, что надежды на то, что, бесконечно уступая и отказываясь от защиты своих национальных интересов, мы купим себе прочный мир и благоденствие, по крайней мере наивны.

У процветания есть своя цена. Немалая часть ее — это расходы на содержание военной организации государства и в том числе — эффективной системы органов управления Вооруженными Силами. Пока российское общество в нестабильном, переходном состоянии, приходится произносить эти слова вслух. Может быть, потом, когда наша жизнь будет относительно благополучной, это станет аксиомой и для крупных политиков, и для рядовых граждан.

А пока Военно-Морской Флот и его Главный штаб живут и работают в экстремальном режиме с верой в Россию, в разум и жизненные силы ее великого народа.

ИСТОРИЯ ОРГАНОВ УПРАВЛЕНИЯ ВМФ В ЛИЦАХ

ПРЕЗИДЕНТЫ АДМИРАЛТЕЙСТВ-КОЛЛЕГИИ (1717 — 1802)

Генерал-адмирал Ф.М. Апраксин — 15.12.1717—10.11.1728.

Адмирал П.И. Сиверс — вице-президент фактически замещал должность президента 1728—1732.

Адмирал Н.Ф. Головин — 25.03.1733—15.07.1745.

В 1745—1750 гг. — должность президента замещали старшие из присутствовавших в коллегии.

Адмирал, с 05.09.1756 генерал-адмирал М.М. Голицын — 07.04.1750—10.04.1762.

Генерал-адмирал, великий князь, цесаревич Павел Петрович (фактически коллегию возглавлял вице-президент И.Г. Чернышев) — 02.12.1762 — 06.11.1796.

Адмирал И.Л. Голенищев-Кутузов — 23.10.1798—12.04.1802.

ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТЫ АДМИРАЛТЕЙСТВ-КОЛЛЕГИИ (1717 — 1802)

Адмирал К.И. Крюйс — 15.12.1717—03.07.1727.

Адмирал П.И. Сиверс — 14.11.1727—18.02.1732.

Генерал-кригскомиссар Ф.И. Соймонов — 18.10.1739—1740.

Вице-адмирал, с 1796 — генерал-фельдмаршал от флота И.Г. Чернышев — 04.06.1769—26.02.1797.

Адмирал И.Л. Голенищев-Кутузов — 20.06.1797—23.10.1798.

Адмирал Г.Г. Кушелев — 25.10.1798—10.08.1801.

Адмирал Н.С. Мордвинов — 1801—1802.

РУКОВОДИТЕЛИ МОРСКОГО ВЕДОМСТВА (1802 — 1917)

Адмирал Н.С. Мордвинов министр Морских сил — 08.09.1802—28.12.1802.

Адмирал П.В. Чичагов товарищ министра Морских сил — 31.12.1802—июль 1807, министр Морских сил — июль 1807—28.11.1811.

Адмирал И.И. де Траверсе министр Морских сил (с 1815 — морской министр) — 28.11.1811 — 29.03.1828 (в 1809 — 1811 управлял министерством за отсутствием П.В. Чичагова).

Адмирал А.В. фон Моллер — морской министр — 01.01.1828—05.02.1836 (в 1821—1828 управлял министерством в связи с болезнью И.И. де Траверсе, пребывая в должности начальника Морского штаба).

Адмирал А.С. Меншиков — начальник Морского штаба Его Величества (с 1831 — начальник Главного морского штаба) — 25.03.1828—23.02.1855.

Генерал-адмирал великий князь Константин Николаевич — главный начальник флота и управляющий Морским министерством на правах министра (с 1867 — главный начальник флота и Морского ведомства) — 23.02.1855—13.07.1881 (за отсутствием А.С. Меншикова управлял Морским министерством в должности товарища начальника Главного морского штаба с 25.06.1852 по 23.02.1855).

Вице-адмирал (с 1856 — адмирал) Ф.П. Врангель — управляющий Морским министерством — 18.05.1855—27.07.1857.

Адмирал Н.Ф. Метлин — управляющий Морским министерством — 27.07.1857— 19.09.1860 (с 04.02. по 27.07.1857 — временно исполнял эту должность).

Адмирал Н.К. Краббе — управляющий Морским министерством — 19.09.1860—03.01.1876 (с 04.09. по 19.09.1860 временно исполнял эту должность).

Адмирал З.З. Балк — временно исполняющий должность управляющего Морским министерством — 1869.

Вице-адмирал С.С. Лесовский — управляющий Морским министерством — 12.01.1876—23.06.1880 (в 1871 — 1873 временно исполнял эту должность).

Контр-адмирал А.А. Пенцуров — управляющий Морским министерством — 23.06.1880 — 11.01.1882.

Генерал-адмирал великий князь Алексей Александрович — главный начальник флота и морского ведомства — 13.07.1881—02.06.1905 (с 20.05. по 13.07.1881 временно исполнял эту должность).

Вице-адмирал (с 1888 — адмирал) И.А. Шестаков — управляющий Морским министерством — 11.01.1882—21.01.1888.

Вице-адмирал, адмирал Н.М. Чихачев — управляющий Морским министерством — 28.11.1888—14.05.1896.

Вице-адмирал (с 06.12.1901 — адмирал) П.П. Тыртов — управляющий Морским министерством — 13.07.1896—10.03.1903.

Вице-адмирал (с 17.04.1905 — адмирал) Ф.К. Авелан — управляющий Морским министерством — 10.03.1903—29.06.1905.

Вице-адмирал А.А. Бирилев — морской министр — 29.06.1905—11.01.1907.

Адмирал И.М. Диков — морской министр — 11.01.1907 — 08.01.1909.

Контр-адмирал (с 1909 — вице-адмирал) С.А. Воеводский — морской министр — 8.01.1909—18.03.1911.

А.И. Гучков — военный и морской министр — 03.03.1917 — 12.05.1917.

А.Ф. Керенский — военный и морской министр — 12.05.1917 — 30.08.1917.

В.И. Лебедев — исполняющий обязанности управляющего Морским министерством — 12.07.1917—22.08.1917.

Б.В. Савинков — управляющий Морским министерством — 22.08.1917—30.08.1917.

Контр-адмирал Д.Н. Вердеревский — морской министр — 30.08.1917—11.11.1917.

Капитан 1 ранга С.А. Кукель — исполняющий обязанности морского министра — 11.11.1917 — 14.11.1917.

Капитан 1 ранга (с 04.12.1917 — контр-адмирал) М.В. Иванов — управляющий Морским министерством — 14.11.1917—24.01.1918.

НАЧАЛЬНИКИ ГЛАВНОГО МОРСКОГО ШТАБА (1884 — 1917)

Вице-адмирал Н.М. Чихачев — 20.02.1884—28.11.1888.

Вице-адмирал О.К. Кремер — 28.11.1888—14.05.1896.

Вице-адмирал Ф.К. Авелан — 13.07.1896—10.03.1903.

Контр-адмирал (с 1904 — вице-адмирал) З.П. Рожественский — 04.10.1904—08.05.1906 (с 17.03.1903 исполнял эту должность).

Контр-адмирал А.А. Вирениус (временно исполнял эту должность) — 19.04.1904—29.11.1904.

Вице-адмирал П.А. Безобразов (временно исполнял эту должность) — 29.11.1904—05.08.1905.

Контр-адмирал А.А. Вирениус (временно исполнял эту должность) — 05.08.1905—21.08.1906.

Контр-адмирал А.Г. Видермиллер (временно исполнял эту должность) — 21.08.1906—10.01.1907 исполняющий должность.

Контр-адмирал (с 06.12.1909 — вице-адмирал) Н.М. Яковлев — 15.01.1907—08.04.1911 (до 06.12.1909 временно исполнял эту должность).

Контр-адмирал (с 06.12.1911 — вице-адмирал) М.В. Князев — 18.04.1911—17.09.1913 (до 18.04.1911 временно исполнял эту должность).

Вице-адмирал А.И. Русин — 17.09.1913—17.04.1914.

Вице-адмирал (с 06.12.1916 — адмирал) К.В. Стеценко — 17.04.1914—02.03.1917.

Капитан 1 ранга В.Е. Егорьев — 14.03.1917—01.06.1917.

НАЧАЛЬНИКИ МОРСКОГО ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА (1906 — 1917)

Капитан 1 ранга (с 05.04.1907 — контр-адмирал) Л.А. Брусилов — 26.04.1906 — 16.07.1908 (до 05.04.1907 временно исполнял эту должность).

Контр-адмирал (с 06.12.1909 — вице-адмирал) А.А. Эбергард — 14.07.1908—11.10.1911.

Контр-адмирал (с 25.03.1912 — вице-адмирал) А.А. Ливен — 11.10.1911—03.03.1914.

Вице-адмирал (с 10.03.1916 — адмирал) А.И. Русин — 17.04.1914—04.04.1917.

Контр-адмирал М.А. Кедров — 04.04.1917—01.06.1917.

Капитан 1 ранга (с 28.07.1917 — контр-адмирал) А.П. Капнист — 27.07.1917—15.11.1917 (временно исполнял эту должность).

Капитан 1 ранга Е.А. Беренс — 16.11.1917 — 31.12.1917 (временно исполнял эту должность).

НАЧАЛЬНИКИ ОРГАНОВ ОПЕРАТИВНОГО РУКОВОДСТВА И БОЕВОЙ ПОДГОТОВКИ ВМФ (1917 — 1937)

Капитан 1 ранга Е.А. Беренс — начальник Морского генерального штаба, одновременно член Высшего военного совета — 01.11.1917—22.05.1919 (с 01.04. по 09.1918 — ВРИД коморси Республики с 24.04.1919).

В.С. Вечеслов — ВРИД начальника Морского генерального штаба — 22.05.—11.09.1919.

А.Н. Мелентьев — начальник Морского генерального штаба — 11.09.1919—27.08.1921.

Б.С. Радзиевский — начальник Штаба коморси Республики — 22.07.1919—03.07.1920; ачальник штаба всех Морских Сил Республики — 03.07.1920—11.01.1921.

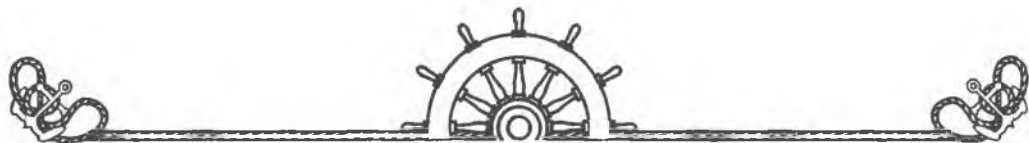
А.В. Домбровский — начальник Штаба всех Морских Сил Республики — 11.01.1921; начальник Морского штаба Республики — 27.08.1921—23.12.1923; начальник Штаба РККФ 23.12.1923—17.12.1924.

Г.А. Степанов — ВРИД начальника Штаба РККФ — 17.12.1924—02.01.1925.

С.П. Блинов — начальник Штаба РККФ — 17.12.1924—31.08.1926.
А.А. Тошаков — начальник Учебно-строевого управления УВМС РККА — 31.08.1926—23.08.1927 (утвержден начальником 29.10.1926).
М.А. Петров — начальник Учебно-строевого управления УВМС РККА — 23.08.1927—12.10.1930.
И.М. Лудри — начальник Учебно-строевого управления УВМС РККА — 28.11.1930—09.03.1932.
Э.С. Панцержанский — начальник Учебно-строевого управления УВМС РККА — 13.04.—04.10.1932; начальник 2-го управления УВМС РККА; 04.10.1932—20.01.1935; начальник 1-го отдела Управления Морских Сил РККА — 20.01.1935—05.03.1937.
М.Е. Горский — начальник 1-го управления УВМС РККА — 04.10.1932—20.01.1935.
Капитан 1 ранга П.Г. Стасевич — начальник штаба Морских Сил РККА — 20.03. — 19.08.1937.
Капитан 1 ранга В.П. Калачев — начальник штаба Морских Сил РККА — 19.08.1937 — 03.02.1938.

НАЧАЛЬНИКИ ГЛАВНОГО ШТАБА ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА (1938 — 1998)

Адмирал Л.М. Галлер — начальник ГМШ ВМФ — 10.01.1938—23.10.1940.
Адмирал (с 1944 — адмирал флота) И.С. Исаков — начальник ГМШ ВМФ — 23.10.1940—21.04.1945; начальник ГШ ВМС — 18.02.1946—19.02.1947.
Вице-адмирал (с 25.09.1944 — адмирал) В.А. Алафузов — ВРИД начальника ГМШ ВМФ — 07.1942—03.1943; 07.1944—04.1945.
Вице-адмирал Г.А. Степанов — ВРИД начальника ГМШ ВМФ — 04.1943—07.1944.
Адмирал С.Г. Кучеров — начальник ГМШ ВМФ — 21.04.1945—18.02.1946.
Адмирал А.Г. Головкин — начальник ГШ ВМС — 19.02.1947— 10.02.1950; начальник МГШ — 10.02.1950—06.08.1952.
Вице-адмирал И.Д. Елисеев — ВРИО начальника МГШ — 06.08.1952—10.03.1953; ВРИО начальника ГШ ВМС — 15.03.1953—11.05.1953.
Адмирал В.А. Фокин — начальник ГШ ВМС; 16.03.1955—19.02.1958 начальник ГШ ВМФ — 11.05.1953—16.03.1955.
Адмирал Ф.В. Зозуля — начальник ГШ ВМФ — 19.02.1958—25.05.1964.
Адмирал флота Н.Д. Сергеев — начальник ГШ ВМФ — 13.06.1964—01.07.1977.
Адмирал флота Г.М. Егоров — начальник ГШ ВМФ — 01.07.1977—18.11.1981.
Адмирал флота В.Н. Чернавин — начальник ГШ ВМФ — 16.12.1981—29.11.1985.
Адмирал флота К.В. Макаров — начальник ГШ ВМФ — 30.12.1985—12.09.1992.
Адмирал В.Е. Селиванов — начальник ГШ ВМФ — 12.09.1992—28.02.1996.
Адмирал И.Н. Хмельнов — начальник ГШ ВМФ — 28.02.1996—29.04.1997.
Вице-адмирал В.А. Ильин — ВРИО начальника ГШ ВМФ — 29.04.1997—17.07.1997.
Адмирал В.И. Куроедов — начальник ГШ ВМФ — 17.07.1997—11.11.1997.
Вице-адмирал В.А. Ильин — ВРИД начальника ГШ ВМФ — 14.11.1997—1.04.1998.
Адмирал И.В. Касатонов — ВРИД начальника ГШ ВМФ — с 01.04.1998.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

- Абанькин П.С. 116
Авелан Ф.К. 39
Адамов В.М. 137
Алафузов В.А. 82, 84, 91, 94, 99,
100, 102, 115
Александр I 21, 24
Александр II 31
Александр III 36
Алексей Александрович 41
Альтфатер В.М. 57—60
Андреев А.А. 67
Андреев В.А. 104
Анкундинов И.Я. 67, 69
Анна Иоанновна 13
Антонов В.Г. 108
Антонов-Овсеенко В.А. 55
Аполлонов А.Н. 152
Апраксин Ф.М. 8, 9, 13

Б

- Бабин П.И. 84, 91, 102
Багреев И.Т. 69
Байков И.И. 116
Бараболя П.Д. 151
Баранов А.В. 56, 66
Баранов П.И. 70
Басистый Н.Е. 116
Беренс Е.А. 56
Берия Л.П. 108
Бестужев Н.А. 26
Бирилев А.А. 41, 42, 46
Блинов С.П. 67, 69
Богденко В.Л. 101, 102

- Боголепов В.П. 75
Бологов Н.А. 102
Бредаль П.П. 13
Брежнев Л.И. 125
Брусилов Л.А. 43, 47, 60
Бубнов А.С. 70
Буденный С.М. 70
Булганин Н.А. 112

В

- Вахрамеев И.И. 55, 57—59
Вердеревский Д.Н. 52
Вершинин Д.А. 97
Веселаго Ф.Ф. 87
Вешторг Б.А. 130
Викторов М.В. 70
Виниус А.А. 7
Виноградов Н.И. 116
Владимирский Л.А. 146
Власьев Н.И. 69
Воеводский С.А. 46, 50
Вознесенский Н.А. 108
Воробьев С.И. 92
Воронцов М.А. 100, 102
Ворошилов К.Е. 70
Врангель Ф.П., фон 31, 32

Г

- Галлер Л.М. 75, 80—83, 90, 92,
94, 107, 115, 126
Гартман 7
Гейден А.Ф. 42
Голенищев-Кутузов И.Л. 19
Голицын М.М. 13, 16

Головин Н.Ф. 13, 14, 16
Головин Ф.А. 8
Головко А.Г. 115, 116, 118, 121,
127
Гончаров Л.Г. 58, 72
Горбачев М.С. 157
Горшков С.Г. 124, 125, 127, 131,
139, 145, 153
Григорович И.К. 46, 50—52
Громов Ф.Н. 160
Гусев С.И. 64, 66, 67
Гучков А.И. 52

Д

Давыдов В.А. 137
Диков И.М. 46
Дмитриев-Мамонов В.А. 13
Долинин М.М. 102
Домбровский А.В. 66, 67
Дунин-Борковский М.И. 58
Дыбенко П.Е. 55, 57

Е

Евдокимов В.П. 56
Евсеев А.К. 84
Егоров А.И. 70
Егоров Г.М. 153, 154
Егорьев В.Е. 87
Екатерина II 16, 19
Елизавета Петровна 16
Елисеев И.Д. 109, 121

Ж

Жаворонков С.Ф. 91
Жандр А.П. 36
Жданов А.А. 82, 108
Жуков Г.К. 92, 121, 122, 124

З

Завалишин Д.И. 26
Захаров С. 116
Зозуля Ф.В. 127
Зоф В.И. 66, 69
Зубов П.А. 19
Зуенко С.П. 152
Зуйков Н.И. 91

И

Иванов М.В. 55, 56
Иванов С.Н. 82, 91
Иванов Ю.В. 137
Игнатъев Н.И. 60
Игнатъев С.П. 92
Измайлов Н.Ф. 66
Исаков И.С. 75, 82, 87, 88, 90—
93, 100, 101, 104, 108, 115, 127

К

Кабанов С.И. 104
Каменев С.С. 64, 70
Капнист А.П. 52, 56
Касатонов В.А. 104
Каховский М.В. 19
Квятковский Ю.П. 137
Кедров М.А. 52
Керенский А.Ф. 52, 55
Кечеджи Н.К. 84, 91, 102
Кикин А.В. 8
Киреев И.А. 98, 102
Климкин С.Д. 91
Ковальский В.В. 55
Козлов В.С. 152
Колмогоров А.Н. 141
Комаров П.В. 102
Константин Николаевич 31, 33,
36, 39
Корбетт Дж. 87
Корк А.И. 70
Краббе Н.К. 32, 33
Кревет А.Ю. 7
Кремер О.К. 39
Круглов В.И. 86
Крузенштерн И.Ф. 21
Крыленко Н.В. 55
Крюйс К.И. 9, 13
Куделя А.С. 131
Кузнецов Н.Г. 82—84, 90, 92, 95—
97, 100, 106—109, 112, 114—116, 120,
121, 127
Курков П.И. 67
Куроедов В.И. 167
Кучеров С.Г. 102, 115, 127
Кушелев Г.Г. 19

Л

Лебедев А.Н. 72
Левицкий А.И. 58
Левченко Г.И. 92, 94, 116, 119, 120
Ленин В.И. 62, 64, 66
Лесков П.Н. 67, 69
Лесовский С.С. 32, 33
Лефорт Ф.Я. 7
Ливен А.А. 43, 60
Лисянский Ю.Ф. 21
Литке Ф.П. 31
Лукашевич С.П. 67

М

Макаров К.В. 167
Макаров С.О. 87
Малиновский Р.Я. 144
Матвеев Б.П. 84
Маторин 7
Меншиков А.С. 26, 28, 30, 31
Метлин Н.Ф. 32
Милославский Ф.С. 16
Милюков Я.А. 84
Моллер А.В., фон 25, 28
Мордвинов Н.С. 19, 21
Мордвинов С.И. 16
Муклевич Р.А. 69, 70
Мушнов И.С. 82
Мэхэн А.Ф. 87

Н

Навойцев П.Н. 140
Немитц А.В. 60
Николай I 25, 26, 30
Николай II 42, 46, 47, 49, 50
Николай Николаевич 51
Новиков Н.В. 58
Норов Г.В. 9
Носенко И.И. 107—108

О

Озаровский Н.Ю. 102
Озолин Я.И. 68
Орджоникидзе Г.К. 67
Орлов В.М. 68, 70, 72, 74, 79
Остерман А.И. 13

П

Павел I Петрович 17, 19, 31
Палицын Ф.Ф. 47
Панцержанский Э.С. 66, 67
Паук А.А. 163
Петр I 3, 7—9, 12, 13, 16, 20
Петров А.И. 91
Петров А.П. 91
Петров Б.Ф. 131
Петров М.А. 62, 69—71
Пешуров А.А. 32, 36
Пилсудский Г.С. 59
Пирумов В.С. 141
Питерский Н.А. 82
Платонов В.И. 116—120
Погодин М.Ф. 60
Попов А.А. 33
Потников А.М. 70
Потемкин Г.А. 19
Протасьев А.П. 8

Р

Радзиевский Б.С. 60
Раль Ю.Ф. 91
Раскольников Ф.Ф. 56—59
Рогов И.В. 92
Рожественский З.П. 39
Русин А.И. 43, 51
Рыков А.И. 62

С

Савельев П.В. 84
Сагоян А.А. 109
Сакс С.Е. 57, 58
Салагин Я.Т. 109
Селиванов В.Е. 167
Сендик И.М. 91, 102
Сенявин Н.А. 13
Сергеев Н.Д. 104, 116, 120, 127,
131, 140, 149, 150, 153
Сергеенко Б.И. 144
Сериков А.П. 144
Сериков Н.А. 84
Сиверс П.И. 13
Сивков А.К. 82
Смирнов Н.И. 140

Смирнов П.А. 82, 83
Смирнов-Светловский П.И. 82,83
Спиридов Г.А. 16
Ставицкий С.П. 75, 100, 102, 108,
109
Сталин И.В. 74, 76, 79, 83, 90, 93, 95,
101, 106—108, 110, 115, 116, 121, 122, 126
Степанов Г.А. 68, 69, 102, 115
Стеценко К.В. 43
Столыпин П.А. 49, 50
Стрешнев Т.Н. 7
Суворов А.В. 19

Т

Тиммерман Ф. 7
Тимошенко С.К. 92
Томашевич А.В. 87, 98
Тормасов И. 9
Тошаков А.А. 69
Траверсе И.И. де 24, 25
Триандафиллов В.К. 68
Трибуц В.Ф. 101
Троцкий Л.Д. 58, 64, 66
Трошин В.В. 163
Тухачевский М.Н. 68, 70
Тыртов П.П. 39

У

Уншлихт И.С. 70
Устинов Д.Ф. 108
Ушаков Г.М. 102

Ф

Фокин В.А. 121, 127
Фриновский М.П. 83
Фролов А.С. 104

Фрунзе М.В. 67
Фрунтов И.В. 64

Х

Харламов Н.М. 104, 116, 120
Хмельнов И.Н. 167
Хомченков Г.А. 84
Хрущев Н.С. 121, 122, 124, 147
Хурс И.К. 137

Ч

Чернавин В.Н. 153, 154, 157
Чернышев Г.П. 9
Чернышев И.Г. 16, 17, 19
Чихачев Н.М. 36
Чичагов П.В. 21, 24

Ш

Шапошников Б.М. 70, 83
Шапошников М.Р. 82
Шереметев П.В. 8
Шестаков И.А. 36

Щ

Щеглов А.Н. 42

Э

Эбергард А.А. 43, 60

Ю

Юмашев И.С. 116, 118, 120

Я

Якир И.Э. 70
Яковлев И. 8
Яковлев Н.М. 43

ПЕРЕЧЕНЬ СНОСОК

ОРГАНЫ УПРАВЛЕНИЯ РОССИЙСКИМ ФЛОТОМ В 1696 — 1802 гг.

- ¹ Елагин С. История русского флота. Период азовский. — СПб., 1864. — С. 20—27.
- ² Елагин С. История русского флота. Период азовский. Приложения. — Ч. 1. — СПб., 1864. — С. 14—165, 203.
- ³ Елагин С. История русского флота. Период азовский. С. 101.
- ⁴ Богословский М.М. Петр I. Материалы для биографии. М., 1948. Т.4. С. 266—267.
- ⁵ Материалы для истории русского флота (далее МИРФ): СПб., 1865. Ч. 1. С. 48—49, 83, 97—98, 133.
- ⁶ МИРФ. СПб., 1866. Ч.3. С. 357.
- ⁷ Там же. С. 363.
- ⁸ Полное собрание законов Российской империи (далее ПСЗ). Собрание 1. СПб., 1830. Т.5. С. 525, 528.
- ⁹ МИРФ. СПб., 1867. Ч.4. С. 350.
- ¹⁰ ПСЗ. Собр. 1. Т.6. С. 2—116.
- ¹¹ ПСЗ. Собр. 1. Т.6. С. 306—525.
- ¹² ПСЗ. Собр. 1. Т.6. С. 525, 543.
- ¹³ МИРФ. СПб., 1867. Ч.4. С. 484.
- ¹⁴ ПСЗ. Собр. 1. Т.6. С. 600—601.
- ¹⁵ МИРФ. СПб., 1867. Ч.4. С. 373.
- ¹⁶ Чубинский В. Историческое обозрение устройства управления морским ведомством в России. СПб., 1890. С. 55—56.
- ¹⁷ ПСЗ. Собр. 1. Т.8. С. 620.
- ¹⁸ ПСЗ. Собр. 1. Т.8. С. 902—907, Т.44. Ч. 1. С. 14—29.
- ¹⁹ Чубинский В. Указ. соч. С. 53—65.
- ²⁰ ПСЗ. Собр. 1. Т.11. С. 786—787.
- ²¹ ПСЗ. Собр. 1. Т.44. Ч. 1. С. 53—90.
- ²² ПСЗ. Собр. 1. Т.16. С. 422—425.
- ²³ ПСЗ. Собр. 1. Т.16. С. 432—443.
- ²⁴ ПСЗ. Собр. 1. Т.44. Ч. 1. С. 94—96.
- ²⁵ ПСЗ. Собр. 1. Т.44. Ч.1. С.119, 124, 144.
- ²⁶ ПСЗ. Собр. 1. Т.17. С. 233—313.
- ²⁷ Чубинский В. Указ соч. С. 103—106.
- ²⁸ ПСЗ. Собр. 1. Т. 44. Ч. 1. С. 165 — 166.
- ²⁹ ПСЗ. Собр. 1. Т. 22. С. 440 — 441, Т. 44. Ч. 1. С. 213—215.
- ³⁰ ПСЗ. Собр. 1. Т. 44. Ч. 1. С. 255 — 256.
- ³¹ ПСЗ. Собр. 1. Т. 44. Ч. 1. С. 255.

ЭВОЛЮЦИЯ ОРГАНОВ УПРАВЛЕНИЯ ФЛОТОМ В 1802—1905 ГГ.

- ¹ ПСЗ. Собр. 1. Т.27. С. 243—248.
- ² ПСЗ. Собр. 1. Т. 27. С. 305—306.
- ³ ПСЗ. Собр. 1. Т.44. Ч.1. XIX век. С.8—9.
- ⁴ ПСЗ. Собр. 1. Т. 28. С. 452—453, 1214—1217; Т. 32. С. 333—334.
- ⁵ ПСЗ. Собр. 1. Т. 28. С.935—970. Т.44. Ч.1. XIX век. С.57—58.
- ⁶ ПСЗ. Собр. 1. Т. 29. С. 131—132.
- ⁷ ПСЗ. Собр. 1. Т. 31. С. 196, 529—531.
- ⁸ ПСЗ. Собр. 1. Т.31. С. 699.
- ⁹ ПСЗ. Собр.1. Т. 32. С. 18.
- ¹⁰ ПСЗ. Собр.1. Т. 32. С. 333—334.
- ¹¹ ПСЗ. Собр. 1. Т.37. С. 927—928.
- ¹² ПСЗ. Собр. 1. Т.39. С. 113—114.
- ¹³ ПСЗ.Собр. 2. Т. 1. СПб. 1830. С. 37—38.
- ¹⁴ ПСЗ. Собр. 2. Т.2. СПб, 1830. С. 45—54.
- ¹⁵ ПСЗ. Собр. 2. Т. 2. С. 222.
- ¹⁶ ПСЗ. Собр. 2. Т.3. СПб., 1830. С. 329—331; Т. 6, отд. 1. СПб., 1832. С. 191; Т. 6, отд. 2. СПб., 1832. С. 1.
- ¹⁷ ПСЗ. Собр. 2. Т. 11, отд. 1. СПб., 1837. С. 400—412; отд. 2. СПб., 1837. С. 74.
- ¹⁸ ПСЗ. Собр. 2. Т.12, отд. 2. СПб., 1838. С. 237—239.
- ¹⁹ ПСЗ. Собр. 2. Т. 12, отд. 2. СПб., 1838. С. 921—930.
- ²⁰ РГА ВМФ, ф. 163, оп. 1, д. 1.
- ²¹ ПСЗ. Собр. 2. Т. 22, отд. 1. С. 865—869.
- ²² Морской сборник. 1848. № 1. Отдел неофициальный. С. 126—130.
- ²³ Морской сборник. 1855. № 3. Разд. 1. С. VI.
- ²⁴ ПСЗ. Собр. 2. Т. 30, отд. 1. СПб., 1856. С. 343.
- ²⁵ ПСЗ. Собр. 2. Т. 30, отд. 1. С. 227; Т. 31. отд. 1. СПб., 1857. С. 724—727.
- ²⁶ ПСЗ. Собр. 2. Т.35, отд. 1. СПб., 1862. С. 73—90.
- ²⁷ Отчет о действиях Кораблестроительного департамента Морского министерства за 1860 г. СПб., 1861. С. 244.
- ²⁸ Отчет по морскому ведомству за 1856, 1857 и 1858 годы. СПб., 1860. С. 18.
- ²⁹ ПСЗ. Собр. 2. Т. 41, отд. 2. СПб., 1868. С. 415—421.
- ³⁰ ПСЗ. Собр. 2. Т. 42, отд. 1. СПб., 1871. С. 914—925.
- ³¹ ПСЗ. Собр. 2. Т. 44, отд. 1. СПб., 187. С. 458—512.
- ³² ПСЗ. Собр. 2. Т. 42, отд. 1. С. 637—737.
- ³³ ПСЗ. Собр. 3. Т. 4. СПб., 1887. С. 66—67.
- ³⁴ ПСЗ. Собр. 3. Т. 5. СПб., 1887. С. 271—292.
- ³⁵ ПСЗ. Собр. 3. Т. 5. Штаты и табели. С. 119—126.
- ³⁶ Отчет по морскому ведомству за 1884— 1889 годы. СПб., 1891. С. 284— 285.
- ³⁷ Указатель правительственных распоряжений по морскому ведомству за 1891 г. СПб., 1891. С. 671— 682.
- ³⁸ ПСЗ. Собр. 3. Т. 24, отд., 1. СПб., 1907. С. 111.

РАЗВИТИЕ ОРГАНОВ ОПЕРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ РОССИЙСКОГО ФЛОТА В 1906—1917 ГГ.

- ¹ Морской сборник // 1905. №9. Отдел официальный. С. 2 — 3, 19.
- ² ПСЗ. Собр. 3. Т. 26, отд. 1. СПб., 1909. С. 19.
- ³ Щеглов А. Значение и работа штаба на основании опыта русско-японской войны. М., 1941.
Казимиров М. Морской генеральный штаб // Морской сборник. 1912. № 9. Отдел неофициальный. С. 67.
- ⁴ Петров М.А. Подготовка России к мировой войне на море. М.: Госвоениздат, 1926. С. 99.
- ⁵ ПСЗ. Собр. 3. Т. 26, отд. 1. С. 464—465.
- ⁶ ПСЗ. Собр. 3. Т. 26, отд. 1. С. 618—620.
- ⁷ ПСЗ. Собр. 3. Т. 26, отд. 1. С. 773 — 774.
- ⁸ ПСЗ. Собр. 3. Т. 27, отд. 1. СПб., 1910. С. 12.
- ⁹ ПСЗ. Собр. 3. Т. 31, отд. 1. СПб, 1914.. С. 1136—1158.
- ¹⁰ Всеподданнейший отчет по Морскому министерству за 1914 г. Пг., 1915. С. 5.
- ¹¹ Указатель правительственных распоряжений по морскому ведомству за 1907. СПб., 1907. С. 1183—1188.
- ¹² Всеподданнейший отчет по Морскому министерству за 1914 г. 1915. С. 4.
- ¹³ Указатель...за 1917 г. С. 6.
- ¹⁴ Указатель...за 1917 г. С. 295—296, 628.
- ¹⁵ Указатель...за 1917 г. С. 390, 391, 439, 756—759, 813—815, 817, 833.

ОРГАНЫ ОПЕРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ФЛОТОМ В 1917 — 1938 гг.

- ¹ Военно-морской революционный комитет: Сборник документов. Л.: Наука, 1975. С. 17, 200; Боевая летопись Военно-Морского Флота, 1917 — 1941. М.: Воениздат, 1993. С. 50—51.
- ² Систематический сборник Постановлений, изданных по Народному комиссариату по морским делам с 25 октября 1917 г. по 31 декабря 1918 г. М., 1919. С. 29; РГА ВМФ, ф. 342, оп.1, д.1, л.52; ф. 249, оп.1, д. 108, л. 314.
- ³ Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 361—363.
- ⁴ Морской сборник. 1988. № 9. С. 79—84.
- ⁵ Декреты Советской власти. Т. 1. С. 130—131; РГА ВМФ, ф. 29, оп. 1, д. 159, л. 36, 49; Боевая летопись Военно-Морского Флота, 1917 — 1941. С. 56—57.
- ⁶ Боевая летопись Военно-Морского Флота, 1917 — 1941. С. 57.
- ⁷ Боевая летопись Военно-Морского Флота, 1917 — 1941. С. 53, 57; Декреты Советской власти. Т. 1. С. 434—435.
- ⁸ Декреты Советской власти. Т.2. С. 195—198; Советские архивы. 1987. № 5. С.18—19; РГА ВМФ, ф. Р-342, оп.1, д. 901, л. 26.
- ⁹ Боевая летопись Военно-Морского Флота, 1917 — 1941. С.53—54.
- ¹⁰ Декреты Советской власти. Т.1. С.522—523.
- ¹¹ Декреты Советской власти. Т.1. С.522—523.
- ¹² Декреты советской власти. Т. 2. М., 1959. С. 195—198.
- ¹³ РГА ВМФ, ф. Р-342, оп.1, д. 902, л. 34 ,35.
- ¹⁴ Морской сборник. 1988. № 8. С. 79—83.

- ¹⁵ РГВА, ф. 33988, оп.1, д.91, л. 8—9; Боевая летопись Военно-Морского Флота, 1917—1941. С. 60.
- ¹⁶ Систематический сб. Постановлений, изданных по Народному комиссариату по морским делам с 25 октября 1917 г по 31 декабря 1918 г. С. 18—19.
- ¹⁷ Систематический сб. Постановлений Революционного военного совета Республики по флоту и морскому ведомству и управляющего делами Народного комиссариата по морским делам с 1 января по 31 декабря 1919 г. М., 1922. С. 4—5.
- ¹⁸ РГА ВМФ, ф. р.-342, оп.1, д. 535, л. 18.
- ¹⁹ Систематический сб. Постановлений РВСР по флоту и морскому ведомству и управляющего делами народно комисариата по мор. делам с 1 января по 31 декабря 1919 г. С. 8—12; Морской комиссариат: Сб. статей Под ред. Беренса. М., 1920. С. 7—8.
- ²⁰ Морской сборник. 1989. № 2. С. 14.
- ²¹ РГА ВМФ, ф.р.-5, оп. 1, д.21, л.13—16; д. 9, л.9, 28; д. 10, л. 35; д. 113, л.5; д. 513, л.104, 105; ф. Р-342, оп. 1, д. 535, л. 18—41.
- ²² Боевая летопись Военно-Морского Флота, 1917—1941. С.64; Морской атлас. Т.3. Военно-исторический. Ч.1. Описания к картам, С. 930.
- ²³ Боевая летопись Военно-Морского Флота, 1917—1941. С. 63.
- ²⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 51. С. 320.
- ²⁵ РГА ВМФ, ф. р.-5, оп.1, д. 518, л. 3-4; Боевая летопись Военно-Морского Флота, 1917—1941. С.489.
- ²⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 83.
- ²⁷ РГА ВМФ, ф.р.-5, оп.1, д. 518, л. 3-4; Боевая летопись Военно-Морского Флота, 1917—1941. С. 489.
- ²⁸ РГВА, ф. 33987, оп. 2, д. 150, л. 30. **Березовский Н.Ю.** Как Троцкий и К^о разваливали флот // Военно-исторический журнал. 1990. №3. С. 56 — 57.
- ²⁹ Боевая летопись Военно-Морского Флота, 1917 — 1941. С. 495.
- ³⁰ Фрунзе М.В. Избранные произведения. М., 1977. С. 132—134.
- ³¹ Боевая летопись Военно-Морского Флота, 1917—1941. С. 530.
- ³² РГВА, ф. 29, оп.26, д. 32, л. 33—34.
- ³³ РГВА, ф. 4, оп.1, д. 743, л. 24, 64—68.
- ³⁴ Боевая летопись Военно-Морского Флота, 1917—1941. С. 541—544, 553.
- ³⁵ РГА ВМФ, ф. р-1483, оп. 1с., д. 62с., л. 74—77 об.
- ³⁶ История второй мировой войны: В 8 т. М.: Воениздат, 1974. Т. 1. С. 258.
- ³⁷ РГА ВМФ, ф. р-1483, оп. 1 с., д. 97, л. 101.
- ³⁸ Наставление по боевому применению морской авиации (1930): Введ. в действие приказом РВС СССР от 22 февраля 1930 г. № 43. Л.: Госвоениздат, 1930. С. 118.
- ³⁹ Боевой устав Военно-Морских Сил РККА (1930): Введ. в действие приказом РВС СССР от 27 февраля 1930 г. № 48. М.; Л.: Госиздат, Отдел военной литературы, 1930. С. 12.
- ⁴⁰ Боевой устав Военно-Морских Сил РККА (1930): Введ. в действие приказом РВС СССР от 27 февраля 1930 г. № 48. М.; Л.: Госиздат, Отдел военной литературы, 1930. С. 129.
- ⁴¹ Наставление по боевой деятельности речных флотилий. М., 1933. С. 125.
- ⁴² Тактический справочник для занятий с начальствующим составом Морских Сил РККА. Л., 1932. С. 546.
- ⁴³ Гончаров Л.Г. Курс морской тактики. Артиллерия и броня. Л., 1932. С. 390.
- ⁴⁴ Лебедев А.Н. Позиционная служба подводных лодок / Управление ВМС РККА по Военно-Морской академии имени К.Е. Ворошилова. М.; Л.: Отдел издательства НКО СССР, 1934. С. 85.
- ⁴⁵ Боевая летопись Военно-Морского Флота, 1917—1941. С. 584, 589, 591; РГА ВМФ, ф.р-1483, оп.3, д.88, л.20—34.
- ⁴⁶ РГА ВМФ, ф.р-1483, оп.1, д. 282, л. 5.
- ⁴⁷ РГА ВМФ, ф. р-1483, оп. 1, д. 368, л. 2.

- ⁴⁸ Боевая летопись Военно-Морского Флота, 1917—1941. С. 603.
- ⁴⁹ РГВА, ф. 4, оп. 3, д. 3304, л. 39—41; ф. 4, оп. 1, д. 348, л. 38—39; д. 368, л. 23—33; Боевая летопись Военно-Морского Флота, 1917—1941. С. 607.
- ⁵⁰ Временное Наставление по боевому применению морской авиации 1937 г.: Введ. в действие приказом заместителя народного комиссара обороны СССР по морским силам и начальника Морских Сил РККА от 4 мая 1937 г. № 059. М.; Л.: Госвоениздат, 1937. С. 168.
- ⁵¹ Боевая летопись Военно-Морского Флота, 1917—1941 С. 611.

ГЛАВНЫЙ МОРСКОЙ ШТАБ В 1938 — 1945 гг.

- ¹ Родионов Б.И., Березовский Н.Ю., Грибовский В.Ю. и др. Три века Российского флота: В 3 т. СПб. 1996. Т. 2. С. 311.
- ² Кузнецов Н.Г. Накануне. М., 1989. С. 296..
- ³ РГА ВМФ, ф. р-1483, оп. 3, д. 244, л. 1—3, 6 об.
- ⁴ РГА ВМФ, ф. р.-1678, оп.1, д. 10, л. 45.
- ⁵ РГА ВМФ, ф. р.-1877, оп. 1, д. 37, л.1.
- ⁶ РГА ВМФ, ф. р.-1672, оп.1, д.20, л. 61—62.
- ⁷ Зонин С.А. Адмирал Л.М. Галлер. М., 1991. С. 291, 292, 294, 295.
- ⁸ РГА ВМФ, ф. р.-1877, оп. 1, д. 78, л. 1—3; Зонин С.А. Адмирал Л.М. Галлер. С. 304—306.
- ⁹ РГА ВМФ, ф.2, оп. 1, д. 9, л. 28.
- ¹⁰ РГА ВМФ, ф. р.-1877, оп.1, д. 384, л. 1—39; ЦВМА, ф.3, д. 16529, л.1.
- ¹¹ РГА ВМФ, ф. р.-1678, оп. 1, д. 161, л. 175—180; ф.р.-961, оп. 1, д. 329, л. 25—30.
- ¹² РГА ВМФ, ф. р.-1877, оп. 1, д. 427, л. 5—7; ЦВМА, ф. 79, д. 33558, л. 37.
- ¹³ РГА ВМФ, ф. р.-1579, оп. 1, д. 192, л. 1—7; ЦВМА, ф. 79, д. 33558, л. 63.
- ¹⁴ РГА ВМФ, ф. р.-1877, оп. 1, д. 28, л. 25; д. 427, л. 34; ЦВМА, ф. 2, оп. 1, д. 7, л. 51—59, 65.
- ¹⁵ ЦВМА, ф. 2, оп. 16, д. 1, л. 20, 21; ф. 79, д.39776, л. 30, 110.
- ¹⁶ ЦВМА, ф. 2, оп. 1, д. 2, л. 35.
- ¹⁷ Грылев А.Н., Авдееико П.Г., Анфилов В.А. и др. Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. М.: Воениздат, 1961. С. 98—100.
- ¹⁸ ЦВМА, ф. 2, оп. 1, д. 38, л. 48—55, 127—189; оп. 16, д. 1, л. 158—269; д. 38, л. 18—20; д. 7, л. 216—221; ф. 13, оп. 71, д. 2445, л. 24—29.
- ¹⁹ Морской сборник. 1977. № 5. С. 25—31.
- ²⁰ ЦВМА, ф. 79, д. 39800, л. 256—321; д. 39819, л. 128.
- ²¹ ЦАМО, ф. 132 а, оп. 2642, д. 35, л. 7—10.
- ²² ЦВМА, ф. 79, д. 39814, л. 16—23; Библиотека НИИГ ВМФ. Инв. № 2852. Штат № 1\302.
- ²³ ЦВМА, ф. 79, д. 39832, л. 153—156.
- ²⁴ ЦВМА, ф. 79, д. 39836, л. 146.
- ²⁵ ЦВМА, ф. 2, оп.93, д.1, л. 7.

ГЛАВНЫЙ ШТАБ В 1945 — 1965 гг.

¹ ЦВМА, ф.2, оп. 1, д. 63, л.186—194.

² Кузнецов Н.Г. Крутые повороты //Военно-исторический журнал.1993. № 10. С. 46. (Автор имеет в виду трофейные немецкие лодки новых типов.)

³ Никольский В.И., Литинский Д.Ю. Эскадренные миноносцы типа “Смелый”. СПб, 1994. С. 16.

⁴ РГАЭ, ф. 8899, оп.1, д.3176, л. 1—128.

⁵ Три века Российского флота. СПб., 1996. Т. 3. С. 237.

⁶ ЦВМА, ф.2, оп. 4, д. 11, л.158.

⁷ Военно-исторический журнал. 1996. № 2. С.60—65; № 3. С.87—88.

⁸ ЦВМА, ф.14, оп. 2, д.8, л.16.

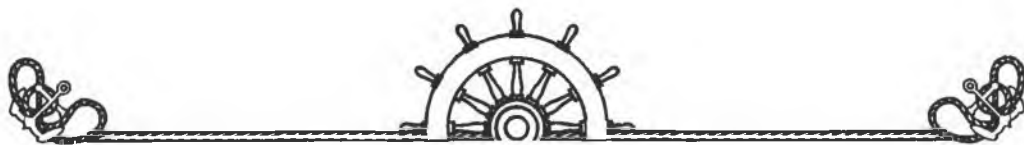
⁹ Горшков С.Г. Во флотском строю: Военные мемуары. СПб., 1996. С. 169.

¹⁰ Горшков С.Г. Во флотском строю. С. 512.

УПРАВЛЕНИЕ СИЛАМИ ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА В ПЕРИОД ГЛОБАЛЬНОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ В МИРОВОМ ОКЕАНЕ В 1966 — 1986 гг.

¹ Касатонов И.В. Океанский флот Отчизны. СПб., 1996. С. 88.

² Касатонов И.В. Флот вышел в океан. М., 1996. С. 315—317.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие ----- 3

Часть первая

Развитие центральных органов управления флотом в 1696—1937 гг.

Органы управления Российским флотом в 1696—1802 гг. -----	7
Эволюция органов управления флотом в 1802—1905 гг. -----	21
Развитие органов оперативного управления Российским флотом в 1906 — 1917 гг. --	41
Органы оперативного управления флотом в 1917 — 1938 гг. -----	55

Часть вторая

Главный штаб Военно-Морского Флота в 1938 — 1997 гг.

Главный морской штаб в 1938 — 1945 гг. -----	79
Главный штаб в 1945 — 1965 гг. -----	105
Управление силами Военно-Морского Флота в период глобального противостояния в Мировом океане в 1966—1986 гг. -----	129
На переломе 1987 — 1997 гг. -----	155
Вместо послесловия -----	169
<i>История органов управления ВМФ в лицах</i> -----	171
<i>Именной указатель</i> -----	175
<i>Перечень сносок</i> -----	179

05 June
12.02.41

Курган

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10

27.04

Котловина

Паньск

Семьск

д. Горное

д. Родное

д. Б. Татарск

д. М. Татарск

д. Валади

д. Вирь

НАРВСКИ

ЗАЛНИ

Курган

